

Библиотека Трансперсонального Института Человека Печкина



Кэтрин М. Бриггс

ЭЛЬФЫ В ТРАДИЦИИ И ЛИТЕРАТУРЕ

пер. Степан М. Печкин, 1998, 2007

Изд. Трансперсонального Института Человека Печкина
© 1967 by K. M. Briggs
Translation © 1998, 2007 by Stepan M. Pechkin
(p) Pechkin Production Initiatives, 1998–2007
Редакция 94; дата печати 23.7.2007

Katharine M. Briggs. Fairies in Tradition and Literature

© K. M. Briggs, 1967

First published 1967 by Routledge & Kegan Paul Ltd., Broadway House, 68-74 Carter Lane, London, E.C.4

Всякое коммерческое использование текста или какой-либо части текста без согласования с владельцами авторских прав оригинального издания запрещено соответствующими законодательными актами. Текст перевода публикуется исключительно с некоммерческими, образовательными и эстетическими целями. Издание не преследует никакой иной выгоды, кроме общего блага всех живых существ.

От переводчика

Здесь и далее германским словом "эльфы", французским "феи" и славянским "духи" переводится чрезвычайно широкий и емкий английский термин *fairy*, не имеющий, как мне кажется, более близкого и удачного аналога в русском языке. Впрочем, "дух" чаще передает употребление К. М. Бриггс слова *spirit*. Словами "Эльфийская страна, Страна Фей, Волшебная страна" переводится термин *Fairy-land*. Словосочетание *fairy people*, вслед за tolkiniстической традицией, переводится как "дивный народ"; прошу читателя простить мне этот мелкий каприз. Следует помнить, что, таким образом, слово "эльфийский" почти всегда можно прочесть как "волшебный"; что довольно часто, но не всегда, верно и в обратную сторону; а также то, что в оригинале слова "эльф" и "фея" выглядят одинаково, в связи с чем могла возникнуть, да, видимо, и не преминула кое-где возникнуть, некоторая путаница, по крайней мере, гендерная.

Словосочетанием "нечистая сила" переводится слово *host*; и, в нескольких случаях, *Court*. (*Un-seelie Court* переводится словосочетанием "Нечестной Двор", в противопоставление *Seelie Court*, "Честной Двор" - впервые этот вариант был использован мною в переводе "Джека - Победителя великанов" Ч. де Линта и тогдашняя редакция отдела фантастики издательства "Северо-Запад" его одобрила.)

Чрезвычайно мало подобающим обозначаемому понятию словосочетанием "общественные эльфы" переводится термин *trooping* (иногда также *gregarious*) *fairies*. Ну, в самом деле, не "групповыми" же или "строевыми" их называть.

В случаях, когда перевод имени собственного не убивал его, как мне казалось, а прояснял его этимологию, которая могла оказаться важной для понимания сути дела, я предпринимал такой перевод, хотя в большинстве случаев, естественно, он выглядит более или менее неуклюже и неэстетично. В любом случае, когда мне приходилось изменить однозначному соответствуанию между переводом и оригиналом, я старался рядом с ним оставить для читателя оригинальное название или имя, как делаю это всегда в таких случаях.

Слово "эльфический" является моим собственным неуклюжим изобретением и употребляется для обозначения чего-либо, имеющего отношение к эльфам, в отличие от слова "эльфийский", которое чаще обозначает "принадлежащий (к) эльфам". Еще раз прошу прощения у взыскательного читателя.

Что касается перевода стихов, то, не считая себя в силах браться за достойные стихотворные переложения фрагментов народной поэзии, а тем паче классических произведений, где пришлось бы волей-неволей соревноваться с такими мастерами этого ремесла, как С. Маршак, В. Топоров и многие другие, я счел за лучшее дать подстрочки там, где не нашел опубликованного литературного перевода. Буду в высшей степени благодарен любым предложениям переложить эти подстрочки стихами или указаниями на существующие профессиональные переводы.

Буду также рад любой критике, предложениям помочи и всякому другому отклику со стороны возможных читателей.

Степан М. Печкин,
Нешер-Иерусалим, 1998-2007

Благодарности

Считаю своим долгом поблагодарить великое множество людей за добрые советы, помощь и сотрудничество в создании этой книги.

От некоторых собирателей и свидетелей я получала из первых рук - то есть, не публиковавшиеся ранее - рассказы о встречах с эльфами. Р. Л. Тонг передала мне многое из ее коллекции; мисс Элис Стюарт из Эдинбурга подарила мне неопубликованные рассказы и истории с о-ва Барра; миссис Мона Смит позволила воспользоваться рассказом об эльфах, виденных ее отцом в Скае; миссис Робертсон, исполнительница народных песен, пересказала мне историю об эльфах, рассказалую ее бабушкой. Другие люди, не пожелавшие быть упомянутыми поименно, также рассказывали мне о встречах с эльфами. Т. Ф. Дж. Патерсон из Музея округа Армаг разрешил мне свободно пользоваться своими материалами; так же поступили мистер Майкл Мерфи, Сэм Ханна Белл с Белфастской редакции службы BBC, миссис Гаррис и другие работники Ульстерского Народного Музея.

Особо мне хочется поблагодарить мистера Мигау и всю его группу в Школе Изучения Шотландии - они предоставили в мое пользование все свои материалы. Особую благодарность я также должна выразить д-ру Хэмишу Хэндерсону за разрешение копаться в его великолепной сокровищнице записей. Школа Изучения Шотландии стала для меня вторым домом. Так же гостеприимны и добры были ко мне в Ирландской Народной Комиссии в Дублине, и я должна особо поблагодарить проф. О'Дулеарга, мистера Шона О'Салливана и д-ра Томаса Уолла за их помощь. Мистер Габбон и другие члены персонала Мэнского Музея очень помогли мне в исследованиях эльфических традиций на острове Мэн, а вместе с ними и мисс Мона Дуглас и мисс Дора Брум.

Светлой памяти У. У. Гилл открыл мне свою копилку материала, и я обязана поблагодарить его душеприказчиков из банка Ллойд в Ливерпуле за то, что они сделали возможным для меня воспользоваться его добротой. Миссис Хелен Лезер позволила мне широко использовать замечательную книгу Э. М. Лезер "Фольклор Херфордшира"; мистер Олбен Аткинс показал мне и разрешил воспроизвести картину "Эльфы ушли" работы его деда Джеймса Нэсмита. Я благодарна мистеру Джону Эдларду и д-ру Герту Шиффу, которые предоставили оттиски своих работ и разрешили мне использовать их.

Как обычно, я очень многим обязана мисс Синтии Боро из Бодлейанской Библиотеки за ее усердие в поисках литературы для моего труда. Я должна также поблагодарить миссис Нэш-Уильямс за помощь в вычитке.

Также я считаю своим долгом выразить благодарности за разрешение воспользоваться следующими цитатами: мистеру Брайану Брэнстону - за разрешение процитировать из "Забытых богов Англии"; владельцам "Джонатан Кейп" - за цитаты из "Луны и клевера" Лоренса Хаусмана; "Кларендон Пресс", Оксфорд, - за разрешение процитировать "Кельтский Фольклор" Джона Риса; владельцам "Эйр и Споттисвуд" - за цитату из "Серых человечков" Б.Б.; владельцам "Джон Фаркварсон Лимитед" - за цитаты из "Девяти необычных сказок для детей" Е. Несбит; редактору "Фольклора" - за цитаты из этого журнала; господам Макмиллану и миссис Бэмбридж - за разрешение процитировать из "Пака с холма Пука" Редьярда Киплинга, а также владельцам "Даблдэй и компании" - за распространение этого разрешения на США; хранителей Национальной Галереи Шотландии - за репродукцию двух картин Патона, "Скора Оберона и Титании" и "Примирение Оберона и Титании"; коллег Дэвида Хайэма - за цитаты из "Маленькой читальни" Элеанор Фарджен; мистера Е. М. Тира - за разрешение процитировать из работ Софии Моррисон; Библиотеку Пьерпойнта Моргана - за репродукцию "Гоблина" Вильяма Блейка; Компанию Теософских Публикаций Лимитед - за разрешение процитировать из "Эльфов за работой и игрой" Джейфри Ходсона; хранителей литературного наследия Уолтера де ла Мэра - за использование цитат из "Ракит"; и проф. Толкиена - за использование цитаты из "Хоббита".

Предисловие

Эта книга - продолжение книги "Анатомия Пака", рассматривающей эльфические поверья, использованные Шекспиром, его современниками и последователями. В ходе работы над ней я обнаружила столько рассказов об эльфах, относящихся к былым временам, что мне показалось стоящим делом заняться дальнейшим изучением этого предмета и исследовать сохранение эльфийских поверий и разнообразные отражения возврений на эльфов в литературе со времен Шекспира и до наших дней.

Литература меняется, но в целом поверья, связанные с эльфами, остаются в значительной степени неизменными. Как и в других моих книгах, я не отстаиваю какую-то точку зрения. Это не попытка доказать, что эльфы существуют. Я хотела лишь объективно сообщить о том, что люди видели - по их собственному мнению. Моим знаменем была верность скорее традиции, нежели факту, и я говорю об эльфийских свойствах и занятиях так же серьезно, как разговаривают о персонажах хорошей книги; я верна скорее эстетической истине, чем факту. Что касается моего собственного мнения, то самое большее, что я могу сказать, это то, что в отношении этого предмета я - агностик. Однако, для вящей правдивости, я включила в приложения очерк о коттинглийских эльфах, фотографии которых никто так и не смог объявить фальшивкой, хотя с эстетической точки зрения доверия они и не вызывают.

К.М.Бриггс

Часть I. ЭЛЬФИЙСКИЕ НАРОДЫ

I. Экскурс в историю

Знаменитое изречение Бронзовой Головы брата Бэкона - "Время идет, Время шло, Время прошло" - вполне приложимо к английским эльфийским поверьям, на которые со времен Чосера и до наших дней смотрят как на что-то, принадлежащее прошедшим поколениям, и совершенно исчезнувшее в нынешнем. Занятно то, что как ни тонка, невесома и хрупка эта традиция, она, тем не менее, сохраняется и передается от поколения к поколению, существенно не изменяясь. Поэты и писатели постоянно черпают из нее и силятся приспособить к духу своего времени.

Иногда автор сам входит в традицию и порой слегка изменяет ее - но гораздо меньше, чем утверждают критики и фольклористы. Например, существует школа, которая считает, что раса маленьких английских эльфиков - плод литературных фантазий Шекспира и его современников. Но это не так, потому что некоторые из самых старинных наших эльфов - портуны - по свидетельству Гервасия Тилберийского, были всего в полдюйма ростом.

Упоминания эльфов в средневековых манускриптах действительно редки, но включают в себя большинство тех типов, с которыми мы сталкиваемся впоследствии. Здесь мы находим эльфов ростом с детей, чье королевство посетил Элидор; эльфийскую невесту нормального человеческого роста и нечеловеческой красоты; дикую охоту; особый ход времени в Эльфийской стране; эльфа, который ищет у людей повивальную бабку, и который невидим без волшебной мази; подменыша;очных эльфов, сбивающих людей с пути; бук и Люборечника [*Love-Talker*], или Инкуба. Найдем мы там также великанов и драконов. Все эти типажи еще встречались в предыдущем поколении, перед самой Первой Мировой войной, и я почти не сомневаюсь, что многие обнаружились бы и сейчас, если бы тайна, хранить которую обязывают эльфы, не накладывала печать на уста тех немногочисленных и необщительных людей, которые верят в них.

Таким образом, слова о стойкости эльфийских поверий вполне верны, хотя расцвет этих поверий следует отнести к более ранним периодам истории наших островов - почти на порог времен доисторических.

Киплинговский Пак называет "старожилами" [*'the old things'*] забытых языческих богов, занявших свое место среди эльфийского народа, и они, несомненно, могут претендовать на долю в создании эльфийской традиции - равно как и полуобожествленные духи мертвых и духов лесов, источников и рощ.

Самые ранние письменные упоминания о каких-либо эльфах в Англии встречаются в англо-саксонских заговорах против эльфийской стрелки; но феи средневековых романов XII, XIV и XV вв. могут иметь не менее древнее происхождение. Моргана ле Фэй, или Фата Моргана, и ее родственницы, вероятно, являются собой сплав кельтской и классической традиций, или происходят из верований более старых, чем и та, и другая. В поздних романах очевидно, что феи-леди принадлежат к человеческой расе, а своей огромной властью обязаны знанию магии. Нимуя, Леди Озера из "Ланселота Озерного", прозаического романа XIII в., жила в лесной стране, укрытой волшебным облаком, которое придавало ей вид озера. Неизвестный автор этого романа был решительным эвгемеристом. Знакомя читателя с озером, он называет его Озером Дианы и поясняет: *"Диана же была королевой Сицилии, что правила во времена великого поэта Вергилия, и глупые язычники считали ее богиней. Не было в мире властительницы, более, чем она, любившей прелести лесов; каждый день она отправлялась на охоту, и глупые язычники-простолюдины назвали ее богиней лесов."* {[LANC], p. 66}

Эльфы подвергаются такой же рационализации.

История же гласит, что дама, которая ввела Ланселота в Озеро, была фея.
В те дни все девы, знаяшие чародейство и волшебство, назывались феями, а
было таковых в то время множество, и в Великой Британии более, чем в
других странах. Они, как гласит история, знали свойства трав и камней и

чары, коими приумножали они изобилие их и богатство, каковым обладали... Та Леди, что укрыла Ланселота, обитала лишь в лесах и чащах, глухих и диких, а озеро, в которое она бросилась с ребенком, было ничто иное как волшебство, и находилось оно в долине у подножия горы, и долина та была глубже той, в которой пал король Бан. В той части, где озеро казалось шире всего и глубже, у Леди было множество красивых и достойных жилищ, а по долине протекала небольшая речка, полная рыбой. Обитель же ее была так укрыта, что никто не мог найти ее, ибо подобие озера покрывало ее так, что увидеть ее было нельзя. {[LANC], pp. 72-3}.

Эта линия была принята в поздних романах, но "Ланцелет", немецкий перевод французской поэмы XII века, не оставляет никакого сомнения, что Ланселот попал в Волшебную страну Фей:

Фея унесла ребенка - мудрая морская фея, королева лучшая, чем все королевы нынешнего мира. В ее стране при ней состояло десять тысяч служанок, из которых ни одна не знала ни мужчины, ни мужского наряда. Все они носили рубашки и платья из парчи и шелка. Не стану отрицать, но и не скажу, что правда: страна Феи цвела круглый год, словно стоял в разгаре месяц май, и обитель ее была прекрасна, широка и просторна, и полны радости были ее пределы. Гора, на которой высился мощный замок, была из хрусталия, круглая, как шар. Там не боялись ни чужака, ни войска чужого короля. Страну окружало море и стена столь высокая, что никто не смел и подумать о том, чтоб взобраться на нее; и в стене той были ворота, но ворота те были из крепчайшего адаманта. Там, за стеной жили все, не зная страха. Строитель замка искусно украсил его. Снаружи и изнутри он был из золота, как звезда. В пределах его рва ничто не старилось и не тускнело и по прошествии сотни лет. {[LANC], «Lanzelot», pp. 7-8}.

То же видение эльфов демонстрируют и хронисты XII-го и XIII-го веков. Уолтер Мэп (р. ок. 1140) - один из самых ранних. Его история о "Диком Эдрике", чей призрачный поезд люди видели еще в XIX веке, - одна из самых известных среди его сказок; в ней подробно описывается волшебная жена, сюжет, бытующий в валлийском фольклоре до сих пор {[WM_DNC], pp. 94-5}; "Волшебная Жена из Брекнок-Мер" - еще ближе к современной традиции {[WM_DNC], p. 91}. У Мэпа можно найти также сказку Мелозины о жене-демоне и о жене, спасенной от воинства мертвцев, очень похожую на распространявшиеся впоследствии истории о спасениях из Волшебной Страны {[WM_DNC], p. 97}. Именно от Уолтера Мэпа мы впервые узнаем о Херлете, Дружине Херлы, которую видели на границе Херфорда и Уэльса в первый год правления короля Генриха II {[WM_DNC], p. 233}. Мэп жил в Херфордшире, но по происхождению был норманном, и некоторые из его рассказов пришли из Бретони или Нормандии, как, например, нормандская сказка о Хенно кум Дентibus, что женился на демонице {[WM_DNC], p. 218-20}.

Приятель Мэпа Джейфри Монмаутский, записал для нас первую романическую версию легенды об Артуре; до него Артур был всего лишь именем в древних хрониках. Гиральд Кембрийский, другой их современник, знакомит нас с подземной волшебной страной, лишенной солнца, луны и звезд и населенной маленьными людьми, прекрасными, с красивыми волосами, у которых были кони и гончие, тоже маленькие. Эти люди не ели ни рыбы, ни мяса, но лишь гренки в молоке, приправленные шафраном. Это были добрые люди, хотя и не знающие никакой религии, очень достойные и честные. Мальчик Элидор попал в эту волшебную страну случайно и приходил туда и гулял меж ними свободно; и так и продолжалось бы, если бы он, подстрекаемый матерью, не украл у сына короля той страны золотой мяч. На пути домой его догнали два маленьких эльфа и забрали у него мяч. Больше Элидор не находил дороги в ту страну {[GC_TITW], pp. 390-1}. Сказка о "Гитто Бахе" – более поздняя, но во многом похожая сказка о визите ребенка в Волшебную Страну {[TK_FM], pp. 416-17}. В XVII в. мы имеем "Волшебного мальчика из Лейта" Бове, и примерно в то же время Кирк Сейшен в Борге опрашивает Мальчика из Борга, утверждающего, что общался с эльфами. У Гиральда Кембрийского есть также две истории о полтергейстах или бoggартах.

Гервасий Тилберийский, в начале XIII в., опубликовал значительное количество фольклорного материала во II части своего труда "Otia Imperialia" {[GT_MS_CV]}. Состоя на службе Священной Римской Империи в должности канцлера, он много путешествовал, и сказки его собраны из различных источников. Он рассказывает нам кое-что о драках, водяных духах долины Роны - эльфах, завлекавших женщин, проплывая по течению в виде золотой чаши, когда те стирали на берегу {[GT_MS_CV]}, р. 38}. Первая история о повитухе для эльфов, дополненная упоминанием мази, рассказывается именно о них {[GT_MS_CV]}, р. 39}, равно как и самая ранняя версия легенды о Переселении (4050, "Час пришел, но не муж") {[GT_MS_CV]}, р. 39}. У него же – Грант, английский гоблин, менявший свой облик, как Пиктри Брэг или Хедли Кэй {[GT_MS_CV]}, р. 30}; портуны – называемые портунами в Англии, во Франции же нептунами – очень древние малорослые эльфы, которые, как и в более поздние времена, посещали по ночам дома людей и готовили себе пищу в людских очагах {[GT_MS_CV]}, р. 29}. Портуны весьма прозаически ели лягушек. Легенду об украденном у эльфов роге для вина, которая используется в пьесе XVI в. "Мудрость доктора Додиполя" и версию которой рассказывает Обри, также впервые рассказал Гервасием Тилберийским {[GT_MS_CV]}, р. 28-9}.

Немало интересного можно найти и в хронике XIII столетия пера Ральфа Когсхолльского. Он рассказывает нам о водяном - Уолтер Мэп тоже приводит рассказ о Николасе Пайпе, водяном {[WM_DNC]}, р. 232}; но две самые интересные его сказки - о фантастическом существе по имени Малекин и о Зеленых Детях.

Малекин считали человеческим подменышем – ее украли у матери на ржаном поле; но она обладала волшебной природой, потому что могла оставаться невидимой, кроме тех случаев, когда решала показаться людям; тогда она выглядела, как маленькая девочка в белой рубашке. Она питалась тем, что ей оставляли - как брауны - и разговаривала со слугами на просторечном саффолкском диалекте, а со священником - на латыни. Близился конец ее семилетнего плена, а по окончании еще семи лет она могла вернуть себе человеческий облик. Сказки о подменыше-девочке не столь обычны, и любопытно встретить такой древности рассказ о подменах с эльфийской точки зрения {[RC]}, р. 120-1}.

Другая сказка - о Зеленых Детях - еще более необычна, чрезвычайно убедительна и подробна. Это рассказ о двух детях, пойманных возле Волчьих Ям в Саффолке. Дети были бледно-зеленоватого цвета; они выглядели перепуганными и не понимали, что им говорят. Сперва они отказывались от всякой еды, затем все же набросились на бобы с большой жадностью. Постепенно они приучились к человеческой еде; мальчик зачах и умер, но девочка выжила, утратила свой зеленый цвет и научилась говорить. По ее словам, она с братом жила в подземной стране, где не было ни солнца, ни луны, но стоял мягкий свет, похожий на сумерки. Однажды они вошли в пещеру и услышали звук, похожий на далекие колокола; они пошли на этот звук, пока не вышли на яркий дневной свет. Солнце так ошеломило их, что они ничком упали на землю, и так их нашли. Обоих детей крестили, и девочка впоследствии выросла и вышла замуж за человека из местных, хотя всегда отличалась поведением вольным и своюенравным {[RC]}, pp. 120-1}. Вильям Ньюбургский подтверждает этот рассказ, добавляя к нему, что девочка называла страну Землей Святого Мартина и говорила, что жили ее - христиане {[GN_H]}, Lib. I C. 27 p. 66}. Возможно, это не более, чем совпадение, но бобы традиционно - пища мертвых, а бесенят *[imps]*, состоявших при ведьмах, часто называли мартинами или мартинетами.

Волшебный курган и кража волшебного рога встречаются в Хронике Вильяма Ньюбургского, как и у Гервасия Тилберийского, но его изложение оправдывает кражу - чаша была отравленной {[GN_H]}, Bk.I, cap. 28, pp. 95-6}. Варианты этой сказки существуют до нынешних времен; в них отравленную чашу иногда предлагает не эльф, а ведьма.

Как уже было замечено выше, упоминания об эльфах в ранних хрониках содержат множество поверий, которые всплывают время от времени в устной традиции на протяжении столетий. В последующие века Европу окутала ведьмобоязнь, и, по-видимому, из-за нее, а также из-за роста числа людей, практикующих магию и алхимию, сверхъестественный народ стали замещать женщины-колдуны людского племени. Кейтли предполагает, что корриганы Бретони могли происходить от жриц с Острова на Сене, которых упоминает Помпоний Мела; и что феи, в свою очередь, могут происходить от корриган {[TK_FM]}, р.

431}. В любом случае, несколько парадоксально, что слово "fairy", которое сейчас используется главным образом для описания существ, которые не люди и не ангелы, изначально обозначало иллюзии, наколдованные чародейками из людей.

В некоторых романах можно заметить проблески других значений. В восхитительном "Орфео" XV в. {[WCH_TROKO]}, например, Волшебная Страна - это Царство мертвых. "Сир Ланваль" Мари де Франс XIII в. - настоящая история про эльфов, изложенная, как роман. Фея, в совершенно эльфийской манере, запрещает Ланвалю рассказывать о себе. Когда же Ланваль проболтался, все его волшебное богатство исчезло, и он остался беспомощным перед обвинениями королевы Гиневеры. Но в конце концов фея смилиостивилась над ним и унесла его в Авалон, из которого он может возвращаться на один день в году, чтобы сразиться в поединке с любым, кто его вызовет {[MDF_L]}, pp. 200-50}. Запрет и исчезающая невеста часто встречаются в народной традиции. Волшебная Страна, представленная в романе XV в. о Томасе Эркильдунском (художественно не превосходящем балладу с тем же сюжетом), интересна тем, что королева эльфов теряет свою красоту после того, как человек переспал с ней, хотя и обретает ее потом снова, а также тем, что эльфы платят Аду дань - которая играет такую важную роль в более позднем шотландском предании. В этой поэме, похоже, сливаются две традиции - Волшебной Страны как страны мертвых и эльфов как падших ангелов - не вполне чертей, но все же подданных сатаны {[WCH_TROKO]}, pp. 101-22}.

"Хуон Бордосский" XV в. кардинально важен содержащимися в нем первыми сведениями об Обероне, короле эльфов. Он ростом с трехлетнего ребенка, но, по мнению романиста, это не настоящий его рост, а следствие эльфийского проклятия {[HB_]}, p. 73}. В сущности, здесь впервые появляется злой эльф мотива F316. Еще более интересна непоследовательная и противоречивая мораль сказки. Отшельник учит сира Хуона ни под каким видом не отвечать, если король Оберон поприветствует его; но когда Хуон нарушает это обещание, Оберон оказывается дружелюбным, и из этого происходит только хорошее. В конце концов сира Хуона, смертного человека, едва не венчают на престол Волшебной Страны. Мне не видятся в этом антиклерикальные настроения; автор разделяет то двоякое отношение к христианству и эльфийскому миру, которое до сих пор можно встретить у ирландских крестьян.

Во времена Реформации, когда простолюдины занимались теологией наравне с профессионалами, произошло сближение между эльфами и чертями. Этому слиянию способствовало то, что ранние христианские отцы называли языческих богов дьяволами - что столь эффектно обыграл Милтон в "Потерянном Рае". Великие боги язычников обыкновенно считались скорее дьяволами, нежели неумелыми попытками найти Бога. Когда младшие божества, нимфы, фавны, сатиры и прочие выродились в эльфов, они, естественным образом, тоже были признаны чертями.

К тем из эльфов, чье происхождение видели в духах предков или призраках, отношение зависело от конфессии верующего. Протестантские теологи, отвергающие идею Чистилища, сделали краеугольным камнем своих убеждений тезис о том, что мертвые не могутходить среди живых. Праведники находятся в Раю, грешники - в Аду, и ни оттуда, ни оттуда возврата нет. Иллюстрацию на эту тему можно найти в английском переводе сочинения Пьера де Лойе "Заговор Духов, или Необычайные Явления Знаки и Видения, являющиеся чувственno Человеку" (1605). На седьмой странице мы читаем:

Оные **Лары** были богами дома и двора; ибо (со слов Сервия) в те времена мертвцев обыкновенно хоронили в их же домах; и посему оные **Лары**, си-речь души мертвых, почитались каждый в том доме, где было захоронено его тело.

Де Лойе, однако, описывает этих духов, как дьяволов, потому что ниже в том же фрагменте, цитируя Плутарха о собачьих шкурах Ларов, он пишет:

Он же мог добавить, однако - когда бы был Христианином - Что как Собаки по природе своей завистливы, так и оные **Лары**, или Дьяволы сего рода, питают злодейскую зависть к роду человеческому. Вопреки сему, Фестус, на коего мы с охотою сошлиемся, достоверно подтверждает, что оные

Лары бывали подчас добрыми: в иных местах он называет их Преститами, ибо они, как считалось, сохраняют порядок во всем и хранят благополучие и спокойствие; а в иных местах - Гостилиями: ибо они, как полагали, отваживаются недоброжелателя. Но, даже если и истинно сие, несомненно, что были они ничем иным, как Дьяволами; и как таковые, если даже и оказывали по временам людям видимую помощь и делали им добро, то все лишь из того соображения, чтобы впоследствии принести им вящий вред и ущерб, как внутренний, их Душам и рассудку, так и внешний, их телам и имуществу.

Этих воззрений придерживались и авторы-puritanе в Англии XVI и XVII столетий. К примеру, брауни или хобгоблин - дух, очень близкий к римскому лару. Как и лар, он был почти неизменно холост и посвящал всего себя домашнему хозяйству; он был мохнат или одевался в тряпье и с благодарностью принимал подношения еды или молока. Один раз его описывают, как светящегося мальчика. В нескольких историях - таких, как "Мерзлячок из Хилтона" и "Пука из Килдэра" Патрика Кеннеди {[PK_LFOTIC], pp. 114-17} - говорится, что брауни - призраки слуг, трудившихся когда-то в этом доме. В puritanские времена, однако, хобгоблинов, бесенят и чертей свели в единое целое. Роуленд говорит о Робине Славном Малом – "славный малый - черт, Которого назвали так по доброте за то, что он никому не делал зла"; {[SR_KOS], p. 40} Уорнер же в своей "Альбионовой Англии" {[WW_AE], Ch. 21, p. 368} отрицает, что тот делал какие бы то ни было добрые дела, и говорит, что он заставлял хозяек во сне делать всю ту работу, которую приписывали с благодарностью ему.

Однако, даже среди puritan не исчезала вера в эльфов как существ промежуточных между людьми и ангелами, или "одухотворенных животных" [*spiritual animal*]. Это противоречие, равно как и другие эльфийские поверья, бытовавшие среди современников Шекспира, я обсуждала в предыдущей книге "Анатомия Пака". В этой же книге я попытаюсь проследить поверья об эльфах на наших Островах до нынешних дней и коснуться их употребления и злоупотребления в литературе. В Англии в XVIII веке эльфийская традиция попала в опалу; но Ирландия, Шотландия и Уэльс продолжали влиять материал, и мало найдется литератур, столь сильных в эльфийском знании [*fairy lore*], как английская литература.

II. Волшебные страны

У эльфов наших Островов разный рост, разные привычки, свойства и обличья; и обитают они в разных местах, но в большинстве своем - высокие и низкорослые, добрые и вредные - они жили под землей. Зеленые Дети Ральфа Когхольского вышли из Земли Святого Мартина, сумеречной страны под землей, где не бывает ни зноя, ни мороза. Ирландские Даойне Ши, которых считают умалившимися богами одной из самых первых рас ирландцев, живут в основном в полых холмах. Эванес Венц, собирающий эльфийские поверья в Уэльсе в начале этого века, нашел сказку о детстве Талиесина с подробным описанием подземной волшебной страны кельтов. Шотландских эльфов видят при определенных фазах луны внутри их холмов, которые на краткое время поднимаются на столбах, показывая их жилища. По рассказу Обри, одного вилтширского пастуха, что шел как-то на Хэк-Пен, завели под такой холм, и там он стал свидетелем праздника и слушал разнообразную музыку. В Оксфордшире видели, как эльфы уходят в нору под Царь-камнем в Роллрайт-Стоунз. Даже когда эльфы веселятся под луной на поверхности земли, часто считается, что они вышли из своего постоянного подземного жилища.

Иногда, однако, эльфийские дворцы стоят на открытом месте, видимые для тех, кому эльфы хотят их показать, но готовые в любой момент исчезнуть и оставить гостя в холодной ветреной ночи. Такой дворец стоял на вершине Гластонбери-Тора, и туда по случаю попал св. Коллен, всем сердцем веривший, что эльфы суть бесы. Вот как это было.

Св. Коллен - кельтский святой, чья обитель находилась у подножия Гластонбери-Тора, однажды услышал разговор двух крестьян о короле эльфов, дворец которого находится неподалеку. Св. Коллен выглянул из своей кельи и велел им замолчать, ибо они говорят о черте. Перепуганные крестьяне предупредили Коллена, что король эльфов не простит такой обиды, а наверняка пришлет за ним.

Так и случилось: спустя несколько дней к келье св. Коллена пришел незнакомец и пригласил его проследовать с ним к Королю. Св. Коллен трижды отказывался, но наконец согласился и пошел, предусмотрительно спрятав в своем плаще флягу святой воды.

Дворец эльфов стоял на вершине Тора, полный света, роскоши и прекрасной музыки. Король сидел на богато украшенной скамье, и пажи в алом и голубом прислуживали ему. Он очень учтиво поприветствовал святого и просил его разделить с ним угощение.

- Я не ем листья с деревьев! - сказал св. Коллен.

Испуганный ропот пронесся вокруг стола; но король сказал:

- А как тебе нравятся мои красивые ливреи, алые и голубые?

- Голубой - это вечный холод, а красный - пламя Ада, из которого вы вышли! - сказал св. Коллен и брызнул поверх их голов святой водой. Свет и музыка исчезли; не стало ни короля, ни двора, ни замка, ничего - только зеленая трава на вершине Гластонбери-Тора. {[SBG_LOTS], p. 224}

Это суровое сказание отрицает традиционной веру в важность вежливости при общении с дивным народом.

На острове Мэн вершины высоких холмов также считаются эльфискими местами. У. Гилл во "Втором мэнском альбоме" описывает:

Эльфов чаще всего видели, слышали и чуяли ("затхлый, терпкий запах") в уединенных верховьях гленов, где бойкие узкие речки быстро и музикально бегут от заводи к заводи, и только узкая полоска неба светится между высокими зелеными краями ущелья; но жили эльфы также и на голых сухих вершинах холмов, где можно танцевать вволю, а также в местах, где из травы выдаются зеленые могильные курганы - такие прекрасные места для танцев {[WWG_ASMS], pp. 229-30}.

Далее он цитирует рассказ мисс Моны Дуглас об эльфийском дворце, во многом вто-
ряющий историю о св. Коллене:

*Когда я была маленькой, Джонни Коллоу, старый могильщик из Лезари, ча-
стенько рассказывал мне о человеке, который однажды ночью переправлялся
через Скайхилл и заблудился - его "завели". Наконец он увидел перед собой
большой дом, большие, чем весь Баллакиллинган, сверкающий огнями, с рас-
крытыми воротами, и люди входили и выходили в них. Тот человек не стал
задумываться, что бы это могло быть да что может из этого выйти, а
просто шагнул в ворота, и внутри увидел множество леди и джентльменов,
разодетых в шелка, сатин и бархат; стулья, столы и блюда были золотые и
серебряные и сверкали так, что можно было ослепнуть, а на них были выло-
женены горы изысканных кушаний. Тот человек прошел внутрь, но никто из
тех, кто был там, как будто не видел его; и он решил забраться в уголок и
поглядеть на них. Так он и сделал, тихо присев в сторонке. Но долгое путе-
шествия по горам и тяжелый рабочий день утомили его, и вскоре он заснул,
а когда проснулся утром, то ни дома, ни людей, ничего не было, а он лежал в
траве на вершине Скайхилла. Не помню, что говорил Джонни - ел ли тот че-
ловек от той еды или нет. {[WWG_ASMS], pp. 235-6}*

Легенда об Иннис-Сарк, которую приводит леди Уайлд, предлагает схожую концепцию Волшебной Страны, не столько, возможно, подземной, сколько созданной чарами, потому что сказка эта - о молодом человеке, который заснул в стогу сена на Ноябрьскую Ночь и проснулся там же наутро. После кошмаров, пережитых им на кухне у эльфов, он оказывается на королевском пиру. На кухне он видел, как старую ведьму рубят на куски и варят, чтобы подать гостям, но на пиру подают "фрукты, и цыплят, и индюшатину, и масло, и пироги с пылу, с жару, и хрустальные кубки с ярко-красным вином".

- *Нет, - сказал юноша. - Я не могу есть с вами, потому что не видел священника, который благословил бы еду. Отпустите меня с миром.*
- *Сперва попробуй наше вино, - сказал принц с дружеской улыбкой, и одна из прекраснейших дам встала, наполнила хрустальную чашу ярко-красным ви-
ном и подала ее ему.*

*И тут уж он не удержался и выпил все, не отрываясь; и ему показалось,
что это был лучший глоток во всей его жизни.*

*Но едва он поставил кубок, как гром сотряс весь дом, огни погасли, и он очу-
тился в темной ночи, в том самом стогу сена, в который забрался на ноч-
лег, устав от трудов. {[FSW_ALOI], p. 138}.*

Действие эльфийского напитка оказалось для юноши гибельным - он зачах и вскоре умер.

Сверхъестественные существа в этой истории выглядят, пожалуй, совсем, как эльфы, хотя в начале сказки упоминается о двух видах эльфов, добрых и злых. Но в других сказках, очень похожих на эту, эльфы прямо отождествляются с мертвецами. В одной - "Ноябрьская Ночь" - юноша, неблагоразумно припозднившийся в канун Всех Святых [Hallow e'en], попался компании эльфов, направлявшихся на ярмарку. Он встретил короля эльфов Финварру и его королеву Уну [Oonagh]; те наделили его эльфийским золотом и вином, и были полны ве-
селья - но вместе с тем все это были мертвецы. Когда юноша пригляделся к ним, то узнал в них своих покойных соседей - иные умерли уже много лет назад. Когда же он узнал их, то они окружили его, визжа и хохоча, и принялись заставлять его плясать. Он сопротивлялся, пока не упал без чувств, а когда проснулся наутро, то лежал в кольце стоящих камней, и руки его сплошь в синяках от эльфийских кулаков и ногтей {[FSW_ALOI], pp. 145-8}.

Корнуольская сказка об "Эльфийском селении на Селеновом болоте" в чем-то похожа на предыдущую, хотя эльфы в ней живут скромнее и не имеют ни короля, ни королевы. Обитают они на заброшенной риге, окруженной болотами, но под чарами она предстает усадьбой, разбитой в прекрасном саду, где зреют всевозможные плоды - возможно, такой дом и стоял некогда на том месте, а эльфы жили в прошлом. Сказка повествует о некоем ми-
стере Ное, простом фермере, что жил близ Селенова болота.

Однажды вечером мистер Ной зашел в ближайший трактир заказать выпивку на завтрашний праздник урожая. Из трактира он вышел, но до дома не дошел. Его искали три дня, и, наконец, примерно в полумиле от его дома услышали вой собак и ржание лошади. Пробравшись через коварные болотины, люди обнаружили густую заросль, возле которой стояла стреноженная лошадь мистера Ноя, а рядом с ней сидели собаки. Лошадь неплохо попаслась на сочной траве, но собаки сильно исхудали. Лошадь привела людей к разрушенной риге, и там они нашли мистера Ноя, спавшего крепким сном. Он очень удивился, что уже утро, и был поначалу весьма не в себе, но в конце концов смог рассказать, что случилось с ним.

Он спрятал путь через болото, но заблудился и прошел, как ему показалось, немало миль по незнакомой ему местности, как вдруг увидел вдалеке огни и услышал музыку. Он заторопился вперед, решив, что вышел наконец на какую-то ферму, где, наверно,правляют праздник урожая. Конь его и собаки заупрямились и отказались идти с ним, поэтому он привязал коня к кусту, а сам пошел пешком и пришел в прекраснейший сад, окружавший усадьбу, в котором сотни людей танцевали на траве и выпивали за столами. Все они были богато разодеты, но показались ему очень маленькими, и их столы, скамьи и кубки были такими же. Рядом с ним очутилась девушка в белом, которая была выше других - она играла на чем-то вроде тамбурина. Мелодии были весьма живыми, а проворнее танцоров мистер Ной не видел в жизни. Через некоторое время девушка отдала тамбурин пожилому человечку рядом с ней и вошла в дом, чтобы вынести честной компании еще бочонок эля. Мистер Ной, любивший танцы и не отказавшийся бы от выпивки, подошел было к дому, но девушка поймала его взгляд и знаком велела ему отойти. Она произнесла несколько слов стариичку с тамбурином и подошла к нему.

- Иди за мной в сад, - сказала она.

Она отвела его в укромное место, и там, под чистым светом звезд, вдали от прыгающих огоньков свечей, мистер Ной узнал в ней Грэйс Хатченс, свою давнюю любовь - которая умерла, или считалась умершей, уже три или четыре года.

- Слава звездам, милый Вильям, - сказала она, - что я успела остановить тебя, не то в ту же минуту ты стал бы таким же, как весь этот мелкий народец, и как я, горе мне!

Мистер Ной хотел было поцеловать ее, но она тотчас же строго-настрого запретила ему касаться ее, и предупредила, чтобы он не смел есть плоды и срывать цветы, если только хочет когда-нибудь вернуться домой.

- Одна-единственная слива из этого заколдованных сада погубила меня, - сказала она. - Ты не поверишь, но я попала сюда из-за любви к тебе. Люди говорят, что меня нашли на болоте мертвой; но я думаю, они похоронили подменыша или какую-нибудь рухлядь, а вовсе не меня, потому что мне кажется, что я совершенно такая же, как была, когда была живой, твоей возлюбленной.

Тут несколько тонких голосков позвали:

- Грэйс, Грэйс! Неси нам еще пива и сидра, да побыстрее, побыстрее!

- Иди за мной и оставайся там, за домом; смотри, не попадись никому на глаза, и, если жизнь тебе дорога, не трогай ни плодов, ни цветов!

Мистер Ной попросил ее принести и ему немножко сидра, но она сказала, что не сделает этого ради него же самого; и вскоре она вернулась и отвела его в тенистую аллею, где цвели всевозможные цветы. Там она рассказала ему, как она попала сюда.

Однажды вечером в сумерках она искала на Селеновом болоте отбившуюся овцу, как вдруг услышала, как мистер Ной зовет своих собак. Она решила

пройти к нему напрямик, но попала в место, где росли папоротники выше ее роста, и пробродила в них не один час, пока не вышла в сад, где звучала музыка; но, хотя музыка и звучала порою очень близко, Грэйс никак не могла выйти из сада, а все ходила кругами, как если бы ее водило. В конце концов, измученная голодом и жаждой, она сорвала прекрасную золотую сливу с одного из деревьев и раскусila ее. Во рту слива растеклась горькой водой, и Грэйс упала на землю без чувств. Прийдя в себя, она обнаружила вокруг себя толпу карликов, смеявшихся и радовавшихся, что обзавелись хорошенькой девушкой, которая будет печь и варить для них, а также приглядывать за их смертными детьми, которые, как они говорили, не так крепки, как они сами были в свое время.

Грэйс рассказала, что жизнь у эльфов неестественная и фальшивая.

- У них мало чувств и ощущений; вместо этого у них лишь воспоминания о том, что радовало их, когда они жили и были смертными - может быть, тысячи лет назад. А то, что кажется румяными яблоками и прочими фруктами - всего лишь терновник, боярышник и ежевика.

Мистер Ной спросил, рождаются ли у эльфов дети, и она ответила, что как раз сегодня родился маленький эльфенок, и поэтому стоит такое веселье - каждый карлик, даже самый старый и безобразный, с гордостью считает себя его отцом.

- Ведь они, чтобы ты знал, не нашей веры, - ответила Грэйс на его удивленный взгляд, - но поклоняются звездам. Они не живут всегда вместе, как христиане и голуби; при их долговечности такое постоянство было бы для них невыносимо; по крайней мере, мелкий народец так думает.

Она рассказала ему также, что теперь она уже несколько смирилась со своим состоянием, потому что научилась превращаться в маленькую птичку и летать рядом со своим Вильямом.

Когда ее снова позвали, мистер Ной подумал, что, может быть, ему удастся найти способ спасти их обоих; поэтому он вынул из кармана свою перчатку для верховой езды, вывернул ее наизнанку и швырнул ее в гущу эльфов. Немедленно все исчезло – Грэйс, сад и усадьба - и Вильям оказался в разрушенной риге. Что-то вроде бы сильно ударило его по голове, и он рухнул на землю.

Те, кому мистер Ной поведал свою историю, сказали, что Грэйс не сообщила ему ничего нового, потому что старики всегда говорили о Дивном Народе то, что рассказала ему она; и что эльфы не любят, чтобы их видели, пусть всего при свете дня, потому что тогда они выглядят старыми и безобразными. Считалось также, что те, кто превращается в животных, становятся с каждым превращением все меньше и меньше размером, пока наконец совсем не пропадают в земле, как "мурыяны" (муравьи), и что зиму эльфы проводят по большей части в подземных жилищах, в которые попадают через пещеры или расщелины. И повсеместно считается, что многие из тех, кто умер не в сознании, на самом деле не умерли, а превратились в эльфов.

Оправившись, наш джентльмен далее рассказал, что заметил среди карликов многих, носивших словно бы семейное сходство с людьми, знакомыми ему, и он уверен, что одни из них были подменены недавнего времени, а другие - их предки, умершие во время оно, когда они не были достаточно хороши, чтобы быть впущеными в рай, но и не настолько порочны, чтобы попасть в худшее из мест. По прошествии определенного времени, как думают многие, они перестают существовать наравне с живыми в нашем мире, по какой причине их сейчас и видят гораздо реже, чем в старье. {[WB_TAHSOWC_II], pp. 95-102}.

Как и многие другие, кто побывал в Волшебной Стране, мистер Ной после этого приключения утратил всякий интерес к жизни и зачах.

Теория о происхождении эльфов, представленная в этой истории, возводит их к определенному разряду мертвцев - в данном случае, умерших язычников - а в наше время их ряды пополняются скончавшимися от удара, каталепсии или другого недуга, связанного с состоянием транса. Иногда эльфов также считают призраками друидов древности.

Ботрелл вкратце пересказывает очень похожую на эту сказку о фермере по имени Ричард Винго, которого завели в Тревильские утесы. В эту волшебную страну - подземную, и весьма уютную - попадали через пещеру. Эльфы там играли в серебряный мяч: игра в мяч [*hurling*] - любимое занятие ирландских эльфов.

Слуа Ши [*Sluagh Sidhe*] Ирландии - Народ Холмов, и живут они, как правило, под природными холмами, а не в могильниках. Из этих холмов они выходят повеселиться, и огни их праздников хорошо помнит живая традиция людей. Порою эльфы ходят процессиями от одного холма к другому, и большая неудача ждет того, кто выстроит что-то на их пути или перегородит его чем-нибудь {[DAM_TMK], р. 22 и pp. 105-12}. Такие же представления описал мистер Т. Г. Ф. Патерсон из Музея округа Армаг. Вот рассказ об эльфийских огнях близ Эденаппы:

Я мальцом тогда был - нешибко большим, но помню, что много раз слышал о мелком народце в Слив-Галлион. По ночам там на вершине часто горел свет, и мелкий народец видели - точно как вот когда люди вроде нас веселятся у костра. Там костры горели десятками, и народу было - сотни. А некоторые сидели в седле и проводили коней через костры. Старики многие их видели. Костры-то я и сам видел, а вот всадников - не доводилось.

Скорее всего, это было в Майскую ночь, когда эльфы, как и люди, проводили свой скот через Бельтанские костры.

Рассказ об эльфах, танцевавших вокруг костра, на острове Скай прислала мне в 1958 году моя подруга от Моны Смит, супруги эдинбургского священника. Я привожу его здесь, потому что в нем сказано:

В вечерних сумерках августа восемьдесят лет назад на острове Скай маленький мальчик ждал, когда его мать вернется от прихвортнувшего соседа.

Со старшей сестрой они остались под присмотром бабушки, пока их мать выполняла долг добрососедства. К ним присоединился другой маленький мальчик, и все трое весело играли весь день. Их дом стоял неподалеку от дома бабушки - на таком расстоянии, которое великовато для малышей без взрослых. Под вечер к бабушке пришла другая пожилая женщина из той деревни, женщина, которую дети хорошо знали и любили. Наверно, к этому времени они уже несколько устали и начали капризничать, и их пожилая подруга попыталась развеселить их. Она сказала вдруг: "Пойдемте со мной, я вам кое-что покажу."

Все четверо взялись за руки и пошли в сумерки по тропинке, что вела берегом ручья. Затем старушка остановилась и сказала: "Вон, видите?" На склоне холма, одетые в зеленые одежды эльфы танцевали вокруг костра.

Дети были совершенно зачарованы этим зрелищем, и можно представить себе их восторг и то, как они рассказывали об этом своей маме, когда та вернулась домой.

На следующее утро они бегом бросились на то место, чтобы найти золу от эльфийского костра, но не увидели ничего.

Тот маленький мальчик был мой отец, и в детстве мы с братом и сестрами готовы были бесконечно слушать этот рассказ. Тетя, приходившая к нам в гости, подтверждала слова отца. Рассказ этот перешел теперь ко мне, и я всем показывала зеленый заросший травой курган, "где папа видел эльфов".

Два года назад впервые в жизни я встретилась с третьим из тех детей; сейчас он уже старик, но помнит все подробности того удивительного вечера так отчетливо и живо, как будто это случилось вчера.

Тем, кто хотел бы попробовать объяснить этот случай, я должна сказать, что ту старушку считали наделенной вторым зрением.

Здесь, хотя сперва эльфы описаны танцующими на склоне холма у ручья, позже сказано, что это был зеленый курган, поросший травой, так что возможно, что эльфы танцевали на вершине его.

Также и в Корнуолле есть сказки об эльфийских холмах и веселых праздниках на их вершинах. Наиболее известна сказка об "Эльфийском застолье на пригорке св. Юста", рассказанная в "Популярных романах Западных Графств" Ханта. Она основывается на широко распространенной фольклорной теме наказания жадности (мотив F361.2). Рассказывается в ней о старом скряге, который, услышав о богатой утвари эльфов, что часто веселятся на Пригорке, решил раздобыть себе что-нибудь из нее. Он отправился в полнолунье Урожайной луны - в Ламмас - и, поднимаясь на Пригорок, услышал эльфийскую музыку. Она была такой бойкой, что наш скряга никак не мог удержаться от танца, и раздавалась повсюду в воздухе; но вскоре он заключил, что музыка идет из-под его ног, и не ошибся, потому что холм вдруг раскрылся, и тысячи эльфов хлынули из него, а на каждой травинке на склоне холма висели разноцветные фонарики. Затем мимо скряги промаршировал полк спригганов, окруживших холм. Это его весьма напугало; но самый рослый из них был не длиннее шнурка от его ботинок, и он решил, что если понадобится, он просто раздавит их. Зрелище, разворачивающееся перед ним, начало его забавлять. Из холма выходили отряды музыкантов, взводы солдат, а затем слуги, несшие всевозможные лакомства на золотых и серебряных блюдах; потом придворные лорды и леди вышли и заняли свои места, а за ними - эльфийские дети в легких одеждах, разбрасывавшие цветы, которые пускали корни, едва коснувшись земли; и наконец появились король и королева и подошли к столу, сверкая золотом, серебром и драгоценными камнями. На этом-то столе и остановились завидущие глаза скряги. Всю эту блестательную картину можно было накрыть шляпой, и он опустился на колени и нагнулся над столом. Музыка, пир и веселье продолжались беззаботно, пока скряга не поднял шляпу над головой, и тут вдруг все тысячи эльфов разом увидели его. Он бросил шляпу наземь, и в тот же миг свистнула дудка, огни погасли, и он почувствовал, как его вяжут тысячами веревок. Не успел он понять, что случилось, как уже лежал на земле и не мог шевельнуть ни ногой, ни рукой. Его щипали, кололи, пинали и колотили. Самый большой спригган плясал у него на носу. Всю ночь он так и пролежал без движения, а когда взошло солнце, порвал паутину, связывавшую его, и с позором побрел вниз по склону. Немало времени прошло прежде, чем он решился рассказать кому бы то ни было о том, что случилось с ним {[RH_PROTWOE], pp. 98-101}.

Возможно, что-то здесь и приукрашено - эльфы-дети в легких одеждах, разбрасывающие цветы, которые сами пускали корни, выглядят литературным добавлением - но, если только вся история не подделка, то она повествует о великолепном застолье эльфийских монархов - хотя и небольшом по размеру, раз весь королевский стол можно было накрыть шляпой скряги. В этой истории несколько интересных моментов. Один - то, что спригганы, корнуольская гротескная разновидность хобгоблинов, служат в страже королевского двора, тогда как они могут быть вполне независимыми существами. Другая - то, что скряга был связан паутинками, как Гулливер веревками лилипутов. Возможно, это прямое заимствование, потому что повесть о Гулливере была изложена в дешевом сборнике, который коробейники вполне могли продавать на западе. С другой стороны, и Свифт мог последовать народной традиции. Свифту была известна история о визите Фергуса О'Конлы к маленьkim эльфам, которая могла стать зачатком "Путешествий Гулливера". Паутине всегда приписывали волшебные свойства, и Свифт мог знать это и использовать мотив волшебного связывания. Третий интересный момент в том, что скряга слышит музыку сначала из-под земли. Это полностью соответствует кельтской народной традиции, как ирландской, так и шотландской. Т. Ф. Г. Патерсон цитирует устный рассказ одного жителя Кашеля - этот рассказ вполне мог быть частью виденного скрягой:

Я помню, как матушка говоривала мне - а она старинных историй знала много, да я не слушал особо, думал, что с возрастом люди из ума выживают - так вот, сказывала мне матушка об одном человеке, который как-то раз под вечер перебирался через Религ. И такую услышал он славную музыку, что никак не мог не сплясать под нее. Так он плясал и плясал, пока не понял, что играет-то из-под его ног. Тут он струхнул и дернулся оттуда со всех ног. И хорошо еще, что смог!

В "Популярных сказках Западной Шотландии" Кэмпбелла рассказывается множество историй об эльфах, живущих в холмах - эльфов гораздо более прозаических, чем ирландские О'Ши. Сказка о кузнеце, отбивающем у эльфов своего сына - одна из них. В этой сказке эльфы похищают единственного сына кузнеца, а взамен оставляют безобразного подменыша. Отец воспользовался советом мудрого человека и обнаружил обман, как обычно, использовав яичные скорлупки вместо кастрюль; так он избавился от подменыша, но его собственный сын к нему не вернулся, и пришлось кузнецу самому идти за ним в эльфийскую страну. Кинжал, Библия и петух понадобились ему для спасения сына, и он вошел в эльфийский холм *[knowe]* в полнолуние, когда тот поднялся на столбах. Кузнец нашел своего сына в одном из закутков среди смертных пленников, что работали в кузнице, и ему удалось освободить его и забрать с собой. Любопытно, что в этой истории эльфы наделяют своих учеников даром искусственной работы по металлу, но сами не могут противостоять холодному железу - кинжалу, воткнутому в склон холма {[JFC_PTOTWH]}, vol. I, «The Smith and the Fairies», pp. 157-60}.

Еще более прозаический рассказ - рассказ о сковородке, которую жительница Холма одолживает у своей смертной соседки. Он выглядит подтверждением теории МакРитчи о том, что эльфы - это побежденный некогда народ, ушедший жить в холмы; прозаическое вознаграждение в виде мяса и костей, оставленных в горшке, эльфийские собаки, которые гнались за женщиной, но были отогнаны собаками людей от хутора - все это звучит, как отношения между двумя чуждыми племенами. Там есть даже намек на то, что женщина людей казалась эльфам такой же колдуньей, как они ей. {[JFC_PTOTWH]}, vol. II, pp. 52-4}

В Нижней Шотландии и на Севере Англии также известны эльфийские холмы. С Элидонских холмов был заведен в Волшебную Страну Правдивый Томас, и они спускались все вниз и вниз, пересекая подземные потоки, пока не добрались до зачарованного сада. Изобель Гоуди, называвшая себя ведьмой, отправлялась под холмы, чтобы встретиться с эльфами, и также Мальчик из Лейта. Человек, которого в XVII веке обвинили в ведовстве, оправдывался тем, что белый порошок ему дали под эльфийским холмом. Повсеместно на наших островах считалось, что люди исчезают в полых холмах и слышат оттуда эльфийскую музыку, как пастух под Хек-Пеном у Обри.

Подводные жилища эльфов и эльфийские острова распространены не так широко и встречаются больше в кельтских частях страны - за исключением отдельных духов рек и источников, таких как Дженнин Зеленые Зубы и Пег Паулер. В Сомерсете по берегам Бристольского Канала бытует традиция эльфийского острова, который показывается иногда, хотя обычно не виден человеческому глазу, Зеленая Земля Чар называется он в народной песне, отрывочно записанной Р. Л. Тонг. Это звучит похоже на Зеленые Острова на Водах, упомянутые у Саути и описанные Джоном Рисом в "Кельтском фольклоре" {[JR_CF]}, vol. I, pp. 20-1 и 169-72}. Рис рассказывает и другие истории о невидимых островах вдоль валлийского побережья. Иногда и реальный остров считается волшебным местом, как, например, остров Мэн, древняя обитель бога Мананнона, чье колдовство, как считалось, вызывает частые там туманы. Самая распространенная из валлийских историй об эльфах, до сих пор сохраняющаяся в устной традиции - "Волшебная Жена" - обычно рассказывается об озерной фее. Во множестве ее форм отец выходит из озера, чтобы подтвердить союз и дать водяной скот в приданное за дочерью. Водяной скот в Шотландии считается принадлежащим подводным эльфам. Ниам Золотоволосая, влюбившаяся в Оссиана, жила на эльфийском острове за морем, в чем-то похожем на Ги-Брасил *[Hy-Brasail]* ирландской легенды.

В Ирландии, однако, как и в Уэльсе, обитают и озерные эльфы. У леди Уайлд есть несколько отрывков об эльфах озера Лох-Ней:

В глубине вод Лох-Нея можно еще увидеть - если обладать особым зрением - колонны и стены прекрасных дворцов, некогда населенных племенем эльфов, когда они были богами на земле; и предание о городе, погребенном под волнами, помнилось в народе веками.

Гиральд Кембрийский рассказывает, что в его время вершины башен, "построенных по обычаям той страны", были ясно различимы в спокойную чистую погоду с поверхности озера; и эльфы до сих пор появляются на руинах своего былого великолепия и устраивают там празднества при свете полной луны; ибо лодочники, возвращаясь домой поздно, часто слышат поднимающуюся из глубины вод прекрасную музыку и смех и видят огни, мерцающие глубоко под водой, где, как считается, стоят древние эльфийские дворцы. {[FSW_ALOI] vol. II, pp. 189-90}

III. Духи-хранители

Эльфов, которые принимают участие в судьбах людей и трудятся на своих друзей среди них, можно разделить на два основных типа - эльф-предок [*ancestral fairy*], который призан к семье и в основном оплакивает надвигающуюся трагедию и время от времени дает советы или даже подарки, приносящие удачу; и брауни или хобгоблины, который выполняет работу и привязывается иногда к семье, а иногда к месту. Последняя разновидность распространена гораздо шире и встречается значительно чаще. Между ними, безусловно, существует некоторое смешение, как и во всякой народной традиции, но основное различие прослеживается отчетливо.

Ряд эльфов-предков возглавляет ирландская банши; она почти всегда привязана к семье, и это должна быть одна из старинных фамилий. Леди Уайлд прекрасно описывает ее в "Древних Легендах Ирландии":

Но дух этот служит только некоторым родам – тем, что запечатлели себя в истории – или же людям, наделенным даром музыки и слова; ибо музыка и поэзия – волшебные дары, и обладатели их выказывают родство с племенем духов. Поэтому-то на них призревает дух жизни, который есть пророчество и вдохновение; и дух рока, открывающий им тайны смерти.

Иногда банши поет сладостным голосом в облике девы из семьи, которая умерла в молодости и которую незримые силы наделили миссией предвещать рок, грозящий ее смертным сородичам. Еще ее можно увидеть как женщину в плаще, что сидит под деревом и плачет, закрыв лицо вуалью; или же она пролетает мимо в лунном свете, горько плача; и плач этого духа печальнее всех голосов на земле, и всякий раз, раздаваясь в ночной тишине, он означает верную смерть одного из членов семьи. {[FSW_ALOI]}, vol. I, p. 259-60}.

Далее леди Уайлд говорит, что банши могут последовать за своей семьей даже за границу, и приводит в качестве примера банши, рыдавшую перед смертью двоих членов семьи О'Грэди, осевшей в Канаде.

Шотландская банши, Маленькая Прачка у Брома, вероятно, более широка в своих привязанностях. Она стирает одежду тех, кому суждено погибнуть в битве; но поскольку кланы рассеяны по всей Шотландии, это не совпадает со служением семье.

В Шотландии существуют эльфы, которые дают советы и помогают своим семьям, а не только оплакивают их. Из этих волшебных хранителей наиболее известна, вероятно, фея дунвеганских Маклеодов, которая качала колыбель наследника клана и подарила семье волшебное знамя. Как и многие дары эльфов, это знамя таило в себе опасности и расплату. К Маклеодам феи как будто особо благоволят, потому что, согласно не такой уж старинной традиции, Зеленая Леди Хелласэя показывается только Маклеодам {О Зеленой Леди Хелласэя рассказывал мисс А. В. Стюарт из Эдинбурга Джон МакФерсон с Барры, некоторые из рассказов которого были опубликованы в [СК]}. Гранты также связаны с эльфийским миром; Гранта можно застрелить только через зеленую клеточку в тартане, а в XVII веке их семейная фея Мэг Мулах стояла за спиной лэйрда, когда тот играл в шахматы, и подсказывала ему выигрышные ходы {[JA_M], pp. 191, 192}.

Существует чрезвычайно распространенная традиция призраков, являющихся только членам их собственной семьи, и, хотя это и не исключительно кельтский элемент, он очень близок к традициям банши, потому что банши, судя по всему, изначально была духом предков. В Англии, равно как и в Шотландии, многие семьи обладают своими приметами смерти - такими, как голубь Оксенхэмов - но природа их не вполне ясна.

Слепой Билли [*Billy Blind*] в некоторых Балладах Пограничья [*Border Ballads*] выглядит чем-то средним между типами банши и брауни. Он скорее советчик, чем помощник. В балладе "Юный Беки" именно Слепой Билли сообщает Берд Избель о неверности Юного Беки:

<p><i>O it fell once upon a day, Burd Isbel fell asleep An up it starts the Belly Blin, An stood at her bed-feet.</i></p>	<p><i>Однажды днем случилось так: Берд Избель уснула, Как вдруг появляется Слепой Билли И встает у ее ног.</i></p>
<p><i>'O waken, waken, Burd Isbel, How can you sleep so soun, Whan this is Bekie's wedding day An the marriage gain on?'</i></p>	<p><i>"Проснись, Берд Избель, проснись, Как можешь ты так крепко спать, Когда сегодня день свадьбы Беки, И венчание идет полным ходом?"</i></p>

{[FJC_TEASPB], vol. I, p. 466}

Слепой Билли не только рассказывает ей о свадьбе, но и советует, что делать дальше, и устраивает волшебный корабль, на котором сам везет Берд Избель в страну Беки. Баллада о Юном Беки - сказочная версия легенды о Гильберте а-Беккете, отце Томаса а-Беккета, а Слепой Билли, возможно, попал в нее в Пограничье [*Border Land, Border Country*]. Другой Слепой Билли упомянут в балладе о "Леди Вилли", где он дает отличный совет, но не оказывает практической помощи.

Еще одним духом-помощником была Шелковница [*Silkie*] из Дентон-Холла в Нортумберленде. Это была фея, носившая серый шелк, одна из тех белых леди, которые представляются наполовину привидениями, наполовину феями. Согласно Хендерсону, она была привязана скорее к месту, чем к людям, но некоторые более поздние данные предполагают, что она весьма тяготела к семье.

Одна леди, живущая сейчас в Оксфордшире, выросла в Лемингтон-Холле в пяти милях от Ньюкасла, и в детстве Марджори Сауэрби, как ее звали тогда, часто навещала двух старушек - последних из дентонских Хойлов. Старушки весьма охотно рассказывали своим близким друзьям о том, как Шелковница благоволила к ним. Их дом был для них слишком большим, и они не представляли себе, как бы они справлялись без ее помощи. Шелковница чистила очаг, разводила огонь, и было еще что-то, связанное с букетами цветов, которые оставались на лестнице. В 1902 году или около того Марджори Сауэрби переехала оттуда и не бывала в тех краях подолгу до самой Второй Мировой войны. К тому времени старушек давно уже не было в живых, и дом занимал другой ее старый знакомый. Он был из тех, с кем волшебство ужиться не могло, и о доброте Шелковницы теперь не шло и речи; напротив, нового жильца так утомили стук, шум и выходки полтергейста, что в конце концов ему пришлось покинуть дом. Брауни превратился в богарта, как это часто случалось раньше.

"Брауни" - слово английское, и этот трудолюбивый и спорый на помощь домашний дух более обычен в Англии и Нижней Шотландии, чем в кельтских странах. В Корнуолле брауни призывают на помощь, крича "Брауни! Брауни!", когда роятся пчелы; но это может быть и названием самих пчел - как шотландское "Burnie, Burnie, Bee". В Западных графствах работу брауни иногда делают пикси, которым, как и брауни, оставляют в подарок одежду. Ирландский рассказ Кеннеди о "Пуке из Килдэра" - совершенно история о брауни, хотя сам Пука больше схож с хобгоблином или букозверем [*boogey-beast*]. В сказке леди Уайлд Пука - снова добрый дух-помощник, смоловший всю муку на мельнице за юношу, который поговорил с ним вежливо и набросил на него плащ {[FSW_ALOI], vol. I, pp. 87-90}. Как и других брауни, подаренная одежда отваживает его, но в этом случае он довolen подарком, и уходя, наделяет всю семью долгой удачей. Сказку о пикси, которые, хотя их и отвадили одеждой, не были рассержены этим и остались в друзьях с семьей, записала Р. Л. Тонг в Сомерсете:

Один фермер из Найтона был очень дружен с пикси. Когда у него не хватало рук, он оставлял зерно на полу, и пикси молотили для него. Они делали для него огромную работу, пока однажды его жена не заглянула в замочную скважину и не увидела, как они трудятся в поте лица. Их косые глаза и волосатые тела не испугали ее, но ей стало ужасно стыдно, что им приходится ходить голышом по холоду.

Она принялась за дело, смастерила им теплую одежду и оставила ее на току. После этого помочи от пикси больше не было. Но они не забыли фермера, потому что однажды, после того, как подвесили колокола в церкви в Битипуле, отец семейства пикси встретил фермера на верхнем поле.

- Не ссудишь ли ты нам свой плуг и снасть? (То есть, выючную лошадь и крючья) - попросил он.

Фермер был осторожен - он знал, что пикси делают с лошадьми.

- На кой тебе это? - спросил он.

- Хочу увезти свою женушку и малышню подальше от этих звонилок.

Фермер доверился пикси, и они тронулись, собрав все свои манатки и пояситки, на Виндзорский холм; а старые клячи, ссуженные им, вернувшись домой, выглядели, как прекрасные двухлетки. {[RLT_SF], p. 117}.

Один брауни с Кельтского рубежа - границы гэльскоязычной области в Пертшире - поселился в Альтмор-Берне, неподалеку от Питлохри. Часто слышали, как он топал и шлепал в ручье, а потом с мокрыми ногами поднимался на ближайшую ферму, и если все было оставлено в беспорядке, наводил порядок, а если все было прибрано, разбрасывал вещи по сторонам. Встретить его считалось дурной приметой, и по ночам люди избегали ходить этой дорогой. Впоследствии его тоже отвадили, но не дареной одеждой, а прозвищем. Однажды темной ночью один человек, возвращаясь в исключительно приподнятом расположении духа домой с рынка, услышал, как он топчется в ручье, и весело воскликнул: "Эй, топошлен, как тебе эта почка?" Брауни пришел в ужас. "Ой! Ой!" - вскричал он, - "Меня назвали! Меня называли Топошленом!" Он исчез и больше никогда не появлялся в тех местах {[KMB_TROF]}, p. 127}.

Вполне возможно, что тот брауни был привидением, как брауни из Бальквама, известный также под именем Призрак Брэнди Ду [*Ghost of Brandey Dhu*]. Широко известную историю о том, как брауни похищал повивальную бабку, рассказывают именно о нем. Особый интерес он проявлял к Ферментонской хозяйке [*the Goodwife of Furmenton*], и ее сын отвадил его.

Считалось, что какие-то вредные брауни водятся на Финкаслской мельнице в Пертшире - редкий случай, когда брауни появлялись большой компанией. Две сказки о них записал Хэмиш Хендерсон, и они хранятся в архивах Школы изучения Шотландии. Одна из них представляет особый интерес, потому что в ней снова появляется Мэгги Мулах. Это сюжет "Немо". На молодую невесту, собиравшуюся молоть зерно на мельнице в Финкасле, где водилась нечистая сила, в полночь напал брауни. Она сказала ему, что ее зовут Ясам. Брауни стал вести себя так назойливо, что она швырнула в него миску с кипящей похлебкой, и тот побрел умирать, ответив своей матери, Мэгги Мулах, на вопрос, кто его ошпарил, "Я сам". Так девушка на время избежала мести. Но после свадьбы она попала в Кейли, что недалеко от Финкасла, и там ей довелось рассказать, как она обманула брауни. К несчастью, Мэгги Мулах тоже перебралась в ту местность и подслушала ее рассказ, будучи невидимой. Едва девушка закончила рассказ, как раздался яростный рев, стул поднялся в воздух, и девушка рухнула замертво. Таким образом, Мэгги Мулах заслуживает того, чтобы ее сочли скорее гоблином, чем брауни; но в то самое время она выполняла работу брауни на соседней ферме. Эта сказка прекрасно иллюстрирует двойственную природу брауни.

В Уэльсе место брауни занимают Бубах [*Bwbach*] и Бука [*Bwca*]. В "Кельтском фольклоре" Джона Риса содержится длинная и подробная история о Буке, который, как Шелковница из Дентон-Холла, приносил пользу и вел себя примерно до тех пор, пока с ним хорошо обращались, но становился сущим боггартом, когда люди относились к нему не должным образом. В первом своем доме, на ферме в Монмаутшире, он некоторое время дружил со служанкой, у которой подозревали в жилах эльфийскую кровь. Та каждую ночь оставляла ему внизу лестницы сливки, а за это он делал большую часть ее работы. Но однажды глупая девчонка сыграла с ним злую шутку, наполнив его блюдце отстоявшейся мочой, использовавшейся как проправа при окраске тканей. Бука так набросился на нее, что ей пришлось звать на помощь, а потом ушел служить на соседнюю ферму, называвшуюся Хафод-и-Инис. Там служанка очень хорошо кормила его, но, к несчастью, оказалась чересчур любопытна и решила узнать его имя, которое Бука отказался ей поведать. Однажды вечером мужчин не было, а Бука прял за девушку, работая изо всех сил. Девушка притворилась, что тоже ушла, а сама забралась на верх лестницы и услышала, как он поет по-валлийски:

*How she would laugh, did she know
That Gwarwyn-a-throt is my name!*

*Как бы она смеялась, узнав,
Что зовут меня Гварвин-а-тротом!*

Девушка торжествующе закричала, что знает теперь его имя, и бука тотчас же покинул Хафод-и-Инис и перебрался на соседнюю ферму, где крепко подружился с Мозесом, тамошним слугой. Но Мозес отправился воевать с Ричардом Горбатым и пал на поле боя под Босвортом. После этого характер у бедного Гарвина-а-трота окончательно испортился, и пришлось вызывать местного мудреца, чтобы отвадить его; тому удалось отправить его в Красное Море. {[JR_CF], vol. II, pp. 593-6} Здесь интересны параллели с саффолкским эльфом-предыщником Том-Тит-Тотом, шотландским Хабетротом и валлийским Трутин-Тратином; многие моменты этой сказки фигурируют в различных историях про брауни. Вирт Сайкс в своем рассказе о Бубахе описывает существо, почти схожее с брауни, или домовым хобгоблином.

Бубах [*Bwbach*, или *Boobach*] - добрый от природы гоблин, который поможет всякой работающей валлийской девушке, что завоюет его расположение определенным поведением, рекомендованным старинной традицией. Девушка, подметя кухню, последним делом разводит в очаге хороший огонь и, поставив маслобойку со сливками на выбеленную печь и не забыв поставить для Бубаха на полку миску со свежими сливками, отправляется в постель ждать, что будет. Утром, если ей повезло, она обнаруживает, что Бубах опустошил миску со сливками и так славно поработал мутовкой, что осталось лишь пару раз стукнуть, чтобы масло вышло одним большим куском. {[WS_BG] pp. 30, 31}.

Далее в этом же отрывке Сайкс рассказывает о гоблинских повадках Бубаха.

"*То же смешение черт,*" - пишет он, - "*что присуще нашим собственным буги и хобгоблину, придает Бубаху характер двойственный, поскольку он - и домашний дух, и жуткий фантом. В обоих своих аспектах он проказлив, но в последнем случае его проказы имеют опасные последствия. Попасть в его лапы в определенных обстоятельствах - дело нешуточное, ибо он способен переносить людей по воздуху. К его услугам прибегают беспокойные духи, которые не дают покоя зарытый клад, и они хотят выкопать его и убрать от себя подальше; если им удается найти смертного, который согласен помочь им и выкопать клад, они нанимают Бубаха, чтобы тот перенес смертного по воздуху.*"

Выглядит это так, как если бы Бубах был больше похож на ирландского Пуку, чем на английского брауни.

Брауни острова Мэн зовут фенодири [*fenodyree*]. Это волосатое существо обладает огромной силой; он способен за ночь обмолотить все гумно. Фенодири не очень умен: однажды в Снэфелле он взялся охранять стадо овец и немало намучился с одной маленькой серой овечкой без рогов - этой овечкой оказался заяц. Ту же историю рассказывают о брауни в Ланкашире. Фермер из Баллохринка был так благодарен фенодири за все, что тот сделал для него, что подарил ему полный комплект одежды. Фенодири очень обиделся этому подарку, и стал поднимать предметы одежды один за другим и называть болезни, которые каждый из них принесет. Потом он ушел в безлюдный Глен Рашен {[JR_CF], vol. I, p. 286}. Любопытно, что линкольнширский его коллега благодушно принимал в подарок льняную рубашку ежегодно, и только когда фермер коварно подсунул ему пеньковую, сделал исключение:

*Harden, harden, harden hemp!
I will neither grind nor stamp!
Had you given me linen gear,
I would have served you many a year!*

*Жесткая, жесткая, жесткая пенька!
Не буду больше ни молоть, ни молотить!
А дал бы мне одежду льняную,
Служил бы я тебе еще не один год!*

Так сказал он, и ушел, и больше не возвращался {[JR_CF], vol. I, p. 324, цит. записи M.Peacock in F.L., vol. II, 1891, pp. 509-13}.

Существует несколько народцев на периферии рода брауни; их основной территорией расселения, как я уже говорила, являются англоязычные области Англии и Шотландии. Наиболее высока плотность их населения в Пограничье. Их разнообразные черты и повадки

можно собрать из множества историй. Обыкновенно их можно отвадить, подарив им одежду, как показано в истории о старой Фортэлис из Долфинтона в "Новом Статистическом Отчете о Шотландии" в статье "Сөенам":

Не увидает народная вера в то, что дух, или брауни, в былые времена помогал крестьянам обмолачивать зерно, и что в знак благодарности за его службу ему предлагали предметы одежды, выкладывая их на месте его ночных трудов; он же, обиженный и оскорбленный самой мыслью о вознаграждении какого-либо рода, покидал навсегда это место, и при этом, рассказывают, выражал свое сожаление в следующих строках:

*Sin' ye've gien me a harden ramp,
Nae mair of your corn I will tramp.* | Раз ты дал мне жесткую дерюгу,
Не буду больше молотить твоё зерно.

{[RC_TPROS], цит. по «The New Statistical Account of Scotland» (1845)}

Дерюгой здесь называется рубашка из очень грубого льна, и вполне возможно, что брауни обижала дешевизна подарка, точно так же, как обидела она его линкольнширского собрата. Стишок же его напоминает хорошо известный стишок, приведенный у Реджинальда Скота:

*Since thou layest me, hempen, hempen,
Here I'll no longer tread nor stampen.* | Раз кладешь мне пеньку, пеньку,
Больше здесь не стану молотить.

И здесь, похоже, тоже была подарена грубая рубаха. Не так было с Мерзлячком из Хилтона [*Cauld Lad of Hilton*], который, как и Пука из Килдэра, судя по всему, сам был не прочь, чтобы его отвадили. Это был голый мальчик, которого считали призраком конюшего, убитого одним из лордов Хилтонов в припадке ярости. Он являлся в замке Хилтон в Нортумберленде, и, как альтмурский брауни, расшвыривал все, что стояло на своих местах, но расставлял по порядку все, что было разбросано. Люди слышали, как он работал по ночам и грустно напевал:

*Wae's me! Wae's me!
The acorn is not yet fallen from the tree,
That's to grow to the wood,
That's to make the craddle,
That's to rock the bairn,
That's to grow a man,
That's to lay me.* | Горе мне, горе мне!
Желудь еще не упал с дерева,
Из которого вырастет ствол,
Из которого сделают колыбель,
В которой вынянчат младенчика,
Который вырастет в человека,
Который меня упокоит.

Но случившееся превзошло все его надежды, потому что слуги смастерили для него превосходную зеленую накидку и капюшон. Он радостно надел их и оставил свою работу навсегда, спев:

*Here's a cloak, and here's a hood!
The Cauld Lad of Hilton will do no more good!* | Вот плащ, вот капюшон!
Мерзлячуку из Хилтона больше трудиться не придется!

Другой брауни, по-видимому, ожидавший награды за свои труды - брауни из Джедбурга, который, когда слуга замешкался, доставил повитуху к хозяйке дома с невероятной быстротой. Слуги подслушали, как он говорит сам с собой: "Ах, горюю я по зеленой рубахе!", и благодарный лэйрд сшил ему эту одежду и выставил перед ним. Он схватил их и исчез навсегда, как все решили - в Волшебную Страну {[WC_MOTSB], 4 vols, vol. I, p. 149, сноска i}.

Чаще, однако, брауни обижались на подарок, как брауни из Глендевона, который отбыл, возмущенный до глубины души, со словами:

*Gie brounie coat, gie brounie sark,
Ye'll get nae mair o' brounie's wark.* | Дай брауни плащ, дай ему рубаху,
Больше ты его работы не увидишь.

{[RC_TPROS], p. 325}

В этом же аспекте Хендерсон цитирует письмо от одной леди шотландских корней:

Любопытна та неприязнь, которую брауни испытывают к одежде. В старой пиль-баине, где я родилась, жил один брауни. Слуги в благодарность за его помочь подарили ему то, что они считали неотъемлемой частью муж-

ского костюма. К несчастью, это оказался ливрейный пиджак, и брауни исчез, вскричав:

Red breeks and a ruffled sark! Красные штаны и кружевная рубашка!
Ye'll no' get me to do yer wark! Больше не заставите меня делать вашу работу!

Эта история случилась во времена моего прадедушки; но старый темный чулан, в котором жил брауни, существует до сих пор, хотя он уже вовсе не темный. {[WH_FLOTNC], p. 249}.

Существовали и другие способы отвадить брауни, такие, как, например, попытки крестить их; еще они могли уйти, на что-то обидевшись. Обычно считалось, что они имеют право на миску лучших сливок; брауни же из Бодсбека, что близ Моффата, был капризен даже на этот счет. Он любил выбирать свою долю сам, но однажды в страду усталый хозяин выставил для него отдельную миску сливок и позвал его, чтобы рассказать ему, где она стоит. Этого оказалось достаточно для чувствительного брауни, и услышали, как он вскричал:

Ca', brounie, ca'! Зови брауни, зови!
A' the luck of Bodsbeck awa' to Leithenha'! Удача из Бодсбека пошла в Лейтенхолл!

После этого его труды и удача, которую они приносили, перешли к соседней ферме Лейтенхолл. Сэр Вальтер Скотт, кстати, предполагает, что, возможно, в миске оставляли деньги {[WC_MOTS}, vol. I, p. 149, сноска i].

Слово благодарности порою прогоняет эльфов-помощников; на критику же они обижаются неизменно. Брауни из Краншоу в Бервикшире славно скирдовал и молотил несколько лет, пока кто-то не заметил неосторожно, что пшеница-то плохо заскирдирована. Всю следующую ночь брауни трудился, унося зерно на Вороний Камень в двух милях от фермы и разбрасывая его оттуда. На ходу он бормотал про себя:

It's no' weel mow'd! It's no' weel mow'd! - Плохо застожено, плохо застожено!
Then it's ne'er be mow'd by me again; Так не буду больше вовсе стоговать;
I'll scatter it owre the Raven Stane Развею все с Вороньего Камня,
And they'll hae some wark ere it's mow'd again! Потрудятся еще, прежде чем скирдовать!

{[GH_PROB], pp. 65-6}

Брауни иногда бывал больше в чести у хозяина с хозяйкой, чем у слуг, потому что в спорах он обычно вставал на сторону господ. Чемберс приводит пебблширскую сказку о двух служанках, которые решили, что их кормят недостаточно хорошо, украли плошку молока и каравай и уселись все это совместно употребить. Но невидимый брауни сел между ними, и когда кто-нибудь из них пытался выпить молока, и молоко, и пирог доставались брауни. Когда же служанки принялись ссориться и обвинять друг друга в нечестности, брауни появился, засмеялся и воскликнул:

Ha, ha, ha, Хо-хо-хо!
Brownie has 't a' Брауни забрал всё!

{[RC_TPROS], p. 327}

Бездельник-со-Стены [*Wag-at-the-Wa'*] - таково шотландское название существа, похожего на брауни, чье любимое место - пустой котловой крюк над огнем. Покачать этот крюк означало позвать Бездельника-со-Стены в гости. Он изводил ленивых слуг, но очень любил детей, и его смех слышался между другими голосами в минуты домашнего веселья. Описывали его как забавного старичка с короткими ногами и длинным хвостом, одетого в красный, а иногда серый плащ и синие штаны, со старым "перникапом" - ночным колпаком - на голове и перевязанной щекой, потому что его постоянно терзает зубная боль. Он очень не любит, когда в доме пьют что-нибудь крепче домашнего эля. Как и другие духи, он изгоняется знаком креста {[WH_FLOTNC], pp. 256-7}.

В Англии, в Херфордшире, брауни тоже пользуются котловым крюком как настестом. В "Херфордширском фольклоре" Э. М. Лезер пишет: «"Качалка" - железный прут над очагом, на который вешали котлы и кастрюли - раньше делалась с крючком. В Крассвелле говорили, что это настест для брауни; пожилая леди, еще жившая там в 1908-ом году, помнила "качалку брауни" в ее старом доме в Кьюсонской низине. Если на качалке не было крюка, рассказывала она, то на нее подвешивали подкову кверх ногами, чтобы брауни было на чем посидеть.» {[EML_TFLOH], p. 48}. В Херфорде, как и в других местах, брауни были

ненадежны и обидчивы, потому что Э. М. Лезер продолжает: «Иногда брауни обижался, считая, что ему уделяют недостаточно внимания, и самой любимой и частой формой его мести было прятать ключи от хозяйства. Ключи можно было вернуть только одним путем: все домочадцы садились вокруг очага, положив на его полку пирожок - прошьбу о мировой с брауни. Все сидели в полном молчании с закрытыми глазами, пока брауни не швырял со всей силы ключи в стену за спинами сидящих. Так делали в Портвэй-Инне, что под Стэнтоном-на-Вае, семьдесят лет назад.» [{EML_TFLOH}, р. 48].

Говорили, что на одном постоялом дворе в Сомерсете водился дух той же капризной и безвредной природы, который также представляется мне духом очага. Р. Л. Тонг записала следующий рассказ о нем весной 1964-го года - сразу, как услышала эту историю:

Чарли - это хоб, который до сих пор водится на постоялом дворе Холман-Клэйвел в Блэкдаунз. В этом году я встретил женщину, которая живет рядом с Холман-Клэйвел, и как только речь зашла о Чарли, она заулыбалась и захихикала. Она сказала, что он большой забавник, но никогда не делал ничего плохого. В округе все его знали. Поперек главного зала Холман-Клэйвел идет громадная балка, которую называют Глинобитным Колесом [Cob Wheel]. Сам дом очень старый, и построен из глины с соломой [cob, packed clay], и в его устройстве непременно присутствует "Клэви" или "Клэви" [Clavy, Clavey], то есть, балка над очагом, которая, конечно же, дубовая [holly] - почему и "Холман". Так на ней-то Чарли обычно и сидит.

Однажды, когда эта моя знакомая была там, ее попросили помочь соорудить обед для местного фермера, и они стали накрывать на стол. Они вынули серебро и льняную скатерть, все очень красиво разложили, и одна из служанок сказала: "Ох! Не любит Чарли этого!"

Ну, а что - ничего поделать они не могли. Стол был накрыт великолепно - все гордились таким столом. Все, что они могли сделать - это закрыть дверь и надеяться, что все обойдется. Перед тем, как прибыли гости, служанки вошли еще раз, чтобы убедиться, что все в порядке. Дверь все время оставалась закрытой, но стол - стол оказался пуст. Все кружки висели на своих крюках; серебро было аккуратно убрано обратно на место. Чарли определенно не любил этого.

В Йоркшире и Ланкашире брауни называют более общим названием - хоб. Хоб из Хоббей Норы в Рэнсик-Бее не был домашним, а жил в естественной пещере - Хоббей Норе. Это было доброе существо, и его коньком было излечение сухого кашля. Родители приносили детей к пещере и приговаривали:

Hobthrush Hob,
My bairn's gotten t' kink cough,
Tak't off! Tak't off!

Хобушка-Хоб,
У моего постреленка кашель,
Забери его!

{[WH_FLOTNC], р. 264}

Хендерсон обнаружил также двух хобов, отваженныхых, как и брауни, подарком одежды - одного из них возле Дэнби; тот, как линкольнширский брауни, отреагировал на качество подарка, потому что стишок у него был такой:

Gin Hob mun hae nowght but harding hamp
He'l come nae mair to berry nor stamp!

Раз хобу можно только жесткую пеньку,
Больше не придет он ни молоть, ни молотить!

Йоркширский Хобтрастист [Hobthrust] из Старфит-Холла, что в Рите, с другой стороны, похоже, ушел, довольный наградой, потому что его стишок выглядел так:

Ha! A cap and a hood!
Hob'll never do mair good!

O! Шапка и капюшон!
Хоб не будет боящее делать добра!

{[WH_FLOTNC], р. 264}

Некоторые домашние духи навешают особые места и делают особую работу. Так, например, Погребной дух охраняет вино от слуг и воров, Ленивый Лоуренс защищает сады, Старуха Гогги отваживает детей от незрелого крыжовника, а Мелч Дик сторожит ореховые кусты. В Манускрипте Уилки описан Киллмаулис - мельничный дух в Нижней Шотландии. Это странное существо с огромным носом, не имеющее рта, хотя и говорят, что он обожает

свинину. Он оплакивает несчастье, грозящее мельнице, но более всего он любит различные проказы, и держать его в узде может только сам мельник. Иногда, в исключительных случаях, он может покинуть свой угол, чтобы помолоть зерно или сбегать за повитухой, но, как правило, он больше мешает, чем помогает {[WH_FLOTNC]}, pp. 252-3}.

Можно видеть, что брауны и близкие к ним хобгоблины, хобы и лобы имеют довольно схожий характер. Возможно, стоит подытожить их описания. Ранние брауны часто имели человеческий рост или были даже выше, как увалень Чорт Амбарный [*Lubbar Fend*] у Милтона; в более же поздние времена брауны описывали обычно маленькими, некрасивыми и косматыми, одетыми в тряпье или вовсе без одежды. Иногда, как Фука [*Phooka*], они принимают животное обличье. Обычно вид у них гротескный. По абердинширской традиции, которую знал и использовал Джордж Макдональд, у них нет пальцев на руках и ногах; брауны Нижней Шотландии не имеют носов, только дырочки ноздрей. У бoggартов носы длинные и острые, а у Киллмулиса - длинный нос без рта. Иногда они выглядят, как маленькие дети, голые или носящие белую рубашку. Как правило, они, похоже, умеют быть невидимыми, но так искусно прячутся и затаиваются, что в невидимости почти не нуждаются. Они готовы делать любую работу по дому или на ферме: подметать, сбивать масло, прядь, ткать, скирдовать, молотить и пасти скотину - особенно. Они ценят личную дружбу и привязанность, и ради этого иногда делают что-то сверхурочное - например, могут сбегать за повитухой. Они селятся при ферме или в доме; часто постоянным обиталищем им служит какой-нибудь пруд, ручей, скала или пещера. Традиция часто связывает их с мертвymi. Они почти всегда одиноки, за исключением некоторых общественных эльфов [*trooping fairies*], таких, как пикси, которые иногда выполняют работу брауни. Вне дома брауни в старину занимался охраной сокровищ. Если брауни под рукой не оказывается, его место занимает доби. Это не хорошо, потому что доби - простофили и их слишком легко перехитрить.

Можно увидеть также, что брауни очень близки к классическим ларам, которые считаются либо духами предков, либо духами-адресатами первобытных жертвоприношений очагу. Брауни, однако, отличаются от ларов тем, что могут менять место своего обитания и охотно делают это, если старое место им не нравится. Мы знаем даже о брауни, который ушел вместе со слугами, когда скрупулезная хозяйка выгнала их, сказав, что все равно всю их работу делает брауни. Брауни не возвращался, пока всех слуг не вернули на место.

Двойственная природа брауни отмечается во всех сказках. В одних он просто проказлив, вспыльчив и обидчив, в других активно приносит вред и может быть опасен. Его связи с Паком и хобгоблинами, с Брагом, Брашем и Букой-чудищем [*the Brag, the Brash, the Bogey-beast*] - весьма очевидны. Широко известная история о ланкаширском бoggarte - "Все, Джордж, мы убегаем!" - очевидно, рассказывает о брауни, который пошел дурным путем. Однако, и он предпочитает последовать за семьей, нежели оставаться в доме. Эта изменчивость и своеевольность присуща и банши, и брауни. Оба они не привязаны, как многие духи, к определенному месту. Основания считать их обоих духами достаточны, но брауни обладает приспособляемостью, индивидуальностью и домашним колоритом, которые не позволяет видеть в нем всего лишь старинный ностальгический образ.

IV. Забытые боги и духи природы

Духи природы встречаются реже прочих духов на наших островах, однако их следы можно обнаружить во многих местах. Каллах Вур [*Cailleach Bheur*], Синяя Старуха Верхней Шотландии, представляется нам персонификацией зимы. Она пасет оленей и борется с весной своим посохом, который замораживает землю. Весна же, придя наконец, забрасывает ее посох под горный дуб, вокруг которого никогда не растет трава {[DAM_SFLAFL], pp. 137-41}. Она же - Калли Берри в Ульстере, вечный противник Финна и его сторонников. Черная Эннис с Данских гор в Лейстершире - похожее на ведьму существо того же рода. Ее имя, как говорят, происходит от Ану или Дану, кельтской богини, матери Туата Де Дану [*Tuatha De Danu*]. В Нижней Шотландии Ласковая Энни приносит бурю. В Уэльсе Старуха-с-гор сбивает с дороги путников. Она - одна из Гвиллион, горных фей Уэльса. Гвиллионы дружны с козами, как Каллах Вур с оленями. Иногда они спускаются с гор и входят в людские дома, где их нужно принимать со всем гостеприимством {[CJB_CFL3], pp. 4-9}.

Более тих нравом и милостив горный дух Гилле Дув [*Ghille Dubh*] в окрестностях Гайрлоха. Его видели во второй половине XVIII века на озере Лох-а-Дринг. Черноволосый, одетый в листья и мох, он разыскивал заблудившихся детей и выводил их к дому. Несмотря на его доброту, пятеро лэйрдов Маккензи отправились застрелить его. К счастью, они не нашли и его следов. Более простительной была попытка отравить Водяного Коня [*Each Uisge*], жившего в Лох-на-Биште [*Loch na Beiste*] близ Гайрлоха, влив в воду известь. В 1844 году выяснилось, что та попытка оказалась неудачной {[ОМ_AHYITH], pp. 196-7}.

В Сомерсете время от времени слышны слухи о Женщине-из-Тумана. О ней рассказывали Р. Л. Тонг в Бикноллере в 1962 г.: "Женщина-из-Тумана показывается осенью и зимой на вершине холма возле Локси-Торна. Иногда она похожа на старуху, собирающую хворост. В 1920-ом году ее видели лицом к лицу, а потом - в пятидесятых. Она растворяется в тумане."

В Сомерсете живут также древесные духи, и некоторые из них весьма коварны. В подлесках, образующихся возле упавших дубов, как считается, живут злые духи деревьев, и местные жители избегают их после захода солнца. Говорят, что ивы ходят за людьми в темноте и бормочут. Березы еще более опасны, потому что береза - дерево смерти. "Белорукая" - сомерсетский болотный дух - как считается, выходит из молодых березняков. Мальчишки в Тонтонской школе рассказывали о духе женского пола, что водится в болотах под Тонтоном. Она поднимается из березовой и дубовой поросли в сумерках и плывет за застигнутыми темнотой путниками так быстро, что убежать от невозможно. Ее одежды шуршат при этом, как усохшая листва, а длинная белая сухая рука похожа на разбитую молнией ветку. Если она коснется головы человека этой рукой, тот сходит с ума, а если кладет руку на его сердце, он умирает, и на сердце его можно потом найти метку - белую руку. В конце концов один храбрец отвадил ее пригоршней соли.

Водяные духи всех сортов - самые обычные из духов природы. Морская дева [*русалка, Mermaid*], вопреки своему имени, не ограничивает себя морем, но заходит вглубь островов так же далеко, как лосось, и встречается даже в озерах и прудах. Водяной бык [*taroo ushtey*] и водяной конь [*each uisgey*] Верхней Шотландии обычно выходят из моря, но келпи водятся также в реках и лохах. Ирландские озера кишат всевозможными чудовищами, такими, как Оллфиаст в графстве Ми и "Ирландский крокодил" со дна Лох-Маска {[WGWM_TOTEOF], vol. I, p. 379}. В английских реках живут свои водяные духи, такие, как зеленоволосая Пег Паулер с берегов Тиза, неутолимо алчущая человеческих жизней. Пену в верховьях Тиза называют "стиркой Пег Паулер" {[WH_FLOTNC], p. 265}. Пег о'Нелл, дух реки Рибл, описывалась главным образом не как водяной дух; как и Сабрина, дух реки Северн, она считалась призраком, но не принцессой, а простой служанки из Уэллоу-Холла, утонувшей в Риббле; но поскольку, как и другие духи рек, она требует человеческой жертвы каждые семь лет, то представляется, что изначально Пег была духом этой реки {[TP_YLAT], vol. I, pp. 108-9}. Нередко персонифицируется сама река, как, например, сомерсетский Пэррот или Дарт. Заклинание Дарта обращено непосредственно к реке:

Dart, here's a man
To chill
Or to kill
Now let me over
To go where I will.

Дарт! Вот тебе гость:
Его губи-студи,
А мне дай пройти,
Меня пропусти.

{[RLT_SF], p. 21} В широко известном споре между Твидом и Тиллом также участвуют сами реки.

Существует, однако, и множество других водных обитателей, известных народной традиции. Русалки, вероятно - самые неоднозначные из персонажей. Один их вид в море приносит гибель морякам, и у них в обычай завлекать людей под воду; но порою они благосклонны к людям, как русалка из Кьюри, наградившая своего спасителя целительским даром, и та русалка из Нижней Шотландии, которая поднялась из воды, когда мимо проходила погребальная процессия юной девушки, и горестно сказала:

If they wad drink nettles in March
And eat muggons in May,
Sae mony braw maidens
Wadna gang to the clay.

Если бы пили крапиву в марте
И ели бы маггон в мае,
Столько славных девушек
Не полегло бы в землю.

{[RC_TPROS], p. 331. «Маггон - это полынь.»} Есть также шетландская сказка о доброй русалке, отдавшей свою жизнь за тюленя {[GFB_CFL_OAS], pp. 185-7, цит. Edmonston, "Sketches", 1856, pp. 79-82}. Ирландские мерроу весьма добродушны, если верить сказке Крофтона Крокера про Кумару, но благороднее всех - тюлений народ, который не мстит даже за самые тяжкие оскорблении. "Приключение охотника на тюленей" рисует их самыми светлыми красками {[GD_SHAFT], pp. 155-8}.

Но и тюлени могут потревожить человека. В Эдинбурге в марте 1959 г. мисс Бартолемью рассказала мне о происшествии, случившемся с ее сестрой на одном из Шотландских островов. В одну прекрасную летнюю ночь она решила сходить искупаться в море и посмотреть на тюленей. Путь ее проходил мимо пресноводного лоха, и местные жители предупреждали ее неходить этим путем ночью. Несмотря на это, она пошла мимо озера и не увидела ничего, но услышала повсюду вокруг себя легкий топот, словно бы маленьких ножек, что слегка напугало ее, и она побежала, - и шаги ускорились и побежали вместе с ней. Выйдя на берег моря, она не увидела никаких тюленей; но, решившись уж искупаться, разделась и разулась. Едва она вошла в море, как тюлени попрыгали в воду со скал со всех сторон. Большой тюлень подплыл к ней и фыркнул ей в лицо, а остальные сбились вокруг нее так тесно, что ей пришлось спешно выбираться на берег, не то они раздавили бы ее до смерти. Ее ощущение, которому, впрочем, сама она не очень верит, было именно такое - что тюлени и эльфы, топотавшие за ее спиной, были одни и те же существа.

Морские девы - самые частые из волшебных невест, а иногда, как в оркнейской сказке "Большой Тюлень с Сул-Скерри", смертная женщина выходит замуж за тюленя {[FJC_TEASPB], vol. II, p. 494}. Бен-варри, русалка с острова Мэн, добрее большинства русалок, но время от времени влюбляется в рыбака и зачаровывает его {[DB_FTFTIOM], pp. 27-37}.

Фуа [The Fuath] Верхней Шотландии - злые духи различного рода; шелником ["раковинный плащ"], Уриск, Эах Уишге - все это Фуа. Рассказав несколько историй о них, Кэмпбелл пишет: "Из всего этого можно сделать вывод, что Фуа Сазерленда - водяные духи; что они бывают мужского и женского рода; что у них перепонки на ногах, рыжие волосы, зеленый цвет одежды и гривы, нос отсутствует; что они могут вступать в брак с людьми; что свет губителен для них, а стальное оружие может их поразить; и что переправа через поток не дается им легко." {[JFC_PTOTWH], vol. II, p. 205}

Это последнее утверждение применительно к водяным духам выглядит курьезно, но некоторые из Фуа, как, например, Накилэйви [Nuckelavee], поднялись из моря и не могут пересекать пресную бегущую воду.

Разительно отличаются от этих злых и безобразных существ Гурагез Аннуун [Gwragedd Annwn] Уэльса. Из всех водяных духов, известных нам, они стоят ближе всех к классическим водяным нимфам. Они обитают в озерах; часто они выходят замуж за смертных, но мужья

почти всегда теряют их, нарушив табу. Эта сказка - основной тип, сохраняющийся в сегодняшней валлийской устной традиции. Озерные Девы были прекрасны и, как и другие водяные духи, они пели и музиковали. Они плавали по поверхности озера в маленьких лодочках и владели огромными количествами скота.

Букка, или Букка-Бу Корнуолла изначально, как представляется нам, был морским божом. Маргарет Кортни пишет: "Буккой называли духа, которого в Корнуолле некогда считалось необходимым умилостивить. Рыбаки оставляли для букки рыбу на песке, а во время страды, чтобы обеспечить себе урожай и удачу, за обедом кусочек хлеба бросался через левое плечо и на землю проливали несколько капель пива." {[MAC_CFAFL], p. 129}. Букка, видимо, с положения бога пал до чего-то вроде черта или хобгоблина, потому что Маргарет Кортни продолжает: "Букка, или букка-бу, до самых последних времен был (а кое-где, я думаю, и остается) пугалом для детей, которым, когда те плачут, говорят, что «если они не перестанут, придет букка и унесет их». Это также было именем призрака, но теперь если вы назовете человека «большим буккой», то этим просто намекнете, что считаете его дураком. Букк было двое: Букка Гвидден [Gwidden], белый или добрый дух, и Букка Ду, черный, злой" {[MAC_CFAFL], p. 79}.

Разжалование Букки до хобгоблина еще ярче проиллюстрировано в "Истории Толкарна": о покрытой сетчатым узором скале говорится, что это - рыбачья сеть, похищенная Буккой. Церковный хор прогоняет Букку из Поля, непрестанно повторяя "Верую", и тот бежит через Пол-Хилл в Толкарн, где превращает сеть в камень {[MAC_CFAFL], p. 79}.

В линкольнширском Фенланде существовало в некотором роде поклонение природе, такое же причудливое, как и в кельтских странах, но несколько другое. Жизнь там была тяжела, и люди в старину были полны страхов, как это живо обрисовал миссис Бальфур один из старых фенцев.

Не берусь вам это толком объяснить, но только у народа тут свое соображение и свои всякие порядки, и так уже годы и годы, и сотни лет, с тех пор, как еще и церквей не было, по крайности, таких церквей, как нынче - насчет того, чтобы дарить вещи богам, и тому подобное. Дед мой говорил, что прежде-то о богах думали гораздо больше, и по темноте каждую ночь народ с огнем обходил дома, чтобы их отогнать; и кровью брызгали деревянные косяки, чтобы всякие страшилища не подходили; и оставляли хлеб-соль на плоских камнях вдоль дорог, чтобы был урожай; и воду лили на углах поля, когда нужен был дождь; и насчет солнца много беспокоились, потому как думали, что это оно сотворило землю, и что от него - всякая удача и всякое везение, и кто его знает, чего еще. Не могу вам толком объяснить, во что они веровали, потому как все это было еще до моего деда, все это, а это значит, уж точно полтораста лет назад как, вот какое дело; но я так сам себе думаю, что они просто все, что видели, принимали за таких больших боглов, и всегда им что-нибудь дарили или говорили какие-нибудь вроде как молитвы, чтобы те ничего дурного им не причинили, никакого зла. {[MCB_LOTC], vol. II, pp. 259-60}.

Солнцепоклонничество здесь открыто упомянуто как часть религии фенцев, а странная сказка о "Мертвой Луне", также записанная миссис Бальфур, рассказывает о поклонении луне. "Тидди Мун" в другой сказке выглядит как дух болот-фенов, который управляет водами и туманами и поднимает из болот моровую язву. Его немало уважали, потому что он мог быть опасен, если его разозлить. Таинственно выглядит он в этом описании:

Он жил глубоко в зеленых окнах на болоте и выходил из них по вечерам, когда поднимается туман. Тогда, в сумерках, он выходил, ковыляя, похожий на старицу с длинными белыми волосами и длинной белой бородой, спутанной и косматой, и в длинной серой одежде, такой, что в сумерках его было нелегко углядеть; но его слышали - он свистел, как ветер, и смеялся, как чибис. Он был не злой, как прочие, но с характером, и бывало, что он помогал людям. В сырье времена, когда вода подступала к самому порогу, вся деревня выходила и, дрожа в темноте, призывала:

<i>Tiddy Mun wi'out a name, Tha watters thruff!</i>	{Тидди Мун ¹ без имени, Вода прорвалась!}
---	---

Так они призывали, пока не слышали крик чибиса над болотом, а тогда шли домой. На следующее утро вода спадала.

История рассказывает, что осушение Фенов так разозлило Тидди Муна, что он принялся наводить хворь на детей и на скотину, пока его не умирили очистительной жертвой и молитвами {[MCB_LOTC], pp. 150-1 (адапт.)}. В другой похожей истории, "Доля незнакомца", Тидди Муны называются Ярткинами [*Yarthkin* - "земляник"]. Вероятно, они были малыми dei loci.

Сомнительно, чтобы какие-нибудь норвежские боги, завезенные саксами и данами, сохранились в виде эльфов. Великаны Вад и Вендаль - норвежского происхождения, и если прозвище Грим может быть отнесено к Одину, то это, по всей видимости, именно он опустился до Церковного Грима; воспоминания о нем, может быть, сохранились также в образе эльфов в капюшонах, в "Старом Карле Худе - не к добру, а к худу" (*hood* - "капюшон"), и, возможно, в образе Робина Гуда [*Robin Hood*], в котором некоторые видят лесного духа, что, правда, маловероятно. Вообще Один стал скорее чертом, чем эльфом, и в этой роли он возглавляет Дикову Охоту - Тихую Свору [*Wisht Hounds*], Дьявольских Собак Данди [*Devil's Dandy Dogs*], и т.п. Но граница между чертями и эльфами в поздних поверьях трудноразличима.

Ранние кельтские боги и богини представлены среди эльфов шире. Моргана ле Фей, как повсеместно принято считать, происходит от Морриган, богини войны. Имя Айньи, королевы эльфов Тирона - форма имени Ану, ставшей Ласковой Энни в Шотландском Пограничье и Черной Эннис в Лейстершире. Королева Маэв, героиня Похищения Быка из Куйлигне, была, вероятно, героической ипостасью шекспировской королевы Маб.

Малые духи, которыми пугали детей еще совсем недавно - вероятно, творения заботливых мамаш и нянек, изобретавших их, чтобы уберечь детей от опасностей. Одно из таких созданий - Дженнинг Зеленые Зубы, которая сидела в стоячих прудах, заросших тиной. Жеребячий Пикси [*Colt Pixy*] - дух садов, охранявший яблони, и Ленивый Лоуренс, наказывавший яблочных воришек желудочными коликами, служил той же цели.

В Германии известны духи, охраняющие пшеничные поля; единственный след таких поверий, найденный мною в Британии - сказка, которую в 1959-ом году рассказала мне Дженнинг Робертсон, народная певица, происходящая из кочевников Абердиншира. Ей рассказала это ее бабушка, как произошедшее с ней самой. В возрасте пятнадцати лет бабушка миссис Робертсон, как и другие члены ее семьи, имела собственного пони. Пони ее был красивчик, она очень гордилась им и тщательно ухаживала за ним. В тот год урожай выдался скучный, и фермеры не желали расставаться со своим зерном даже за деньги. Девушка решилась, что ее пони голодать не будет, даже если ей придется воровать. Однажды ночью семья остановилась неподалеку от богатого поля, уставленного снопами, готовыми к уборке. Ночью, когда весь табор уснул, девушка выбралась и пошла в поле. Светила полная луна, и видно было, как днем. Девушка подошла к снопу, но тут что-то шевельнулось за ее спиной. Бабушка миссис Робертсон обернулась и увидела маленькую-маленькую женщину, ростом с годовалого ребенка, одетую в белый шелк, усыпанный сверкающими драгоценными камнями. Малютка, словно не замечая ее, вспрыгнула на один из снопов и стала прыгать со скирды на скирду. Девушка отпрянула. Хотя ее конь голодал, она не могла украсть зерна с того поля. Шаг за шагом она попятилась оттуда, а маленькая женщина все прыгала за ней со снопа на сноп. Так ей и пришлось вернуться с пустыми руками.

Дженнинг Робертсон уверяла, что ее бабушка ручалась за подлинность этой истории; а была она женщиной рассудительной и правдивой.

Количество подобных рассказов не сравнимо с количеством рассказов об эльфах как о призраках, и все же их нельзя было бы оставить вне поля нашего внимания.

1 Tiddy Mun на фенском наречии - "маленький человечек" (прим. перев.)

V. Воинство Мертвых

Длинная кавалькада мертвецов в различных видах едет через всю Европу, и на наших островах она тоже принимает разные обличья; Дикая Охота - одно из самых частых. В древности предводителем охоты был Водан, позже им часто становился Дьявол. Процитируем старинное описание из Англо-Саксонской Хроники 1127-го года, включенное Брэнстоном в книгу "Забытые Боги Англии":

Пусть никто не удивляется тому, что мы собираемся поведать, ибо об этом твердят по всей стране; что 6-го февраля многие люди видели и слышали отряд охотников, мчавшийся в разгаре погони. Они скакали на вороных конях и черных оленях, и псы у них были черные, с ужасными выпученными глазами. Все это видели в оленьем парке города Петербург и в лесах, простирающихся от того места до самого Стамфорда. Всю ночь монахи слышали шум и зовы охотничих рогов. Достоверные свидетели, которым случилось в ту ночь стоять на страже, заявили, что охотников в этой дикой охоте состояло два или даже три десятка, насколько они могут судить о том. {[BB_TLGOE], p. 89}.

Хронист не уточняет, кто был предводителем охоты; Но вероятнее всего, он предположил, что это был Дьявол, за которым следовали души мертвых, хотя их и было довольно немного. В нынешние времена насчет Охотника сомнений не возникает. В Западных Графствах традиция Дикой Охоты жива до сих пор. Говорят, что Охоту эту слышали в Западном Кокере, неподалеку от Тонтона, ночью Дня Всех Святых. Такой вариант сказки миссис Брэй "Старуха, отправившаяся на рынок в полночь" был записан Р.Л.Тонг в Кроукомбе в 1935 году и в Веллу в 1940 г. В истории миссис Брэй охотник был один, как и в некоторых скандинавских легендах. Сказано, что у него под охотничьей шапочкой виднелись небольшие рожки, и одна нога заканчивалась копытом. Он скакал на безголовой лошади, а у его псов были рогатые головы и пылающие глаза. От него исходил сильный запах серы. Охота гналась за душой заблудшего грешника в виде белого зайца {[KMB_RLT_TFOE], pp. 52-4; [AEB_TBOTTAT], vol. II, pp. 114-16].

В Ланкашире пролетающие над головой дикие гуси считаются Дикой Охотой и называются Семь Свистунов или Гаврииловы Трещотки [*Gabriel's Ratchets*]. Нередко к Охоте присоединяются новые погибшие души.

В окрестностях Сен-Джерменса Дикову Охоту называют Собаками Данди или Дандо и его Сворой. Как рассказывает Хант, Дандо - священник в приходе Сен-Джерменс - был подвержен всем видам необузданности и особенно обожал охоту. Однажды в воскресенье он со спутниками выехал в поле, и когда они проезжали мимо поместья, называемого Земля, к ним присоединился незнакомый охотник на прекрасном огневом коне. Погоня была жаркой, и Дандо потребовал у незнакомца флягу - все фляги своих слуг он уже опустошил.

- Ну, а если на Земле вытишки не найдешь, сгоняй за ней в ад! - велел Дандо.

Всадник поклонился и протянул ему золотой рог.

- Здесь - напиток из упомянутого тобою места, - сказал он. Дандо осушил весь рог и заявил, что никогда не пробовал ничего вкуснее.

Затем незнакомец принялся собирать себе всю дичь, как нечто, само собой разумеющееся. Захмелевший Дандо вспылил и спросил, по какому праву тот так поступает. Незнакомец просто продолжал приторачивать дичь к своему седлу. Дандо спрыгнул с коня и, пошатываясь, подошел к незнакомцу. Он схватился за дичь, но конь незнакомца дернулся, и Дандо упал. Это взбесило его.

- Не будет моя добыча твоей! - вскричал он. - Скорее я в ад отправлюсь, чем ты ее получишь!

- Да будет так, - отвечал незнакомец. Он поднял Дандо за шиворот и понес его, сопровождаемый псами, на всем скаку. Когда они подъехали к Линхеру, незнакомец прыгнул в глубочайшее озеро - собаки следом за ним - и исчез в

нем, со вспышкой огня и столбом пара. С тех пор смертные люди не видели ни Дандо, ни его собак, но иногда в воскресное утро слышали, как они проносятся мимо, гоня неведомо кого {[RH_PROTWOE], pp. 220-3}.

В других сказках более отчетливо прослеживается эльфийская линия. Дикий Эдрик и его жена-фея со своими спутниками проезжали по Валлийскому Пограничью еще в XIX веке {[CB_GJ_SFL], pp. 28-9}.

Войско короля Херлы или Харлекина в раннем средневековье состояло из мертвецов - согласно сообщению Ордерика Виталия о священнике Уолчине, который в январе 1091 г. видел в церкви св. Обина в Бонневале, гр. Анжу, выезд Харлекина - черные воины с черными знаменами на черных конях, благородные дамы, церковники и люди всех сословий, и многих из них Уолчин некогда знал лично {[OV_HNS], pp. 693-6}.

Уолтер Мэп добавляет к этому подлинно эльфийскую историю, не лишенную сходства с "Возвращением Ойсина". К Херле, королю в древней Британии, однажды явился странный человечек, ростом с карликом, который приехал верхом на козле, сам имел козы копыта и шерсть, как Пан, и объявил себя королем многих стран и народов. Он попросил разрешения встретиться с Херлой и вручить ему подарки к его свадьбе с тем, что Херла окажет ему такую же честь через год. Согласно уговору, на свадьбе Херлы появились маленькие человечки с огромным множеством подарков и провизии, и они прислуживали гостям так ловко, что слуги самого короля Херлы остались не у дел. С первыми петухами человечки исчезли, но через год король-карлик явился снова и напомнил Херле об его обещании. Король Херла, взяв с собой подарки, отправился с карликом в его страну, и три дня его и его спутников забавляли там пирами, охотой и всяческими увеселениями. Затем король Херла откланялся. Ему снова вручили множество подарков, а напоследок король эльфов подарил Херле маленькую гончую собачку. Карлик посадил собачку на луку седла Херлы и сказал, чтобы Херла не слезал с коня, пока не спрыгнет собачка. Король Херла поехал домой, но совсем не узнавал дороги. Он спросил придорожного крестьянина, что случилось, но тот почти не понял его, потому что с тех пор, как король Херла покинул мир, прошло триста лет, и саксы покорили бриттов. Услышав об этом, некоторые спутники короля спрыгнули с коней, и едва их ноги коснулись земли, как они рассыпались в пыль. Король Херла и остальные его спутники, наученные их судьбой, поехали дальше. Так они и едут до сих пор, ожидая, когда же спрыгнет с седла серая собачка {[WM_DNC], pp. 15-18}. Известны и другие такие поезды. Уже в дни Джейфри Монмаутского говорили, что король Артур и его войско путешествует по Уэльсу и Сомерсету, а эрл ФитцДжеральд объезжает гору Муллахмас.

Рассказ о похожей скачке мертвых можно найти в "Иерархии благих ангелов" Хейвуда. Он не приводит источника, а просто называет его "странной историей". Это рассказ о центурионе из Германии, который, едучи по своим делам, встретил длинную процессию людей, скачущих строем, а в самом конце поезда скакал его бывший повар, умерший несколько дней тому назад. Он ехал на прекрасном коне и вел в поводу другого, на которого пригласил сесть самого центуриона. Повар сказал, что едут они в Святую Землю, а он знает, что центурион давно уже всей душой мечтал побывать там. Теперь ему предоставилась эта возможность, и лучших спутников ему вовек не найти. Бесстрашный центурион принял приглашение и скрылся из глаз двух слуг, ехавших вместе с ним. Естественно было бы ожидать, что он вернулся лишь через много лет, когда все его современники были уже мертвы, но, вопреки обычному правилу таких прогулок, вернулся он на следующий же день, повидав за это краткое время все красоты Иерусалима и привез с собой сверхъестественные подарки: платок, который можно было очистить только огнем, и ядовитый дротик. То, что герой сказки называется центурионом - явный анахронизм. Призрачного повара Хейвуд, конечно же, объявляет чертом {[TH_HOTVA], pp. 254-5}. Отрывок приводится в "Подручных Бледной Гекаты", приложение V.

Может показаться, что у этих призраков, древних богов и чертей нет ничего общего с эльфами, однако, как я уже указывала, граница между эльфами и мертвецами – туманная и расплывчатая. Шотландская Эльфийская Скачка, описанная у Якова VI и Александра Монтгомери, во многом похожа на Поезд фрау Хульды и случается в День Всех Святых, когда беспокойны все - эльфы, ведьмы и мертвецы.

*In the hinder end of harvest, on alhallow even,
Quhen our good neighbours doth ryd, if I reid rycht,
Som buckled on a buinvand, and som one a bene,
Ay trottand in trowpes from the twylycht;
Some saidland a sho ape all graithid into greine,
With mony elrich Incubus was rydand that nycht.
Some hoblard one ane hempstalk, havand to be
heicht,
The King of pharie, and his Court, with the elph
queine.*

*Под конец урожая, в День Всех Святых,
Ехали наши добрые соседи, если я не ошибся,
Одни на ?, другие на ?,
выезжали отрядами из сумерек;
Одни оседлали обезьян?, в зеленых одеждах,
Со множеством ? инкубов ехало в ту ночь.
Иные скакали впропрыжку на конопляном
стебельке, высоко подпрыгивая,
Король эльфов, его Двор и эльфийская
королева.*

{[AM_P], p. 151} В этом описании эльфы, ведьмы и мертвецы едут вместе.

Я уже цитировала "Эльфийские селения на Селеновом Болоте" как пример тесной связи между эльфами и мертвыми в Корнуолле. Также и в Западных Графствах маленькие белые мотыльки, порхающие над травой по вечерам, называются "писги", и говорят, что это души некрещеных детей. Блуждающие Огоныки [*Will o' the Wisp, Вилл-из-Соломы*] под разными именами - спанки, пинкеты, Джэки-Лампадка [*Jacky Lantern*], Джоан-из-Ваты [*Joan o' the Wad*] и многими другими - это души некрещеных детей; но Вилл-из-Соломы часто также ростовщик, спрятавший золото, или человек, передвигавший межевые камни соседей, а в некоторых сказках - человек, который оказался слишком умным для Дьявола, и не может войти ни в Рай, ни в Ад {[GLK_FL], pp. 415-41}. Как мы видели, брауны и другие домашние духи тоже часто рассматриваются как призраки.

Связь между общественными эльфами и мертвецами в Ирландии так же сильна, как и везде, что иллюстрируют многие сказки леди Уайльд. Особенно поразительна сказка "Кэтлин", которую я вкратце перескажу здесь, хотя в оригинале она просто прекрасна.

Кэтлин звали молодую девушку с Иннис-Сарк, и она горько оплакивала смерть своего возлюбленного. Однажды вечером, когда она сидела у обочины дороги, к ней подошла прекрасная леди, дала ей венок из трав и сказала, что, взглянув через него, она увидит своего любимого. Кэтлин посмотрела - и увидела его, очень бледного, но в золотой короне, танцующего в благородном обществе. Леди дала ей венок побольше и сказала, что Кэтлин может навещать своего любимого каждую ночь, если сожжет один листик из этого венка, но она не должна ни молиться, ни креститься, пока поднимается дым, иначе любимый ее исчезнет навсегда. После этого Кэтлин позабыла все, кроме своих путешествий в Волшебную Страну. Каждую ночь она запиралась в своей комнате, сжигала листик, и пока он тлел, лежала в трансе и танцевала на ярких зеленых холмах со своим возлюбленным. Через какое-то время мать Кэтлин забеспокоилась, потому что Кэтлин перестала ходить в церковь и на исповедь и сильно изменилась. Однажды ночью мать проклялась и, подглядев в щельку двери, увидела, как Кэтлин сжигает листок и в трансе падает на кровать. Тогда мать опустилась на колени и громко помолилась Богоматери о спасении души своей дочери. После этого она взломала дверь и перекрестила Кэтлин. От этого Кэтлин проснулась и закричала:

- Мама! Мама! Мертвецы гонятся за мной! Они уже здесь! - и забилась, словно в припадке.

Пришел священник, помолился над ней и проклял венок, рассыпавшийся при этом в прах. Тогда Кэтлин затихла; но сил у нее уже не было, и к полуночи она умерла {[FSW_ALOI], vol. I, pp. 143-5}.

Это одна из множества народных сказок, показывающих, как опасно долго тосковать по мертвым.

Таким образом, мы видим, что такие поезды бывают разного рода. Это может быть настоящее Войско Мертвых, Гаврииловы Трещотки, Тихая Свора, некрещеные дети - зачастую следующие за своим богоподобным предводителем, который со временем превращается в дьявола. Это могут быть эвгемеризированные боги, которых считают падшими охотниками, осужденными вечно гнать своих псов, как Дандо или сквайр-грешник из одной исто-

рии Р. Л. Тонг; и наконец, существует Эльфийская Скачка, часто открыто связываемая с мертвыми, иногда более светлая – как скачка нитсдэйлских эльфов в сказке Кромека или поезд доброй королевы эльфов из баллады "Элисон Гросс":

<i>But as it fell on last Hallow-even, When the seely court was riding by, The queen lighted down on a gowany bank, Near frae the tree where I wont to lye.</i>	<i>Но когда настал прошлый Хэллоуин, Мимо проезжал Честной Двор, Королева сошла с ? коня Неподалеку от дерева, где я лежал.</i>
---	---

<i>She took me up in her milk-white hand, An she's stroakd me three times oer her knee; She chang'd me again to my ain proper shape, An nae mair I toddle about the tree.</i>	<i>Она взяла меня снежно-белой рукой И три раза ударила о свое колено; Она вернула мне мое обличье, И большие я не ползат по дереву.</i>
---	--

{[FJC_TEASPB], vol. I, p. 315}

Трудно определить, когда эльфы вошли в эту традицию; как потомки ли богов, или же в этом контексте они открыто представляют собой мертвых; является ли более положительное их изображение поздним приукрашиванием или основывается на древней и почти забытой памяти. В этом случае, как и в большинстве других, в народной традиции не следует искаать логичности и согласованности, потому что не один голос передает ее, но множество голосов.

VI. Хобгоблины и бесенята

Как я уже говорила, пуритане XVII в. нисколько не сомневались в том, что хобгоблины и брауны, как и призраки и черные собаки, являются бесами из Преисподней. Некоторые среди них - как, например, Бакстер - разрабатывали гипотезу о существовании "духовных животных", существ отличного от человека порядка, но необязательно дьяволических; в целом же пуритане считали эльфов чертями. Старая народная вера в привидения вскоре вернулась и размыла все теологические умопостроения пуритан, но чертовщинка в хобгоблинах осталась, потому что они принадлежали к злым и страшным существам в традиции, которая старше, чем само христианство - традиции, отражавшей реакцию первобытного человека на непостижимые ужасы, окружавшие его.

Сюрреалистические демоны, которых рисовали Босх и Брейгель и которых, хоть и не столь ярко, изображали в жутковатых иллюстрациях к трудам о ведовстве и колдовстве, имеют свои прототипы в народной традиции. На фламандской картине XVI в. из музея Бильбоа, воспроизведенной в "Мире ведьм" Барохи, изображен самый что ни на есть хобгоблин-чертенок в круглой шапочке и туфлях с длинными носками, с кисточкой на хвосте и метелкой в руке, но там имеется и сюрреалистическая деталь: вместо ладоней у него босые пятки. В "Tableau de l'Inconstance" де Ланкра (1612) изображены черти с крыльями бабочек, предшественники крылатых эльфиков XVIII века. Фуа Наккилэйви [*Nuckilavee*] Нижней Шотландии вовсе не был бы неуместен на картине Босха - существо, о котором не стоит рассказывать перед сном чувствительному ребенку:

Наккилэйви - чудовище воплощенного злодейства, никогда по своей воле не перестававшее творить зло людям. Это плотский дух. Обитает он в море; неизвестно, как он передвигается в своей стихии, на суше он скачет на коне, таком же страшном, как и он сам, и иные считают, что конь и всадник - одно целое, и что таково обличье чудовища. Голова у Наккилэйви, как человеческая, только в десять раз больше, рот выдается, как свиное рыло, и ужасно широк. На теле его не растет ни волоска по той простой причине, что у него нет кожи.

Когда урожай побьет ветром с моря или мучнистой росой, когда скотина падает с высоких прибрежных утесов, когда среди людей или скота свирепствует зараза, виной всему - Наккилэйви. Дыхание его ядовито, для растений оно, как гниль, а для животных - как мор. Его винят также в долгой засухе; по какой-то причине он терпеть не может пресной воды и никогда не выходит на землю во время дождя. {[GD_SHALT], pp. 160-3; по W.Traill Dennison в The Scottish Antiquary}.

Описание, составленное по рассказу старика, встречавшего это чудовище, ужасает еще больше:

Нижняя часть этого жуткого чудища, как разглядел Тэмми, походила на большую лошадь с ластами на ногах, вроде плавников, и пастью, огромной, как у кита, из которой дыхание вырывалось с паром, как из кипящего котла. На спине лошади сидел - или, вернее, казалось, вырастал из нее - огромный человек без ног, с руками, достававшими почти до земли. Голова у него была большая, как симмон (бухта грубой соломенной веревки, обычно около метра в диаметре), и эта огромная голова перекатывалась с одного плеча на другое, словно собиралась отвалиться. Но что показалось Тэмми ужаснее всего, так это то, что у чудища не было кожи; вся поверхность голого тела его была красным сырьим мясом, и Тэмми видел, как черная, точно смоль, кровь, текла по желтым венам, и как сжимались и разжимались огромные мышцы, толстые, как коновязи.

Это, вероятно, самый страшный из демонических обитателей наших островов, хотя есть и другие, не намного от него отстающие. Есть, например, умертвие [*barrow-wight*], описанное Р. Л. Тонг в "Сомерсетском фольклоре" (ч. I, гл. I, стр. 13): "*Сгорбленная тень, похожая на скалу, вся заросшая спутанными волосами, с белыми плоскими глазами*", или оттал-

кивающего вида дух-хранитель Кровавые Кости (стр. 123). "Этот в высшей степени неприятный хобгоблин, как нас заверяли в детстве, живет в темном чулане, обычно под лестницей. Если у кого-нибудь хватало храбрости подглядеть в щелку, он видел жуткую горбатую тень, по лицу которой стекала кровь; он сидел на куче обглоданных косточек тех детей, которые лгали или сквернословили. А если подглядывать за ним, он наверняка поймет и тебя."

В деревне обитали и другие духи-вампиры или нечто в этом роде. В Нижней Шотландии в пиль-башнях, где творились темные дела, жили Красные Шапки, подновлявшие краску своих шапок кровью путешественников, укрывшихся в башне {[WH_FLOTNC]}, р. 253}, Баван Ши [Baobhan Sith], являвшаяся, как прекрасная женщина, и выпивавшая кровь у мужчин, пошедших с ней {[DAM_SFLAFL]}, pp. 236-7}, и многие из народа водяных. Русалка лэйрда Лорнти имела такой же кровожадный характер.

Минуя озеро где-то в трех милях от своего Лорнти в Ангусе, лэйрд услышал в воде плеск, шум борьбы и женский голос, зовущий на помощь. Он прыгнул было в воду, чтобы спасти женщину, но слуга остановил его:

- Стой, Лорнти! - воскликнул он, - Погоди! Дама, зовущая на помощь - ведь это не что иное, как Господь помилуй нас, русалка!

Лэйрд поверил слуге и отвернулся от озера, на что русалка, поднявшись из воды, крикнула ему вслед:

Lorntie,
Were it na your man,
I had gat your heart's bluid
Skirl in my pan!

Лорнти, Лорнти,
Когда б не твой слуга,
Кровь твоего сердца
Кипела бы в моей кастрюле!

{[RC_TPROS]}, p. 332}

Келпи Верхней Шотландии и кровожаден, и охоч до человеческой жизни. Истинное его обличье конское, но он может и притворяться человеком. Широко известна история о семи девочках, которые в воскресенье пошли гулять и увидели хорошенюкую лошадку, что паслась на берегу озера. Одна за другой они усаживались ей на спину, а спина удлинялась так, что всем им хватало места. С ними был также маленький мальчик, который заметил это и отказался садиться вместе с ними. Тогда конь повернул голову и вдруг взревел: "Быстро лезь ко мне на спину, маленький паршивец!" Мальчик бросился бежать со всех ног и спрятался между камнями, где конь не мог его достать. Тогда конь развернулся и бросился в озеро с семью девочками на спине. На берег волны вынесли лишь их платьица. Эту сказку рассказывают про Глен-Кельтни возле Скихаллиона, но разные вариации ее известны на берегах многих лохов Верхней Шотландии.

В другой сказке келпи принял обличье молодого красавца, но когда девушка, которую он обхаживал, признала его по раковинам и водорослям в волосах, он превратился в коня, чтобы догнать ее, и убил и съел бы ее, если бы за девушку не заступился волшебный бык {[JFC_PTOTWH]}, vol. IV, pp. 304-6}. Похожую историю рассказывают о Глаштине с острова Мэн.

Шелликот [Shellycoat, "раковинный плащ"] - водяной дух, как правило, не такой опасный, как келпи. В Лейте, рассказывают, Шелликот однажды до смерти заиграл в мяч невезучего путника, но в целом они более проказливы, чем вредны - навроде баргеста и брэга Северных Графств Англии. Скотт пишет о шелликоте: *"Шелликот, дух, обитающий в воде и давший свое имя множеству скал и утесов вдоль шотландского побережья, также принадлежит к разряду боглов"* {[WC_MOTS}, vol. I, p. 150}.

В сноске Скотт рассказывает про шелликота обычную сказку о букозвере:

Два человека, очень темной ночью выйдя к берегам Эттрика, услышали из воды горестный голос, повторявший "Пропал! Пропал!" Они побежали на голос, который приняли за голос утопающего, и к своему бесконечному удивлению обнаружили, что голос поднимается по реке. Однако всю долгую и бурную ночь они продолжали следовать зову зловредного духа, и лишь выйдя на рассвете к самым истокам реки, услышали, что голос теперь слышится с другой стороны горы, на которую они поднялись. Усталые и разозленные

путники, наконец, отказались от погони; и в то же мгновение услышали, как шелликот бьет в ладоши и громко смеется, довольный своей проделкой.

Шелликот получил свое имя от бренчащих раковин, в которые он одет. Схожий с ним дух, опутанный водорослями, зовется Путаник [*Tangie*].

Среди линкольнширских духов есть немало мрачных фигур. Один из самых злонравных персонажей в "Легендах Каров" - настоящий черт, из-за которого наスマрку идет все - Яллери Бурый [*Yalleri Brown*, "желто-бурый"]. По описанию он выглядит вполне безобидно, если не привлекательно:

Ростом он был не более годовалого барчука, но с волосней длинноющей, весь в космах и с бородой - борода обмотана кругом него так, что и турова не видно; а волоса желтые такие и блестят шелком, как у ребеночка; а лицо старое, как будто сто лет назад уже был с морщинами. Одни морщины, и только два черных глазища посередине и желтые волоса вокруг сверкают; а кожа цвета свежей весенней борозды - бурый-бурый, какой только бывает, а пятки и ладони у него того же цвета, что и лицо. {[MCB_LOTC], p. 266. Также [JJ_EFT], p. 27}.

Из этого описания видно, что карлик этот - ярткин-земляник; но, кто бы он ни был, он был такой злой, что даже его подарки несли на себе проклятие. Герой сказки вытащил его из-под большого камня, где тот горько плакал и причитал. Тот заговорил с ним сказки учтиво и предложил ему подарок на выбор: деньги, красавицу-жену или помочь в работе. Крестьянин выбрал помочь, но помощник из Яллери оказался такой из рук вон плохой, что крестьянин постарался отделаться от нее; и невезение с тех пор преследовало его до конца его дней.

Тема этой сказки - та же, что и в "Волшебном спутнике", сказке с валлийских болот, которую Р. Л. Тонг слышала в 1920-х гг. Она - о молодом человеке, который сильно влюбился, и которому не хватило терпения обождать и потрудиться ради своей возлюбленной; он попытался раздобыть себе волшебного помощника. Способ, к которому он прибегнул, весьма похож на описанный в манускрипте по магии XVII в.: он выставил для эльфа чистую воду, а потом приготовил ему трапезу из хлеба и сыра. Но в приготовлениях молодой человек сделал различные ошибки, и поэтому, хотя он и заполучил себе фею, и та пообещала ему выполнить его желания, сделала она это таким образом, что сердце молодого человека разбилось. Он заполучил себе жену и богатство, но вместо своей возлюбленной оказался женат на сварливой богатой старухе, а возлюбленная его умерла во время эпидемии, в которой сам он не пострадал благодаря великой силе, хранившей его. Фея всегда была рядом с ним, искушала его и не давала ему покоя; пока наконец он не помер от разрыва сердца. И когда он лежал на одре, холодный властный голос заявил права на его душу {[RLT_TFOE], pp. 35-6}. Между этой феей и чертом, очевидно, различие небольшое.

Народная традиция Верхней Шотландии считает, что существует два вида эльфов, добрые и злые, и то же поверье, конечно же, внесло свою лепту в создание сложных французских рассказов о феях, а равно и в истории, происходящие от этих; добрые и злые феи там - обычный механизм сюжета. В этом, как и в других аспектах этого типа сказок - связь с первородной традицией, как бы ее ни искажали причуды фантазии.

Призрачная черная собака, которую можно встретить во многих частях Англии, считается столь же опасной, сколь и зловещей, хотя некоторые черные собаки дружелюбны и охотно помогают человеку. Даже знаменитый Черный Пес замка Пил, прикосновение к которому означало смерть, как известно, по-дружески предупреждал о крушениях на море. Однажды он задержал шкипера рыбакского судна и не дал ему выйти в море, и так тот шкипер избежал крушения во внезапно налетевшем штурме {[WWG_AMS], pp. 242}. По всей Англии есть множество улиц Черного Пса [*Black Dog Lane*]. Как правило, Черный Пес изображается ростом с теленка, лохматым, с горящими огненными глазами. Зовут его Кэйплтвэйт [*Capelthwaite*], Пэдфут или, на Севере, Лохматый. Обычно прикасаться к нему, тем более бить его, чревато смертью. Кричхильский Быкодав [*Creech Hill Bullbeggar*], вероятно, тоже черный пес, но если и так, то он ходит на задних лапах. Его описывают, как нечто высокое и черное, издающее странные взвизги и взрывы хохота. Один человек из Брутона сра-

жался с ним всю ночь ореховым прутом; с петушиным криком чудовище исчезло. Считают, что человека спас от гибели ореховый прут {[RLT_TFOE], р. 122}. Тщательное исследование сущности и распространения поверий о черной собаке сделал Тео Браун и опубликовал в 59-ом томе "Фольклора".

Другие хобгоблины больше пугают и проказничают, чем представляют реальную опасность. В Западных Графствах хобгоблины заводят путников, что случается, впрочем, и в других местах. Блэйкборо приводит пример из Северного Райдинга, Йоркшир. Там блуждающий огонек принял облик хорошенькой девушки с лампой, а портной, которого она завела, вполне заслуживал того, чтобы над ним посмеялись, потому что хвастал, что если пойдет фею, то засадит ее в бутылку {[RB_WCFACOTNROY], р. 138}. Хедли Кау однажды принял облик двух девушек и завел двоих молодых людей в болото. Причина тут скорее в проказливости, чем в злодействе. В Овер-Стоуи обитает, говорят, Висельник Гэлли-Беггар [*Galley-Beggar*], обладающий весьма шумным чувством юмора. В темные ночи он забавляется тем, что катается из Овер-Стоуи в Незер-Стоуи, сидя на плетне и держа голову под мышкой. Проносясь мимо, он визжит от хохота {[RLT_TFOE], pp. 122-3}. Другие существа - Хедли Кау, Пиктри Брэг и Бугген [*Buggane*] с острова Мэн дразнят людей, притворяясь, подобно Паку, золотым горшком, серебряным прутом, слитком свинца и т.п., ни для чего иного, кроме как для собственной забавы. Иногда они показываются безголовым медведем или огненным шаром. В сущности, эти шкодливые хобгоблины практикуют все метаморфизы, в старинных памфлетах приписываемые черту и бесам.

VII. Великаны, ведьмы и чудовища

Великаны наших островов, как бы гротескно они ни выглядели, обычно менее грозны, чем груаги и уриски. Для начала, они зачастую в высшей степени глупы. Подвиги Джека Победителя Великанов всегда были победой ума над силой. Часто, как Валлийский Великан из этой же сказки, великаны были не менее глупы, чем трусливы. Великан Горм, создатель Мэзской банки, выдающийся тому пример. Однажды он прогуливался по Англии со здоровенным комом земли на лопате. Размером этот ком был с небольшую гору, и великан вырыл его бог весть где, а теперь размышлял, куда бы его деть. Слоняясь с задранной головой, он вышел к краю Котсвoldса, споткнулся и выронил содержимое своей лопаты прямо в Эйвон, где оно и стало Мэзской банкой. Тогда же он копнул своей лопатой так глубоко, что вырыл Вансдейк. Винсент, лорд Эйвона, услышал весь этот грохот и гром, вскочил на своего боевого коня и ринулся прямо на великана. Увидев его, великан пришел в ужас и бросился бежать. Пробежать ему довелось не больше трех шагов, прежде чем он запнулся и рухнул прямо в Бристольский канал. Выбраться оттуда ему не хватило ума, и он утонул, а из его костей образовались Крутая и Плоская отмели *[Holme]* {[RLT_SF], pp. 126-7}.

Столь же простодушен был великан, который поссорился с мэром Шрюсбери и нес на лопате землю, чтобы бросить ее в Северн и затопить город. Путь оказался длиннее, чем он думал, и по пути великан встретил бродячего сапожника, что нес на спине большую связку сапог на починку.

- Далеко ли до Шрюсбери? - спросил великан.

Сапожник увидел, что великан замыслил недоброе, и с быстротой молнии ответил:

- Шрюсбери, сэр? Так я сам оттуда. Дорога неблизкая: вот, посмотрите только, сколько башмаков я сносил по пути!

- Ах, чтоб его! - воскликнул великан. - По такой-то жаре – не пойду дальше!

С этим он высыпал содержимое своей лопаты и образовался Врекин; затем он обтер лопатой свои грязные сапоги, и так получился Венлок-Эдж, а потом он пошел восвояси домой {[CB_GJ_SFL], pp. 2-3}.

Очевидно, что эти великаны никогда не были объектами веры, а лишь юмористическими вымыщленными персонажами. Дружелюбные великаны обычно бывают именно такого рода. Великаны, дружественные к человеку (мотив 531.5.1.), встречаются время от времени в ирландских и норвежских сказках, а также в Тироле, но наиболее часты они в Англии. Прекрасным примером является "Великан с Грэббиста" из Сомерсета.

Жил да был в Эксмуре добрый великан. Он был большой, как гора, но никому не причинял вреда, и люди очень даже гордились им. Он был заядлый рыбак, и часто переходил вброд Севернский канал, выходил за остров Ланди и черпал полные пригоршни рыбы руками, а рыбачьи лодки из Порлок-Вейра, Майнхеда и Портисхеда шли за ним и подбирали то, что было ему не нужно. Это был добрый малый, потому что однажды, когда старая лодка Элайджи Кроукомба "Доркас Джейн" чуть не потонла в бурю, он аккуратно поднял ее и опустил в гавани Уотчет-Харбор - лодку, экипаж и все. Возвращаясь с рыбалки, он любил присаживаться на горе Грэббист-Хилл и мыть свои сапоги в Канале, не без труда стараясь одну ногу держать с одной стороны замка Дунстерь, а другую - с другой, чтобы не залить Рыночный луг. В легендах сохранились также различные соревнования великана с дьяволом, в ходе которых были сооружены Таррская Лестница и разбросаны несколько больших стоячих камней, но в конце концов великан победил {[RLT_TFOE], pp. 69-73}.

Сказка эта выдержана во многом в том же стиле, что и корнуольские дроллы; это длинный, без особого сюжета рассказ, какими люди забавляли друг друга зимними ночами вокруг очага или на постоянных дворах. "Великан Том и лудильщик Джек" - типичный образец такого рассказа. Великан Том чем-то похож на Тома Хикатрифта, но великан Мушкетон, которого тот убивает - персонаж более сомнительный, хотя однажды и проявляет вели-

кодушие {[RH_PROTWOE]}, pp. 55-72}. Многие великаны Корнуолла были огры и людоеды, но Холиберн из Каирна был благородным существом и умер от горя, потеряв друга, которого случайно убил, дружески щелкнув по лбу {[RH_PROTWOE]}, p. 52}. Холиберн воевал с великанами Трекоббена за своих соседей-людей. В "Хронике" Вильяма Мальмсбериjsкого есть рассказы о корнуольских великанах и об Ордольфе из Тавистока.

Сказки о великанах, разбрасывающих камни, рассеяны по всей стране везде, где такого рода объекты природы требуют объяснения. В Шетландии жили два великаны, звали которых Герман и Сакс *[Saxe]*, и которые, ссорясь, бросались камнями друг в друга. Великан Сакс приводил к себе повитуху, как это делали эльфы {[JS_SFL]}, pp. 152-4}. Фовр *[Foawr]* с острова Мэн, гротескное и юмористическое создание, имеющее жену себе под стать, не может переходить бегущую воду, как многие из эльфов. Примечательно, что не предпринимается никаких попыток перенести этих существ в прошлое, что соответствовало бы их землеустроительным занятиям. Они бродят по стране, которая уже населена мэрами, сапожниками, лудильщиками, рыночными торговцами, строителями церквей и рыбаками. Некогда, вероятно, было замечено, что для строительства насыпных курганов и установки гигантских стоячих камней требуются люди большего роста и большей силы, чем рождаются теперь; это может быть единственной подоплекой действительной веры в эти сказки.

С великанами-ограми и людоедами положение могло быть несколько иным. Каннибализм почти определенно был известен на наших островах, как и в большинстве других частей света. Шайка каннибалов, как считается, обитала на Лоузе близ Данти еще в XV в. История о "Великанах из Стоуи" может рассказывать о банде разбойников {[RLT_TFOE]}, pp. 128-9}. Оставалось лишь изменить силу и рост этих людоедов, чтобы превратить их в великанов, а традиция всегда готова гиперболизировать то, что для нее важно.

Древние боги и герои часто становились великими. Валлийский Бран был таким огромным, что ни один корабль не мог поднять его, и ему пришлось идти в Ирландию вброд. В ярости он делался ужасен и был почти так же опасен, как Балор Дурного Глаза, тоже принадлежавший к этому роду {[_Mab]}, pp. 33-4, и [FSW_ALOI], vol. I, pp. 40-1}. Ему же родней приходятся чудовищные одногоногие и одноглазые великаны со множеством голов и невероятнымиискажениями пропорций. Среди них есть великаны-волшебники, подобные тому, что описан в "Нихт-Нохт-Ничего", хранящие свою жизнь в потайном месте, и обладатели магических сокровищ. Даже у буколического великана из "Джека и бобового зернышка" они есть, созданные ли им самим или украшенные у его жертв - неясно, хотя морализированное лубочное издание утверждает, что сокровища были украдены.

Качества великанов прослеживаются даже у героев Артурианского цикла. Древняя поэма о Ланселоте особо останавливается на искажении внешности Ланселота, когда тот приходил в ярость {[LANC]}, p. 75}. Артур и Гвиневера, как сказано в другом месте, сидели на двух больших скалах в Сьюинг-Шилдс, и Гвиневера сказала что-то, обидевшее ее мужа настолько, что он бросил в нее камень, который она поймала своим гребнем. Камень можно увидеть и сейчас, и он весит несколько тонн {[CH_EFH]}, p. 67}. Это, возможно, не добавление, но скорее указание на группу поверий, из которых произрастает легенда. Гвиневеру в Уэльсе называют "дочерью Великана", и даже у Мэлори вокруг нее сохраняются следы истории о Мидире и Этайн. Ирландский Финн, герой Фианны Финна, в поздней традиции стал Финном МакКулом, великанином, которому жена помогла одолеть шотландского великана, построившего Лестницу Великанов {[PC_LFOTIC]}, pp. 179-81. См. также [SM_MFT], pp. 45-9, где шотландский великан становится буггеном}. Могила Макбета возле Дунсинана имеет много ярдов в длину, а Макбет был современником Вильгельма Завоевателя. В сущности, в народной традиции персонажи выглядят, как на Байеском Гобелене - важные персонажи изображены большими, а второстепенные - маленькими. Часто монстrozными чертами наделены герои, которые, как иногда представляется, превратились в героев из богов, а из героев - в великанов. В ученой и глубокой статье, опубликованной в 69-ом томе "Фольклора", доктор Эллис Дэвидсон исследует связь между Вадом и Веландом *[Wade and Weland]* и поверья, которые можно вывести из различных фрагментов этой истории. Она прекрасно иллюстрирует связи между эльфами, великими и мертвецами. В этой статье Э. Дэвидсон, в частности, пишет:

За фигурай Кузнеца Веланда здесь проглядывает раса супернатуральных существ, осмыслиемых в целом как великаны (но называемых также гномами и эльфами), которые бывают обоих полов, живут семьями, искусно мастерят оружие и строят из камня, и в чьи жилища можно попасть, спустившись под землю или под воду. Вад и Веланд ассоциируются с определенными местами в Англии, а возможно, также и Грендель. Местная традиция великанов, живущих в курганах, пещерах или каменных могильниках, представляет огромный интерес, и Зеленого Рыцаря Сира Гавейна, вероятно, можно добавить в этот список. {[ED_WTS], pp. 145-59}

Изображения на холмах, такие, как в Керн-Аббасе, или как Длинный Человек из Уилмингтона, независимо от их природы, как правило, собирали вокруг себя некие туманные истории о великанах. Так, Керн-Аббасская фигура считается силуэтом великана, убитого местными жителями, пока он, развалившись, спал, наевшись их скота {[JSU_DFL], pp. 154-8}.

Старухи-великанши скандинавских легенд смешались на наших островах с традицией ведьм. Мать Гренделя была, несомненно, одной из них, и такие же чудовищные старухи встречаются в легендах цикла Финна. Ульстерская Калли Берри принадлежит к тому же роду; ее имя - перевод имени Синей ведьмы Верхней Шотландии. Еще одна из них - Мэнская ведьма. Она летела по воздуху в Большой Комин [*Great Comyn*] из Баденоха через Гленфернэйт, неся в переднике огромную скалу на постройку замка, когда случившийся внизу набожный лесник воскликнул "Господь сохрани нас!" отчего завязки ее передника порвались, и камень рухнул на землю недалеко от Киркмайкла. Ведьма не смогла найти других таких же крепких завязок, и ей пришлось покончить со строительством замков {[KMB_TPOF], p. 175}. Такая переноска камней весьма похожа на занятия великанов. Корнуольская Мэджи Фиджи - возможно, тоже великанша, и то же можно сказать о Фреддэмской ведьме {[RH_PROTWOE], pp. 326-7}; четкую же границу между обычными ведьмами и великаншами провести трудно. Возможно, ведьма, которая превратила заносчивого короля и его свиту в Правокатные Камни [*Rollright Stones*], а сама обернулась бузинным деревом, была сверхъестественной великаншей, а не простой ведьмой.

В британской традиции фигурирует множество змееев и драконов. Как правило, они появляются откуда ни возьмись и терроризируют окрестность, пока их не уничтожают каким-нибудь образом, как, например, Гурт-Бурм из Шервиджского леса в Сомерсете. Он появился в Шервиджском Лесу в одно прекрасное лето, длинный и толстый, как три больших дуба вместе. Он пожирал овец и пони, а если ему попадались пастухи или цыгане, то проглатывал и их. Весьма скоро леса опустели, и коренья созрели, но некому было собирать их. Одна женщина жила сбором этих кореньев, но не решалась пойти в лес. И однажды, когда мимо проходил незнакомец - лесоруб из Стогамбера, она намекнула ему, что в Шервиджском лесу можно нарезать много замечательного сухостоя. Женщина дала ему немного сидра, хлеба и сыра, но о большом змее ничего не сказала. Подъем в лес был крут, и прежде чем приняться за работу, лесоруб присел на здоровенное бревно и хорошенко отхлебнул сидра. Тут бревно заворочалось под ним. "Лежи тихо!" - прикрикнул лесоруб и рубанул по бревну топором с такой силой, что топор вошел, как в масло, и из-под него ручьем хлынула кровь. То был Шервиджский змей, и один конец его пополз в Биллбрук, а другой в Кингстон-Сент-Мэри; и оттого, что они поползли в разные стороны, они так никогда и не встретились, и пришел змей конец {[RLT_SF], pp. 130-1}.

Но это был мелкий и захудалый дракон по сравнению со Змеем с Вормингтон-Хилла или Лэмбтонским змеем, который трижды оборачивался вокруг основания холма. Хорошо известная история о Лэмбтонском змее рассказывает и о его появлении, и о гибели дракона. Подобно чудовищу, которому была обещана в жертву Андромеда, Лэмбтонский змей был послан в наказание за греховную дерзость. Молодой лорд Лэмбтон был юноша своеобразный, и однажды в воскресное утро, когда все шли в церковь, он остался сидеть и рыбачить на реке, на виду у всех верующих. Когда колокол утих и дверь церкви затворилась, у лорда клюнуло. Мимо проходил незнакомец, и лорд попросил его подойти и взглянуть.

- Что-то вроде тритона, - сказал юноша, - и в голове у него семь впадин, как у миноги. Что это?

- Никогда не видел ничего похожего, - ответил прохожий. - Боюсь, не к добру это.

Беспечный рыбак снял свою добычу с крючка и, расстроившись, бросил ее в колодец замка. Долгое время он не вспоминал о ней; а годы шли, и существо росло. Лорд образумился и отправился в Святую Землю. Пока его не было, существу стало тесно в колодце, оно выбралось из него и стало разорять округу. Со временем оно стало таким огромным, что трижды опоясывало Лэмбтонскую гору, и каждую ночь его приходилось поить молоком семи коров, чтобы оно оставалось смирным. Многие пытались уничтожить змея, но дыхание у него было ядовитое, спина толстокожая, а если его разрубали на куски, то куски срастались снова.

Наконец, лорд вернулся и, воспользовавшись советом мудрого человека, уничтожил чудовище, надев доспех с шипами: чудовище само ранило себя, стискивая лорда в своих кольцах. Лорд же сражался со змеем, стоя в быстрых водах Уира, которые уносили отрубленные куски дракона один за другим, и те не могли воссоединиться. Но за свою победу лорд должен был отплатить убийством первого живого существа, которое ему встретится. Этого условия он не выполнил, и с тех пор ни один из владельцев Лэмбтона не умирал в своей постели {[WH_FLOTNC], pp. 287-91}.

Это довольно современная история, но в ней есть древние элементы. Мотив человеческого жертвоприношения, в котором животное выступает недостаточным субSTITУТОМ, принадлежит к глубокой архаике, которая выглядела архаичной уже в истории о дочери Иеффая; дракон, который опоясывает гору и срастается, будучи разрубленным, также принадлежит к древней традиции. Здесь нашего слуха достигают голоса первобытного.

Крылатый и огнедышащий дракон святого Георгия в целом гораздо менее распространен в Англии, чем могучий змей, и то же можно сказать о драконе, охраняющем сокровища, наподобие германского Фафнира. В Сомерсете бытуют рассказы о драконе, охранявшем серебряный клад, но в целом с кладами больше связаны черные собаки, привидения и великаны.

Кельтское воображение произвело на свет несколько драконоподобных чудовищ, напоминающих орку и морских чудищ, что скалились на Беовульфа в его подводном путешествии. Валлийский афанк - нечто вроде гигантского крокодила; он обитает в самых глубоких омутах. В Верхней Шотландии гигантская птица бубри выходит из воды и пожирает овец и коров. У нее громкий хриплый голос и перепончатые лапы {[JFC_PTOTWH], vol. IV, pp. 308}. Валлийский Ламхигин-и-Дур [*Llamhigyn y Dwr*], "водяной прыгун" - чудовищная лягушка с крыльями и хвостом вместо ног. Он заглатывает у рыбаков приманку и ломает удочку, но он так велик, что может утащить в воду овцу и сожрать ее. Попавшись на крючок, он издает такой леденящий кровь вопль, что рыбак рискует свалиться в воду и сгинуть в пучине {[JR_CF], vol. I, p. 79}. Почти все существа такого рода связаны с водой и выходят, как чудовище Андромеды, из моря, реки, озера или болота. Только сухокожие огнедышащие драконы, охраняющие сокровища и живущие в недрах гор, более связаны с огнем, чем с водой.

Существуют и драконы другой разновидности, наиболее часто встречающиеся в наших традиционных балладах, которые в действительности не злы, но являются жертвой колдовства, как оборотни в средневековых романах и ирландских народных сказках. Одним из них было Чудо-юдо из Спинделстон-Хью [Laidly Worm of Spindleston Heugh].

*Her breath grew strang, her hair grew lang,
And twisted thrice about the tree.*

Дыхание ее пресеклось, волосы вытянулись
И трижды обвились вокруг дерева.

{[FJC_TEASPB], vol. I, p. 309}

Ужасное обличье дала ей злая мачеха, а истинный облик вернул ей брат, трижды поцеловав ее. Это тот же мотив, что и в "Балладе о короле Генрихе" и в фрагментарной "Женитьбе сира Гавейна". В сказке об Элисон Гросс герой превращается в змея, обвивающегося вокруг дерева, за то, что ответил отказом на приставания ведьмы {[FJC_TEASPB], pp. 314-}

15}. Здесь, представляется нам, присутствует традиция средневековая, поздняя и романтическая, сравнительно с другими, более прозаическими чудовищами.

В небольшой брошюре "Фи-Фай-Фо-Фам" Г. Дж. Мэссингхем предполагает, что и великаны, и драконы некогда были положительными, добрыми персонажами, каким до сих пор является дракон в Китае; что они происходят из кроткого ума человека неолита, и лишь воинственные кельты обратили их к злодейству {[HJM_FFFF], pp. 90-123}. На эту, как и на прочие темы, Мэссингхем пишет энергично и внушительно; но истина остается по-прежнему открытой для догадок.

VIII. Волшебные животные

Очевидно, что существует две разновидности волшебных животных: животные, волшебные сами по себе, наделенные особыми силами и ведущие независимый образ жизни - по сути дела, эльфы в животном обличье; и домашние животные эльфов, отличающиеся от человеческого скота, часто во многом его превосходящие, но принадлежащие эльфам.

Тюлений народ - ярчайший пример первой разновидности: особая раса, имеющая своих собственных правителей, не подвластная никому; возможно, дружная с другими морскими народами, но не являющаяся их собственностью. Такое существо, как келпи, чей истинный облик - конский, обладает своими собственными силами и не представляется ничьим слугой, хотя келпи можно на время поработить волшебной уздечкой. Грэхэму из Морфи удалось набросить на келпи такую уздечку и заставить его трудиться на постройке его замка. Когда замок достроили, и келпи освободили, он поскакал прочь, крича:

'Sair back and sair banes,
Drivin' the laird o' Morphie's stanes!
The Laird o' Morphie'll never thrive
As lang's the kelpy is alive!'

Спина болит и кости болят,
Потаскавши камни лэйрда Морфи!
Не будет Лэйрду Морфи покоя,
До тех пор, пока келпи жив!

{[RC_TPROS], p. 335} Но никто и никогда не слышал, чтобы келпи работал на хозяина-эльфа.

Иногда черные псы – это собаки Дьявола, но одинокие черные собаки, по всей видимости, сами себе хозяева. Более того, существует множество других существ, которые выглядят животными, но на деле являются эльфами в животном обличье: ласки, коты и лягушки часто не таковы, какими кажутся, и птицы на самом деле могут оказаться перевоплощенными эльфами. В "Эльфийском селении на Селеновом болоте" Ботрелла люди вспоминают, что эльфы, по словам стариков, могут превращаться в любую птицу и любое существо, которое только пожелают - но каждое следующее должно быть размером меньше предыдущего.

Кошки, по крайней мере, в Ирландии, по праву считаются почти за эльфов, и обычно недобрых эльфов. У вашего очага может греться сам Кошачий Король, а он весьма способен на пакости. Справедливости ради следует сказать, что и обращение с кошками в Ирландии извиняет большую часть злодейств с их стороны. В Англии тоже есть Кошачий Король, и один из лучших вариантов сказки типа 113А рассказывает о нем.

Говорят, что однажды два молодых человека остановились на отдаленной засыпке в Верхней Шотландии, и один из них, устав за день, решил остаться, а другой пошел на охоту. Он вернулся поздно ночью и весь ужин был тихий и какой-то отсутствующий, а потом, когда они сидели у огня, и старый черный кот, живший на засыпке, мурлыкал между ними, молодой человек заговорил:

- Странное дело случилось со мной нынче вечером. Я сбежал с обратной дороги - отчего и припозднился - и пока я блуждал, уже стемнело. Наконец вдалеке я увидел свет и двинулся к нему, решив, что это, может быть, какая-нибудь хижина, где я смогу спросить дорогу; но когда я подошел, то увидел, что свет струится из дупла дуба. Посмотри-ка на этого кота! - прервался вдруг юноша. - Клянусь, он понимает каждое мое слово!

И действительно, старый кот внимательно смотрел на него совершенно осмысленным взглядом.

- Да бог с ним, с котом, - сказал второй. - Что было дальше?

- Я забрался на дерево и заглянул в дупло. Оно было гораздо больше, чем казалось на вид, и было отделано внутри навроде церкви. Я посмотрел вниз и услышал будто бы плач, словно бы там пели и рыдали, а потом подошла процессия – похоронная - и гроб, и плакальщики, все в черном, со свечами, и только вот что было странно: все это были коты и кошки, они мяукали, пели и плакали; а на гробе лежали корона и скрипет; и...

Но не успел он выговорить это, как старый кот вскочил на все четыре лапы и воскликнул:

- Клянусь Юпитером, старый Питер скончался, и теперь я - Кошачий Король!

С этими словами он молнией выскочил в трубу, и больше его не видели {[FLJ], p. 22}.

Эта сказка известна во многих вариантах: в одном - в скандинавской сказке "Кнурримурре", кот объявляется эльфом, который на время принял облик кота {[TK_FM], pp. 120-1}, а в ланкаширском варианте кота-покойника зовут Мэлли Диксон {[JH_TTW_LL], pp. 16-19}. Существует множество ирландских анекдотов и сказок о Кошачьем Короле, и одна из самых древних из них, приведенная леди Уайльд - о барде Сенхане, который высмеял кошачьего короля Ирусана и едва не поплатился за это ужасной смертью {[FSW_ALOI], vol. II, pp. 24-30}. В Ирландии коты, как правило, жестоки, и обращаются с ними не менее жестоко, но у леди Уайльд есть одна замечательная сказка про кошку, которая, очевидно, была из эльфов.

Старушка сидела как-то вечером в своем домике и пряла, как вдруг в дверь ее несколько раз постучали. Она пару раз спросила, кто там, и наконец тоненький голосок ответил ей:

- О, Джуди, агрá, впусти нас, я замерзла и оголодала!

Джуди открыла дверь, и в домик вошла черная кошка с двумя белыми котятами. Старушка не сказала ни слова, ни доброго, ни худого, но села снова за свою пряжу, а кошки умылись у огня и принялись громко мурлыкать. Потом черная кошка заговорила и велела старой Джуди оставить пряжу и ложиться спать, потому что она уже давно мешает эльфам в их ночных забавах.

- Если бы не я и мои дочери, - сказала кошка, - лежать бы тебе уже мертвый. Но ты обошлась с нами по-людски, так что дай нам молока, и мы уйдем; и помни - не засиживайся больше допоздна!

Тогда старая Джуди принесла добрую крынку молока; кошки выплацали его и выпрыгнули в трубу. Но в золе очага что-то блеснуло - тогда Джуди порылась в золе и нашла серебряную монету ценой в немало ночей ее работы. С тех пор она следовала совету черной кошки и никогда не засиживалась за работой поздно ночью {[FSW_ALOI], vol. II, pp. 15-16}.

В Верхней Шотландии верили в кота-великаны - кошачьего царя или бога - который являлся тому, у кого хватало дикости начать живьем поджаривать кошачий приплод, и исполнял желание или наделял знанием, чтобы прекратить мучения котят. Кайт Ши [Cait Sith], или волшебный кот Верхней Шотландии, был темно-зеленым и имел очень длинные уши. В народной традиции, похоже, часты животные-прототипы, представляющие весь свой род. Хозяин Выдр Ирландии - один из примеров. Один дюйм его шкуры сохранит человека от пуль и ран, спасет от ранения лошадь или корабль от кораблекрушения. Говорят, что Хозяин Выдр однажды явился на Холме Ду в сопровождении свиты из тысячи выдр обычной величины. Цари зверей встречаются в очень многих народных сказках {[WGWM_TOTEFOI], vol. II, pp. 121-2}.

По поводу животных, которых держат эльфы, У. У. Гилл во "Втором мэнском альбоме" пишет:

Эльфы разводят всех домашних животных, кроме кошек и кур - а кошек они крадут в Дании. Куриные яйца и их скорлупа, столь пользующаяся ведьмами, неизменно ставят в тупик умы эльфийских подменышей, сколь бы долгой памятью те не обладали, и хотя коты-демоны и коты-колдуны встречаются в изобилии, о таком существе, как кот-эльф, я никогда не слышал. Признано, что кошка лучше, чем другие животные, видит призраков, привидения и другие сумеречные сущности - лучше, чем даже лошади - и этот ее дар может состоять в некоторой связи с мэнским поверью о том, что

кошка - единственный член семьи, чье присутствие терпят эльфы, когда по ночам забираются в кухню. {[WWG_ASMS], p. 216}.

В сущности, коты практически были эльфами своего собственного рода.

Эльфы не терпят петушиного крика, и поэтому, видимо, курятники у эльфов невозможны. Однако, в сказке "Чайлд-Роуленд" у короля Эльфийской страны есть курочка, а в Шотландии курица - традиционная магическая фигура.

Волшебные собаки бывают разных видов - от маленьких собачек, принадлежавших эльфам Элидора, до злых диких собак, которых спустили эльфы на женщину на острове Саннтри. Призрачные черные псы - привидения или демоны, и, как правило, не имеют хозяина, а настоящие эльфийские собаки обычно белые с красными ушами, хотя леди Уайльд пишет о черных собаках, принадлежавших Пещерным эльфам, умалившемуся и завоеванному племени Туата Де Дананн. *"Иногда,"* - пишет она, - *"пещерные эльфы прокладывают в море под водой прямую дорогу от одного острова к другому, мощенную кораллами; но никто не может пройти по ней, кроме эльфийского рода. Рыбаки, возвращаясь поздно ночью домой, глядя вниз, часто видели, как эльфы гуляют по этим дорогам, черные группки людей с черными собаками, которые очень злятся, если кто-то пытается до них дотронуться."* {[FSW_ALOI], vol. I, p. 183}.

В Сомерсете Р. Л. Тонг записала недавно свежее описание пары эльфийских гончих:

Я не знала ни о каких Черных псах на Мендинсе, где жила девочкой, хотя они наверняка там водятся; это странное, дикое, нехорошее место; но не так давно мой муж видел недалеко от Придди двух больших белых лохматых собак с рыжеватыми ушами. Они были больше ирландского волкодава, но так похожи на него, что первым делом муж подумал: "А я-то всегда думал, что они серые!" Они прошли мимо него по другой стороне дороги ("Его счастье!" - сказал наш садовник, родом из Южного Кэдбери), не издав ни звука. (Наша ирландская нянька говорит, что смерть один раз едва миновала его, и еще дважды пройдет близко, потому что слышать лай эльфийских собак - совсем дурная примета.) Откуда они взялись и куда делись, он не мог сказать – он решил отчего-то, что не стоит ходить за ними, и вернулся назад тем же путем, которым пришел. Он прошел ярдов пятьдесят, и все пропало. Наш садовник, выходец из Кэдбери-Кастл, по его описанию узнал этих собак, но рассказывать о них отказывается. После этого с моим мужем случилось происшествие, едва не стоившее ему жизни. Теперь я хочу съездить в Кэдбери-Кастл, а он отказывается. Я ему твержу, что Нэнни обещала, что ничего с ним не случится, но он не хочет рисковать. Нам предстоит еще одна поездка за границу, и он говорит, что это и так уже изрядный риск.

Волшебные животные часто описываются красными (рыжими) и белыми. Во "Втором Мэнском альбоме" У. У. Гилл пишет:

Волшебный счастливый ягненок, появляющийся время от времени в стадах к вящей радости и процветанию скотовладельцев, имеет руно полностью или частично красное. Однажды, двадцати пять или тридцать лет тому назад миссис С., жившая у вершины Клоуз-Кларк, Мелью, как обычно, отправилась присмотреть за своими овцами, забравшимися на крутой пойменный луг, посреди которого находится Хиберт-и-Вирра - источник св. Марии. Проходя между овцами, миссис С. заметила странного ягненка с маленьким красным седлом и красной уздечкой на голове и на морде. Она неосторожно протянула руку, чтобы поймать его, но тот отрыгнул от нее и пропал. Если бы она коснулась его, говорила миссис С. впоследствии, ее рука стала бы "худой" - усохла или отнялась... По понятиям местных жителей, удача, которую приносит мэнский волшебный ягненок, заключается в основном в здоровье и плодовитости овец; седло и уздечка в вышеописанном случае весьма намекают на то, что на таком ягненке эльфы ездят верхом. {[WWG_ASMS], pp. 212-13}.

Ниже Гилл сообщает следующее:

Красноухие волшебные коровы выходят из моря. Маленькая белая волшебная собачка с красной шерстью на голове возвещала приближение своих хозяев, особенно когда они хотели зайти куда-нибудь укрыться в морозную зимнюю ночь. Может быть, это был один из них, принявший такое обличье из соображений удобства.

Существует множество разновидностей волшебных коней. Иногда это - соломинки или тростинки, преображеные волшебным словом, иногда - прекрасные миниатюрные создания, которые могут летать по воздуху легко, как падающие звездочки. Иногда они облашают сверхъестественными силами и мудростью, или являются заколдованными людьми, как гнедая кобыла в сказке Кёртина о Баранойре {[JCIFT], pp. 55-64}. Волшебные лошади часто бывают гнедые и мохнатые, но чаще - белые, серые или вороные. В эльфийском поезде, описанном в сказке "Юный Тамлан", кони вороные и серые, а человека нес белый конь. Леди Уайлд приводит живое описание коней Тутата Де Дананн, захваченных в войне между королем Мюнстера и Мидиром Дананн. Они стояли в конюшнях в пещерах холмов, убранные золотом и подкованные серебряными подковами, а во лбу у них, словно звезды, горели драгоценные камни. Последний конь этой породы принадлежал большому лорду в Коннахте, а когда тот умер, коня купило английское правительство; но конь оскорбился тем, что на него сел простой конюх, сбросил его на землю и быстрее ветра унесся к близлежащему озеру, в которое и бросился и пропал с глаз людей навсегда {[FSW_ALOI], vol. I, pp. 178-83}. Кони короля Артура, скакавшие вокруг Кэдбери, были подкованы серебром, как и кони эрла Фитцджеральда.

Наблюдается тесная связь между волшебными лошадьми и водяными духами, потому что у леди Уайлд есть история о табуне волшебных лошадей, которые были наполовину келпи.

Жили-были вдова с сыном, и была у них отличная ферма на берегу озера, на которой родилась лучшая пшеница в округе. Но каждую ночь пшеницу топтали сотни конских копыт. Сев в дозор, сын вдовы увидел, как волшебные кони выходят из озера попастись на пшенице; на следующую ночь вдова созвала всех соседей с уздачками, и они попытались набросить их на лошадей. Они поймали только одного коня - лучшего в табуне - и поставили его в свое стойло; с тех пор кони их больше не тревожили. Но прошел год, и вдова стала подумывать, что надо бы извлечь из волшебного коня какую-нибудь пользу; ее сын оседлал его, взнудзил и поехал на нем на охоту. Конь ровно нес его, и все восхищались конем; но на обратной дороге, поравнявшись с озером, конь сбросил седока, тот застрял ногой в стремени, и конь потащил его так, что того разнесло на куски. Окончательно избавившись от наездника, конь нырнул в озеро. Волшебные кони больше не возвращались, но на берегах озера часто слышат топот копыт и вопли гибнущего всадника {[FSW_ALOI], vol. I pp. 205-6}.

Дикие буки-коны *[bogey-horses]* обычно выходят из воды, как и сазерлендский Эх Уишге или верхне-шотландские келпи, которых превосходно описывает Дж. Ф. Кембелл:

Все рассказы о делах водяных келпи изображают некоего бога реки, умалившегося до ранга фуа или богла. Гнедой или серый конь пасется на берегу озера, а когда на него садятся, бросается в воду и там пожирает своего седока. Спина его удлинняется без конца; руки людей пристают к его шкуре; его впрягают в плуг, и он затягивает всю упряжь с плугом в озеро, где разрывается лошадей на куски; его убивают, и от него не остается ничего, кроме лужи воды; он влюбляется в девушку, оборачивается мужчиной, кладет голову ей на колени, чтобы та расчесала ему волосы, а перепуганная девушка узнает его по песку в волосах. "Та ганьвих анн [Tha gainmheach ann]", "Тут песок", говорит она, а когда келпи засыпает, девушка бежит. Он прикидывается старухой, ложится спать с девушками в горной пастушьей хижине и выпивает кровь у всех, кроме одной, спасшейся, переправившись через ручей, который келпи, несмотря на то, что сам он - водяной конь, пересечь не смеет. Коротко говоря, эти сказки и поверья постепенно навели меня на мысль, что древние кельты, вероятно, верили в водяного бога-разрушителя, кото-

рому была посвящен конь, или который принимал облик коня.
{[JFC_PTOTWH], vol. I, pp. Ixxx-Ixxxii}.

Шетландский Шупилти и оркадский Тэнджи - существа той же природы, что и келпи, и, подобно ему, могут принимать человеческий облик. Но никакие эльфы никогда не ездили верхом на этих жутких созданиях.

Эльфийский скот, как правило, характер имеет мягкий и кроткий. **Круд-мара** /Crudh Mara/ зовут его в Верхней Шотландии, и иногда водяные эльфы дарят его своим друзьям, чтобы пополнить стадо человека. Также волшебные быки иногда бродят сами по себе и спариваются с земными коровами. В этом случае теленка следует тщательно выходить, потому что он - огромная ценность. Отличить от обычных их можно по круглым ушам. Стадо, во многом похожее на такое, приводили в качестве приданного Гурагез Аннун со дна своих озер в валлийских сказках об Эльфийской Жене. В Ирландии в Майский День среди скотины иногда появляется священная белая телка, и это приносит ферме величайшую удачу. Леди Уайлд приводит перевод старинной ирландской песни об одной из этих священных коров:

*There is a cow on the mountain,
A fair white cow;
She goes East and she goes West,
And my senses have gone for love of her;
She goes with the sun and he forgets to burn,
And the Moon turns her face with love to her,
My fair white cow of the mountain.*

*Есть на горе корова,
Прекрасная белая корова;
Она идет на восток, идет на запад,
И я лишился чувств от любви к ней;
Она проходит, и солнце забывает светить,
И Луна провожает ее влюбленным взглядом,
Мою прекрасную белую корову с горы.*

{[FSW_ALOI], vol. I p. 195}

В Ирландии бытует множество легенд о коровах, вышедших из воды. Русалка, пойманная в Балликронине, выкупила свою свободу тремя коровами. Знаменитая Гласгавлен, однако, упала с неба и давала молоко всем, кто в нем нуждался, пока злая женщина не подала ее в решето, после чего эта корова покинула Ирландию навсегда {[WGWM_TOTEFOI], vol. II, pp. 127-8}. Иногда эту же историю рассказывают на севере Англии про чудесную корову, которая давала молоко во время голода, пока ведьма не убила ее, выдоив в решето {[JH_TTW_LL], pp. 16-17}. Буренка из чащи МакБренди *[Dun Cow of MacBrandy's Thicket]* - редкий пример проказливой волшебной коровы.

Порою, как я уже говорила в предыдущих главах, эльфы проникаются участием к какой-нибудь смертной корове, и в таком случае весьма неразумно противиться им.

Немало внимания уделяется кабанам и свиньям. В Верхней Шотландии и у моряков они считаются существами зловещими, которых не следует упоминать. Каллах Вур часто превращается в дикого кабана, а в Файфе вам расскажут о Гир *[Gyre]* Карлинг и ее Свинье. Гир Карлинг - похожая на ведьму королева фей. Из Ворстершира мы знаем балладу о Сире Риаласе *[Ryalas]*, который убил чудовищного Бромсгроувского кабана, и на которого напала Дикая Лешачиха *[Wild Woman of the Woods]*, у которой это была "любимая пятнистая свинка" {[RB_APBASOTPOE], pp. 124-6}. Охота на чудовищного вепря есть во всех кельтских легендах.

В Уэльсе козы являются почти эльфами сами по себе. Гвиллионы, горные феи Уэльса, особенно дружны с козами, и расчесывают им бороды в канун пятницы - эльфийского воскресенья. На континенте, может быть, больше, чем в Англии, козел - любимое обличье дьявола; в Англии и Шотландии дьявол чаще выбирает черную собаку.

Среди диких зверей одними из самых волшебных являются олени. Часто в народных сказках они - заколдованные люди, но есть, похоже, магия и в оленях как таковых. В Верхней Шотландии все они состоят под покровительством Каллах Вур, которая пасет и доит их. Существует верхне-шотландская сказка, в которой Эльфийская Жена - белая лань {[GH_SIBATC], p. 125}. Есть рассказы и слухи о священном белом олене, похожем на того, которого видели в правление короля Генриха III. Р. Л. Тонг в 1962 г. записала рассказ об одном из таких явлений от члена Женского института в Килмерсдоне:

В старину по лесам вокруг Килмерсдона бродило множество оленей, и среди них иногда пробегала волшебная белая лань. Видели ее редко, но любой охот-

ник, заметивший хотя бы отблеск ее белизны между деревьями, бывал счастлив и удачлив долгие дни. Многие пытались увидеть ее поближе, но безуспешно. Однажды майским утром лорд Килмерсдон ехал через Мендин, и был он мрачен, потому что среди его народа свирепствовал мор. Вдруг перед ним по лесу понеслась волшебная лань. Она вела его большие мили, а потом исчезла, и вместе с ней рассеялись все его тревоги и тяготы. Сердце его на всю жизнь наполнилось счастьем, и в благодарность он выстроил в Килмерсдонской церкви часовню Богоматери, чтобы посвятить свою радость Небу.

Возможно, эта лань была скорее небесным, чем волшебным видением, как райская птица в легенде об одном отшельнике - пение птицы заворажило святого на целую сотню лет. Современный вариант этой истории - сомерсетский "Каменщик из Чарлтонза". В этой сказке Старый Гарри безуспешно пытался утащить в ад пожилого каменщика, работавшего в Чарлтонской церкви Макрелл. Дьявол послал двух бесенят, и те, прикинувшись плачущими детьми, почти что свели старика со священного места. Но тот, еще оставаясь одной ногой внутри, приостановился послушать пение дрозда. Полный невыразимой радости, он стоял и слушал триста лет, и пока он слушал, церковь достроили и освятили. Дослушав птицу, старый каменщик на глазах у всей паствы взобрался по лестнице на Небо {Записано в Срединных Графствах в 1917 г. в семье уроженцев Восточного Сомерсета}. Эта птичка была скорее ангелическая, чем эльфическая, но и птицы Волшебной страны владеют такими чертами. Пение именно такой птицы в листве платана слушал валлиец Джон, и простоял там, зарованный, пока на дереве не умерла последняя веточка, а тогда он вернулся домой и рассыпался в прах от прикосновения человеческой руки {[SH_TSOFT], p. 188}.

Из диких птиц теснее всего с магией связаны лебедь, ворон, ласточка, малиновка и крапивник. Ворон и клушица - перерождения короля Артура; лебедь зачастую - преображеный принц или принцесса; ласточка - священная птица удачи; малиновка тоже священна, но предвещает смерть, если постучится в окно или залетит в дом. Овсянка, вероятно, некогда была посвящена солнечному богу; но, как и для крапивника, святость обернулась для нее преследованиями. Овсянка считалась в Шотландии птицей Дьявола, и говорили, что она каждый Майский День выпивает каплю крови Дьявола. Крапинки не ее яйцах называли письмами, адресованными Дьяволу. Ритуальное убийство крапивника на острове Мэн объяснялось легендой о том, что крапивник некогда был злым эльфом, который в наказание вынужден превращаться в крапивника каждые Святки *[Boxing Day]* {[WGWM_TOTEFOI], vol. II, p. 149; и [SM_MFT], pp. 134-7}.

Лосось и форель - самые священные рыбы в кельтской традиции. Во многих источниках в кельтских странах жила невидимая форель, которую могли увидеть только обладающие внутренним зрением. Иногда, впрочем, рыба показывалась, и смельчаки даже ловили ее и пытались зажарить; но когда с одного бока форель была уже поджарена, и повару надо было перевернуть ее, она неизменно спрыгивала со сковороды и скрывалась в своем источнике {[WGWM_TOTEFOI], vol. II, p. 108-111}. Некоторые лососи тоже имеют магические свойства - главным образом, те, что обитают в озере, в которое роняет орехи мистический орешник. Лосось ловит орехи, и с каждым орехом на его боках появляется белое пятнышко. Один лишь кусочек мяса такого лосося дает человеку знание сокрытого. Именно так приобрел свою магическую силу зуб Финна. Таким же волшебным свойством обладает в шотландской сказке о сэре Джеймсе Рамсее из Банффа белая змея. Во многих народных сказках змея с короной на голове хранит сверхъестественные знания.

Сказки повествуют также о гигантских рыбах, скорее чудовищных, чем волшебных. Одна сомерсетская сказка о чудовищной рыбе как будто предполагает что-то колдовское или волшебное в этом существе, потому что ее победили холодным железом:

Отец рассказывал мне, что против Барроуских песков жила большая рыбина с огромной пастью. Она заглатывала рыбу, да и моряков тоже; а что оставалось от нее, то доставалось угрям. Тогда угри принимались лаять, и люди знали, что большая рыбина проголодалась, и рыбакам лучше убираться. Но нашелся смелый рыбак, который вышел в своей маленькой лодочке, а большая рыбина открыла пасть, чтобы сожрать его, он бросил туда свой

якорь, и холодное железо прикончило ее. {Записано Р. Л. Тонг, Бренский Женский институт, 1961}.

Угри - вероятно, из-за их лая - считаются подлыми и злонравными существами по всему сомерсетскому побережью; существует еще одна сказка о разновидности сирен, которые заманивали рыбаков в воду, чтобы кормить угрей.

Таким образом, очевидно, что волшебную зоологию не так-то легко привести к стройной системе, и все разнообразие явлений - эльфы в животном обличье, чудовища, обладающие сверхъестественными силами, просто дикие или домашние животные, связанные с чем-то потусторонним, миниатюрный эльфийский домашний скот и скотина смертных, взятая эльфами в долг, - весь предмет предстает перед нами таким же широким и запутанным, как и прочие аспекты эльфийских поверий.

IX. Волшебные растения

С древнейших времен деревья почитали и считали обиталищами духов; но были деревья, более священные, чем другие. На наших островах некоторые деревья, очевидно, персонифицировались, а некоторые считались пристанищами эльфов, в частности, как некоторые реки являются самостоятельными персонажами, а в других живут водяные духи. То же и с деревьями.

Боярышник, к примеру, повсюду считается пристанищем эльфов, тогда как бузина и дуб наделены собственным характером. Цветущий боярышник, Майское дерево [*May trees*] - любимое место эльфийских танцев, и срубать или выкапывать его смертельно опасно. В Ирландии любые одиноко стоящие деревья и кусты зачастую считаются священными для эльфов, необязательно боярышник.

В приходе Кленор графства Корк стоит священный ясень, с которого никогда не срубили ни одной веточки, хотя дерева в округе весьма не хватает, и ближайшая торфяная заимка в трех милях оттуда {[WGWM_TOTEOF1], vol. II, p. 158}. Другой ясень стоял в Боррисокане - старое Колокольное Дерево, или Бэл-Три, которое, когда его выкорчевали в 1833-ем, было расколото так широко, что казалось двумя деревьями. Возможно, некогда внутри него разводили на Бельтан костры, как в древнем тисе в Фортингале, Пертшир. В то же время, местное поверье гласит, что если хоть одна щепка с того дерева сгорит в каком-нибудь дому, огонь уничтожит тот дом {[WGWM_TOTEOF1], vol. II, p. 159}. Ясень сакрален повсюду, и в Сомерсете ясеневыми клиньями пользовались для защиты скота от эльфов и ведьм, как рябиной или горным яснем в Шотландии.

Другим священным деревом по крайней мере иногда бывала ольха, растущая над источником какого-нибудь святого. Один крестьянин хотел срезать с нее ветку, но дважды бросал это дело и бежал домой, потому что видел свой дом в огне. Оба раза это оказывался обман. На третий раз он решил не отвлекаться; срезал ветку и принес ее домой, но обнаружил вместо дома пепелище. А ведь его предупреждали. {[WGWM_TOTEOF1], vol. II, p. 157}

Есть такой широко известный стишок:

<i>Fairy folks</i>	<i>Эльфы живут</i>
<i>Are in old oaks,</i>	<i>В старых дубах,</i>

а дубовый народец, как говорят, живет в молодых дубравах, но, как правило, в дубах ощущают независимую личность. В сомерсетской народной песне поется:

<i>Ellum do grieve,</i>	<i>Вяз грустит,</i>
<i>Oak he do hate,</i>	<i>Дуб злится,</i>
<i>Willow do walk</i>	<i>Ива бродит,</i>
<i>If ye travels late.</i>	<i>Если по ночам ходишь.</i>

Поверье, отразившееся в этой песне, гласит, что если срубить один вяз, то другой, стоящий рядом с ним, умрет от горя, но если срубить дуб, то другие дубы отомстят за него, если смогут. То, как споро растут зеленые побеги на корнях поваленных дубов, вероятно, объясняет это поверье. Такая поросль - опасное по ночам место для людей. Но хуже всех - ива, которая, ворча, бредет за припозднившимся путником {[RLT_SF], p. 26}.

Насчет бузины существуют разные мнения; в одних местах их называют ведьмами в обличье дерева, и если надрезать кору бузины, то увидишь кровь; в других считается, что бузина дает защиту от эльфов, или прибежище добрым эльфам от злых. Так или иначе, они всегда считались волшебными деревьями. Сейчас, однако, эти поверья, похоже, отошли, потому что бузину вырубают так безжалостно, что уже трудно и увидеть ее; сейчас это всего лишь живые изгороди.

После боярышника самые волшебные деревья - орешник и яблоня. В Ирландии орешник был деревом мистической мудрости, чьи орехи падали в воду и становились пищей священного лосося; в Англии он был связан с плодородием. "Больше орешка - полнее кормушки" - гласит сомерсетская пословица; и мешок орехов, подаренный невесте, означает многодетный брак. В прошлом поход за орехами на Всех Святых был таким же обязательным, как Маёвка, а девушки, отправившиеся за орехами в воскресенье, рассказывали потом о встрече

в лесу с сатаной. Некоторые следы этого поверья можно найти в пьесе XVII в. "Гrim-углекоп из Кройдона" {[RD_OP], vol. VIII}, но там девицы встречают доброго черта.

Яблоня в средневековой Англии - дерево волшебное. Именно под привитой яблоней заснул Ланселот, когда четыре королевы-феи унесли его, и в "Романе о короле Орфео" Эвридики засыпает под яблоней, и ее уносит Король Фей. Яблоки и их кожура использовались при некоторых гаданиях, а Авалоном, Яблоневым Островом, назывались рай и волшебная страна, в которую удалился Артур. Даже если это был Гластонбери - тем не менее, это была Волшебная страна.

Волшебные цветы можно разделить на дающие защиту от эльфов и принадлежащие им.

Зверобой - главная из защитных трав. Он лечит все болезни, которые считаются наведенными эльфами - такие, как колотье, зуд и корчи - и не хуже рябины защищает того, кто его носит, от порчи, чародейства и от власти дьявола. Такие же свойства имеет вербена, а также будра плющевидная {[FSW_ALOI], vol. I, p. 56}. В то же время, волшебный цветок медвежьего уха может раскрывать скрытые сокровища; на западе страны их называют "горлинкины ключики" {[RLT_SF], p. 33. См. Р. I, Sect. 2, «Plant Beliefs»}. Примула - волшебный цветок. В Ирландии цветки примулы разбрасывают перед дверью дома, чтобы отгонять эльфов, которые не могут проходить мимо них; в Сомерсете, однако, они считаются особой собственностью эльфов. Как и другие желтые цветы, их часто связывают с дьяволом. Если в букетике меньше тринадцати цветков, его нужно защитить фиалками, иначе вносить его в церковь или даже в дом - плохая примета. В сомерсетской сказке "Гоблинова падь" девочка, заблудившаяся, собирая примулу, нечаянно касается букетом волшебной скалы, и эльфы выходят, дарят девочке подарки и показывают дорогу домой. Старый скряга попытался сделать то же самое, но собрал неверное количество цветов, и больше его никто не видел {[RLT_TFOE], pp. 34-5}. Незабудки также носят те, кто ищет клады, которые, как считается, часто охраняют эльфы или духи. Красный горицвет и мелколепестник *[devil's-bit scabiouses]* - волшебные цветы. Барвинок зовется в Сомерсете "чародейской фиалкой", а чародеями здесь считают скорее эльфов, чем ведьм и ведунов. Дикий чабрец - эльфийское растение, и его опасно приносить в дом.

Наперстянка - чье английское название *foxgloves* ("лисицы перчатки"), как предполагает Хендerson, должно в действительности выглядеть как *'folks' gloves'*, "перчатки народца" {[WH_FLOTNC], pp. 227-8, цит. Хартли Колриджа} - повсеместно считается растением эльфийским. Р. Л. Тонг приводит современный пример поверья о том, почему собирать их - к несчастью. *"Почему наперстянки не собирают? Мы увидели замечательные цветы, остановили машину, набрали много-много наперстянок и поставили в вазы. Они выглядели великолепно, и когда подруга пришла ко мне на чай, я спросила: "Правда же, наперстянки хороши?" Но она заметно испугалась и велела мне вынести их. Она не проходила мимо них, а так и просидела за столом на другом конце комнаты."* Однако, сок, отжатый из десяти листьев наперстянки, по ирландскому поверью, может вылечить ребенка, которого сглазили эльфы - наверно, по тому же принципу, что и волосок из шерсти укусившей собаки лечит ее укус.

Леди Уайлд рассказывает нам, что в Ирландии травницы, как принято думать, получают свои знания от эльфов, что им одним известны некоторые травы, и лишь они могут сказать, какие из них опасны. Однако все знают семь трав, которые не может одолеть ничего ни в этом мире, ни в другом: это зверобой, вербена, вероника, очанка, мальва, тысячелистник и черноголовка. Лучше всего собирать их в полдень, в солнечную погоду, около полнолуния. Тысячелистник - самый сильный из них {[FSW_ALOI], vol. II, p. 71}. Четырехлистный клевер не только разрушает эльфийские чары, но и дает способность видеть насквозь любое волшебство. Два растения, принадлежащих эльфам безраздельно, насколько я знаю, нельзя использовать против них - амброзию и плевел, в которых прячется эльфийское воинство {[LS_TFTIB], p. 61}.

Под зверобоем - «болияун» - прятал свое сокровище клурикаун в сказке Крофтона Крокера. Нашедший нацепил на стебель свою красную подвязку, чтобы пометить место, и побежал за лопатой. Когда он вернулся на луг, на каждом стебельке зверобоя висела крас-

ная подвязка {[TCC_FLOTSOI]}, vol. I, pp. 178-83}. Стебли зверобоя служат эльфам ездовыми конями.

Колокольчики тоже считаются эльфийскими цветами. В Сомерсете говорят, что никогда нельзя ходить в лес по колокольчики. Если пойдет ребенок, то никогда не выйдет из леса, а если взрослый, то эльфы будут водить его, пока кто-нибудь его не встретит и не выведет из леса. Это же поверье, видимо, известно на Севере, потому что Беатрикс Поттер использует его в "Волшебном караване" {[BH_TFC]}, pp. 141-4}. Шотландская игровая песенка "Темный колокольчик" - вероятно, колдовская или эльфийская песня. Что-то недобре есть в ее словах и что-то эльфийское в мелодии. Танцующие входят внутрь хоровода и выходят наружу под пение:

*In and out the dusky bluebells,
In and out the dusky bluebells,
In and out the dusky bluebells,
I am your master.
Tipper-ipper-apper on your shoulder,
Tipper-ipper-apper on your shoulder,
Tipper-ipper-apper on your shoulder,
I am your master.*

*Внутрь и наружу темного колокольчика,
Внутрь и наружу темного колокольчика,
Внутрь и наружу темного колокольчика,
Я твой хозяин.
Хлоп тебя по плечу,
Хлоп тебя по плечу,
Хлоп тебя по плечу,
Я твой хозяин.*

{Записано в Пертишире ок. 1920}

В XVI и XVII вв. ходило немало толков о волшебном папоротном цвете *[fernseed]*, который мужчины собирали в летнее солнцестояние, чтобы обрести способность делаться невидимыми {[RB_P]}, pp. 217-18}, но сейчас их почти не слышно. Ракитник был волшебным растением и использовался в колдовстве; "Баллада о ракитнике" дает нам пример этого.

Из садовых цветов эльфам, как считалось, особо близки тюльпаны. Срезать их считалось дурной приметой, а особенно - продавать их за деньги. Сказка о "Тюльпанных эльфах" {[AEB_TBOTTAT]}, vol. I, p. 394} из Западных графств иллюстрирует это, а в Сомерсете в это верят до сих пор, или верили до самого последнего времени.

Полынь, которой особо интересуются русалки, - волшебная трава. Бегуны кладут ее в обувь, потому что с ее помощью человек может бежать без устали весь день {[RLT_SF]}, p. 33}. Сегодняшним домохозяйкам это свойство оказалось бы очень полезным. Подснежники - цветы смерти, и их не стоит приносить в больницу.

В сущности, только очень немногие растения, характерные для нашей местности, не были, к добру или к худу, связаны с эльфами.

X. Местная специфика

Кое-в-чем характеристики эльфов на наших островах повсюду сходятся. Повсюду существует некоторая связь между эльфами и мертвцами; повсюду при упоминании их требуется осторожность и почтительность. Хвастать об их благосклонности не стоит, и нельзя вознаграждать их - даже благодарить их обычно считается неэтичным. Повсюду они охочи до детей смертных, готовы завлечь девушку или кормящую мать; почти повсюду они нуждаются в помощи смертных женщин - повитух при родах. В большинстве мест им доступна невидимость: чтобы увидеть их, смертному требуется особая мазь или трава. Повсеместно некоторые из них помогают людям в работе. Если уважать их образ жизни и потребности, они отплатят тебе успехом либо более вещественными дарами; если обидеть их или нарушить их табу, наказание превзойдет преступление в непредсказуемой пропорции. Эти черты почти универсальны, но их сочетания, количественные и качественные, в разных частях страны выглядят по-разному.

Ирландские эльфийские поверья - самые подробные и широко распространенные, и среди них бытует множество линий и типов. Эльфы там могут быть любого роста и обладать самыми разными характерами. Иные из них непостижимы, почти все внушают почтение, но более всего поражает великая красота эльфов Ирландии. Вновь и вновь мы слышим об их величии, их любви к музыке и поэзии, их пирах и выездах, о красоте эльфийских женщин и коней. Существует тесная связь между ними и мертвцами, но их великолепие, видимо, происходит от их богоподобности: в Ирландии более, чем где-либо, чувствуется, что эльфы - тени ушедших богов этой страны.

Героические сказки Шотландских гор так похожи на ирландские, что некоторые совпадают полностью, но современные эльфийские поверья весьма отличаются. Здесь подчеркивается мотив амбивалентности эльфов, соединении в них добра и зла. Мы можем здесь взглянуть на эльфийскую красоту, услышать эльфийскую музыку из холмов, как подслушивают и заучивают ее смертные волынщики, как и в Ирландии, но эльфы здесь в целом ниже - величием, если не ростом; они более приземленные, пугливые, зачастую нелепые. Мир горцев полон чудовищ - бодахи, глаштиги, броллахоны и им подобные уродливые монстры крадутся в горном тумане. Каллах Вур Верхней Шотландии - более стихийное и грозное существо, чем Калли Берри, живущая в традиции Ульстера. Некоторые из шотландских эльфов кажутся больше похожими на местных жителей, чем на богов, особенно в историях про эльфийские одолжения.

В Уэльсе также можно найти эльфов во множестве разнообразных обличий. Бендит-и-Мамай ведут обычный эльфийский образ жизни - танцуют, поют, крадут детей и навещают дома людей. Эльфийские жены, возможно, специфичные именно для Уэльса, выходят из озера; валлийцы завоевывают их, угостив хлебом и сыром, и в приданное за собой они часто приводят эльфийский скот. Эльфийская жена - повсеместно распространенный сюжет, но тот вид, который он имеет в валлийской традиции - его классический образец. Валлийская традиция почти так же полна чудовищ, как и шотландская. Афанк и водяной прыгун не так кошмарны, как Наккилэйви или Глаштиг, но тоже достаточно скверны. В Уэльсе рассказывается огромное множество сказок о магическом течении времени в Волшебной стране и о людях, рассыпающихся по возвращении в прах - этот мотив более распространен в Уэльсе, чем в историях этого же типа из других мест.

На острове Мэн эльфы и духи имеют свои имена и названия на мэнском языке, который энтузиасты сейчас старательно возрождают. Здешние эльфы в основном невелички, "малыши [*little fellas*]", но обладают всеми обычными чертами. Как и все эльфы, они не терпят неуважения к себе - им всегда нужно желать доброй ночи или доброго дня, переходя по Эльфийскому мосту в центре острова. Они - большие любители музыки; даже великаны Фовры любят потанцевать под музыку. Они подменяют детей, доят коров и проделывают те же штуки, что и все эльфы. Буки [*bogies*], русалки, водяные кони, водяные быки, домовые гоблины - всех их можно встретить на острове Мэн. Маннанан, или Манахран Мак Лир - самый примечательный из тамошних духов. Это он принимает облик трехспицевого колеса, ставшего эмблемой Мэна. В то же время он давно мертв; никто не помнит ни одного появле-

ния Маннанана. Наряду с кельтской струей на острове Мэн можно проследить и следы скандинавской традиции.

В Корнуолле кельтское воображение проявило себя особым образом. Здесь эльфы, как правило, народ малорослый и малочисленный, уменьшающийся - и те, что считаются падшими ангелами, и те, что считаются мертвцами - и мертвцы в Корнуолле преобладают. Эльфы здесь хоть и невелики, но чрезвычайно красивы; возможно, это пуританское наследие делает их красоту иллюзорной, не выдерживающей света дня. И домовые эльфы, и гоблины здесь представлены писгами [*pisgies*]. Существует здесь множество букв - стукачи, боганы, спригганы - но славится Корнуолл как страна великанов и оживающих стоячих камней, которые спускаются к водопою и давят людей, пытавшихся завладеть сокровищами, хранящимися под камнями. Похожие черты встречаются у сверхъестественных существ других Западных графств, особенно Девона и Сомерсета. Здесь тоже водятся живые стоячие камни и проказливые пикси. Говорят, что истинные эльфы покинули Сомерсет; последних видели в Бакленд-Сент-Мери. С тех пор в Сомерсете полно пикси, но эльфов больше нет.

На Оркнеях и Шетландах скандинавское влияние ощущается сильнее, чем в Шотландии. Хромые троу, которые должны прятаться под землю на восходе - персонажи совершенно скандинавской традиции. Но и водяной конь, и тюлений народ обитают и на Оркнеях, и на Шетландах.

Эльфы Нижней Шотландии совершают выезды, как кельтские эльфы; и, если верить Кромеку, они очень хороши собой, ростом примерно в половину человеческого, и их прекрасные маленькие лошадки соответственной высоты. Королева Страны Эльфов, которую видел Правдивый Томас, тоже была прекрасна, но имела человеческий рост. В Романе они становятся сморщенными и отвратительными, что может указывать на то, что красота их была всего лишь чарами. Элис Брэнд у Вальтера Скотта следует общей традиции. В описании Хью Миллером эльфийского выезда в кортеже усохшие, чахлые существа скачут на маленьких косматых пони. А в описаниях эльфов из протоколов судов над ведьмами со слов Изобель Гоуди король эльфов - смуглый широколицый мужчина, а Королева - рослая женщина в белом. В шотландских Низовьях великанов меньше, чем в других частях страны, но здесь обитают несколько змеев и драконов, и есть также русалки, шелликоты, боглы и красные шапки. Брауны, вероятно, самые характерные из нижнешотландских духов - трудолюбивые, забавные, обидчивые существа, способные на привязанность и даже на преданность.

На Севере Англии до сих пор встречаются брауны и некоторые эльфы, и здесь в изобилии встречаются нелепые буги - Брэш, Топошлеп, Сорокопутник [*Shriker*], Кэпельтвэйт, Брэг, Хедли Кау и множество подобных им по повадкам и свойствам характера. Значительная часть этих хобгоблинов считается привидениями, а некоторые - откровенными чертями. Здесь мы изредка слышим теорию о падших Ангелах - слишком плохих для Неба, но слишком хороших для Ада - которая широко обсуждается в кельтских странах.

Духи Восточных Фенов, вероятно, наиболее своеобразны. На большей части Линкольншира положение отличается от других Северных графств; Лохматка [*Shagfoal*] и Лохматый [*Shag*] имеют ту же природу, что и Брэш и Хедли Кау; рассказывают здесь и истории о бугартах и браунах; в то же время ярткины, тидди-маны и тод-лори - диковатые, опасные первобытные духи, дыхание которых гибельно, и которых нужно постоянно ублаготворять. Фенландские великаны, Вендель и Вад - наследие саксов, но прочие потусторонние фигуры, видимо, появились прямо из этих болот. С осушением фенов верования эти отошли, и ритуалы давно позабыты. Трудно сожалеть об уходе этих вредных фигур, даже если из-за этого в мире прибавилось материализма. В их описаниях была мрачная поэзия, но в них самих, очевидно, никакой красоты не было.

Эльфы Срединных графств слабее и менее почитаемы, чем те, что обитают на кельтском рубеже. В Лейстершире мы знаем Черную Эннис, синеликую ведьму с Данских Гор, которая пожирала скот и детей; но немногие из них столь зловредны. Это - эльфы, которые подменяют детей, оставляя своих подменышей, и Паки или Поуки, которые водят запоздальных путников и превращаются, как букозвери, во все, что только можно, чтобы помутить человеческий рассудок; есть здесь волшебные холмы, в которые заманивают людей; нарушителей порядков наказывают щипками и уколами, крадут по ночам зерно и заезжают до пота лошадей; но наказание щипками здесь применяется чаще, чем смертная кара, здешние эль-

фы обыкновенно маленькие и симпатичные, любят, как и все, музыку и танцы, и скорее являются духами цветов, чем духами мертвых. Я говорю "являются", хотя вернее, может быть, говорить "являлись", потому что в Срединных графствах в наши дни нет ни почитания эльфов, ни живых поверий. Последнее, что было записано об оксфордширских эльфах - то, как они уходили в нору под Царь-камнем в Роллрайт-Стоунз. Уорвикширы Шекспир и Дрейтон были знакомы с маленькими эльфами - любителями цветов; Милтон, оксфордширских корней, описывал труд гоблинов, щиплющихся эльфов, блуждающего огонька *[Will o' the Wisp]*, хоровод малюток-эльфов в лунную ночь и фей счастья, посещающих дом в час рождения ребенка; но их потомки забросили эти забавы. В Срединных графствах полно привидений и еще водятся Черные Псы; но эльфы ушли в Ирландию, Сомерсет, Корнуолл, на Мэн, поднялись в Шотландию и уплыли на Острова.

Как меняются от округи к округе пейзаж и плывущие над ним облака на этих маленьких, но таких разных островах, так и эльфы в каждом уголке их несколько отличаются по настрою, характеру и оттенку; но можно увидеть, что повсюду их свойства во многом схожи, о них рассказывают те же истории; опасность и красота струится вокруг них везде.

Часть II. Общение с эльфами

XI. Эльфийская несамостоятельность

Сказки, описания и рассказы об эльфах по всей стране, а в сущности и по всему миру, ясно показывают, что, по мнению людей, они, как правило, не существуют в независимом, самодостаточном состоянии, но весьма заинтересованы в мире преходящего, смертного. Многие существа ведут свою собственную жизнь, движимы своей собственной судьбой, не имеют никакого желания общаться с людьми и заботятся лишь о том, чтобы избегать их. С эльфами дело обстоит не так. Как бы с виду счастливо ни проводили они свои дни в пирах, скачках и музыке, как бы ни сердились на тех из людей, кто подглядывает за ними или вмешивается в их дела, но они никогда не безразличны к людям; человеческая помощь необходима для многих из их дел, и они страстно желают участвовать в судьбах людей.

О природе и происхождении эльфов бытует множество рассказов, но они, очевидно, достаточно близки к людям, для того, чтобы сочетаться с ними браком – на самом деле, даже ближе, чем лошадь и осел, поскольку многие семьи людей претендуют на эльфийских предков. Одна из самых распространенных легенд – легенда об эльфийской жене и эльфолюбовнике; самая, возможно, частая история – легенда о подменыше; эльфам как будто бы нужна человеческая кровь, чтобы укрепить свой род. В Ирландии особенно часто встречается представление о том, что эльфы нуждаются в людях для своих сражений и игр, как души, призванные Одиссеем, должны были выпить крови, чтобы обрести силу ответить на его вопросы. Самая, может быть, жуткая картина в литературе – изображение трепещущих, обезумевших созданий, бывших некогда людьми, толпящихся вокруг кровавого питья, которое возвращает им подобие жизни. Но ирландское воображение ушло от нее недалеко.

В междуусобных стычках, которые были частым занятием ирландских эльфов – да и других жителей Ирландии – участие людей почти обязательно для придания силы эльфийскому оружию, и то же можно сказать об их матцах по хёрлингу {[EW_?], р. 44}. Человеческая пища тоже, по-видимому, необходима им – в виде возлияний или оставленная для них на ночь. Повсеместно верили, что они питаются человеческой пищей, увеличивая ее или употребляя ее невидимую сущность, которую они похищали, оставляя лишь лишенное питательных веществ подобие для обмана человеческих чувств. Они выдавали молоко у крестьянских коров – в чем позже обвиняли ведьм. Дональд А. Маккензи приводит сказку о человеке, обрезавшем длинный ореховый прутик, который нес маленький эльф-старичок. Из прутика вдруг рекой хлынуло молоко, и внезапно вернулось все молоко соседских коров, которые уже долгое время не доились {[DAM_SFLAFL], pp. 219-21}. Такие же истории рассказывают о скотине, которую эльфы невидимо переносят в волшебные холмы, а на ее месте оставляют грубо обтесанный булыжник.

Иногда эльфы имеют вампирическую привычку сосать человеческую кровь. На острове Мэн принято верить, что если им не оставить воды для питья, они высосут кровь из всех спящих в доме или пустят им кровь, чтобы замесить на этой крови пирог. То, что останется от пирога, они спрячут где-нибудь в доме, и если его не найти и не дать отведать спавшим, те умрут от сухотки {[FSW_ALOI], vol. I, р. 20}.

Иногда эльфы доят свою любимую корову. У Ханта эльфы оставляют сколько-то молока людям {[RH_PROTWOE], pp. 107-9}, в ирландской же версии леди Уайльд они забирают все. Здесь корову доит старушка в красном, которая выходит из боярышника, а расколдовывается корова только после того, как ее пальят каленым железом {[FSW_ALOI], vol. II, р. 47}.

Иногда эльфы бывали добре и честно одолживали то, в чем нуждались. У леди Уайльд есть и такая сказка:

Однажды вечером мальчик гнал домой коров своего отца, как вдруг напали эльфы в пыльном вихре, вихрь испугал коров, и одна из них убежала в эльфийское городище *[rath]*. Мальчик пошел за ней, чтобы вернуть ее, но старая эльфийка остановила его на пути:

- Оставь ее, Аланна, - сказала она, - она уже на нашей земле, и тебе ее не забрать. Ступай домой и скажи отцу, что через двенадцать месяцев в этот же день корова вернется к нему и приведет с собой отличного теленка. Сейчас же она позарез нужна эльфам, потому что нашей юной красавице-королеве грозит смерть, если она не отведает молока с запахом зеленой травы и свежего воздуха. Не волнуйся, Аланна, но верь моим словам. Вот, возьми свою ореховую палку и, не жалея, ударь корову три раза по голове, чтобы открылся путь, которым нам идти.

Старушка говорила с ним учтиво и ласково, и мальчик послушался ее, ударил трижды корову, как просила колдунья, и тотчас же корова и старушка исчезли, словно сквозь землю провалились.

Отец мальчика запомнил этот день, и когда прошел ровно год, он послал сына в эльфийское городище узнать, выполняют ли эльфы обещание; и точно, там стояла и ждала корова, а рядом с ней хорошеный белый теленок. {[FSW_ALO], vol. II, pp. 45-6}.

Эльфы очень сильны в музыке и в медицине; но музыкантов из людей часто завлекают в эльфийские холмы, а роды у эльфов, похоже, вовсе не обходятся без нанятой у людей повитухи. Этому, как и пристрастию эльфов к человеческой пище, можно найти объяснения. На них намекают две истории, одна из Уэльса, другая из Ирландии. В валлийской истории, которую приводит Джон Рис, повитуха, принимающая роды, узнает в эльфийской роженице местную девушку, украденную эльфами {[JR_CF], vol. I, pp. 212-14}, а в ирландской истории эльфийская женщина, берущая еду с фермы - украденная смертная, которую еще можно спасти, если она будет воздерживаться от эльфийской пищи. Стоит вспомнить, что Малекин в рассказе Ральфа Коггхольльского называла себя человеком, украденным эльфами, и охотно ела то, что ей оставляли. Она также надеялась освободиться из Волшебной страны {[RC], p. 121}. В то же время, вера в то, что эльфы едят человеческую еду, распространена так широко, что не представляется возможным утверждать, будто это делают только украденные люди; заимствование пищи - явление слишком систематическое. В сказке Вальтера Скотта "Бык Таксмана" все эльфы занимаются воровством человеческой пищи. Характерные упоминания об этой привычке можно найти в "Херфордском фольклоре" Мэри Лезер. Там, в частности, мы находим: "Вильям П--- из Лонгтауна определил "ельфов [farises]" как «маленьких человечков, которые забираются в дома людей и воруют всякие вещи»." И далее в той же главе: "Миссис Д--- из Фоксли говорила, что ее мать, ныне покойница, была настолько убеждена в существовании маленьких человечков, что всю свою жизнь оставляла для них на ночь еду на столе и дверь приоткрытой. В благодарность за это они порой дарили ей мелочь и серебро – то и дело." {[EML_TFLOH], p. 43}.

Широко распространены сказки об эльфах, берущих и дающих в долг. В Херфорде, Ворстере, Сомерсете и Нортумберленде рассказывают одинаковые сказки о сломанном *bilk* или забытой хлебной лопате *[peel]*. Почти всегда добрый работник, которыйчинит или мастерит ее, в награду получает подарок - еду. В этой группе сказок эльфийская еда не опасна, а приносит удачу. Пример такой сказки можно найти опять-таки в "Херфордском фольклоре" Лезер:

Однажды один человек работал в поле, как вдруг услышал голоса эльфов, которые что-то пекли; они говорили, что у них нет лопаты. Человек сказал: "Я найду вам ее." Он соорудил хлебную лопату и оставил ее в поле, где они нашли бы ее. На следующий день лопата исчезла, а на ее месте эльфы остали ей корзинку с замечательными пирогами. Только сами они все время оставались невидимыми; он ни разу не увидел их, а только слышал их разговоры. Хлебная лопата *[peel]* - это такая большая железная лопата с длинной ручкой, которой караван ставят в печь и вынимают из нее. {[EML_TFLOH], p. 43}.

В этом случае, похоже, эльфов не отпугнуло холодное железо, хотя сами они, возможно, и не могли работать с ним.

Эльфы одалживают сковородки, муку, иногда даже соль - обычно те, что живут под землей возле жилищ людей. Ссужать солью кого-то вне дома считается несчастливым, но в сказке из Льюиса хозяйка одалживает эльфу соль, и ничего худого из этого не выходит. В рассказе Кэмпбелла с острова Саннтри, Мирная Женщина имеет привычку брать взаймы горшок и возвращать его с костями в качестве платы. Однажды, когда жены не было дома, ее муж отдал горшок, забыв оговорить обязательные условия, и горшок не вернулся бы никогда, если бы его хозяйка не сходила к эльфам в Брут [*Bruth*] и не стащила его с огня. Когда она уходила, эльф сказал:

*'Silent wife, silent wife,
That came on us from the land of chase,
Thou man on the surface of the "Bruth",
Loose the black, and lip the fierce.'*

*Молчащая женщина, молчащая женщина,
Что пришла к нам из страны погони,
Ты, человек на поверхности "Брута",
Спускай черного и выпускай яростного!*

С цепи спустили эльфийских собак, и те погнались за женщиной, и она едва убежала от них. Это намекает на то, что люди пугали эльфов так же, как эльфы людей {[JFC_PTOTWH], vol. II, pp. 52-4}. Это еще отчетливее заметно в ирландском стихотворении, который цитирует У. У. Гилл в "Втором мэнском альбоме". В нем старый эльф жалуется на женщину - хозяйку дома, стоящего над его жилищем: "*Немая Женщина из Страны Мертвых забрала мой котел*" {[WWG_ASMS], p. 210}. Немой она была, предположительно, потому что хранила ритуальное молчание, которое весьма рекомендуется при общении с эльфами, а из Страны Мертвых - потому что все смертные обречены на смерть. Люди вполне могут представляться эльфам сверхъестественными существами, с их холодным железом и знанием христианских наговоров и знаков.

Эльфийский дом иногда стоит под очагом людей, и печь служит входом в него. Уолтер Гилл цитирует из "Кельтского ревю" историю о доме в Эйрли, Энгус, в котором, как считалось, обитали эльфы, потому что из его очага иногда исчезали пекущиеся пироги. Наконец, дом снесли, и под его очагом обнаружилась крыша погреба. В нем нашли множество раскрошенных пирогов, провалившихся в щель {[WWG_ASMS] p. 209}. Здесь, можно сказать, имеется естественное объяснение; хотя трудно удержаться от подозрения, что пироги не роняли в щель нечаянно, а отправляли нарочно. В шетландской сказке очаг поднимается, из него высывается рука и хватает пирог.

Сказка "Добрые соседи", в котором эльф жалуется хозяину дома на то, что его помои заливают эльфийский очаг или стоят лужей у его дверей, широко распространена в Шотландии, но, насколько мне известно, не встречается в Англии. Того, кто отнесется к такой жалобе со вниманием, ждет удача, а хозяйство того, кто пренебрежет ею, серьезно пострадает {[RHC_ROGANS], p. 300}.

Даже когда верить, что эльфы навещают по ночам каждый дом, уже перестали, часто считалось, что они водятся на мельницах. В архивах Школы Изучения Шотландии записаны две истории о визитах брауни на Финкастльскую мельницу в Пертшире. В первой, похоже, речь идет на самом деле о шайке самогонщиков, а вторая, которую я уже цитировала - вариант истории Полифема. Действие одной маленькой сказочки Морэя тоже происходит на мельнице. В Денхэмских Трактатах содержится нортумберлендская история о мельнице с эльфами {[DT], vol. I, p. 270}.

На Ротлейской мельнице есть печь для сушки толокна, на которой каждую ночь эльфы готовили себе овсянку. Помощник мельника решил однажды вечером "поглядеть, как они прыгают"; он заглянул на печь и, увидев там эльфов, сидящих вокруг котла и помешивающих овсянку, взял камень и бросил его в котел, опрокинув его. Все эльфы повскакивали, крича: "Обжег-ошпарил! Обжег-ошпарил!", бросились за парнем и нагнали его на перелазе между мельницей и Ротлеем. Один из них пнул его в бок, и с тех пор парень так и ходил хромой.

Мельницы на острове Мэн также часто посещали эльфы. Гилл пишет: "*Эльфы очень любили старые водяные мельницы. Скраундельская мельница в Баллахе, ныне заброшенная, пустая и тихая, "кишмя кишела ими" в дни своих трудов, как рассказывала мне последняя остававшаяся в живых дочь старого мельника.*" {[WWG_ASMS], p. 231}. Далее в том же отрывке рассказывается о мельнице в Киндрогаде, которую эльфы навещали по ночам. Однажды в страду сыновья мельника решили поработать ночью, и через комнату в них полете-

ла метла. Мать посоветовала им оставить мельницу эльфам, они послушались и больше не беспокоили их.

Эльфы подражают многим занятиям людей. В Лервике была небольшая верфь, где строили лодки, и часто на закате хозяин говорил: "Ребята, пора прятать инструмент, не то Они тоже захотят поработать!" {[WWG_ASMS], p. 234}

Некоторыми из людских занятий эльфы, похоже, занимаются независимо от людей. Лепрехаун, эльф-сапожник - чрезвычайно искусный ремесленник, а в Глостере Беатрикс Поттер услышала историю об эльфах-ткацах, по мотивам которой она написала "Глостерского ткача". Наиболее искусны эльфы в прядении и ткачестве, что показывают такие сказки, как "Том-Тит-Тот" и "Хабетрот". В то же время на Мэне жалуются, что эльфы - плохие прядильщики, и что нить, которую они сучат, полна узелков и обрывков, и ткачи ее не любят. Что же до их ткачества, то говорят, что они совершенно испортят станок, если на ночь не снять с него работу.

Искусность в различных ремеслах часто бывает эльфийским даром. Главный из них - дар музыки. "Пальцы и дырочки", сказка о семье МакКриммонов, записанная Хамишем Хендерсоном - как раз о даре чудесной игры на волынке, которым эльфы наделили самого бесталанного и презираемого члена этого известного клана. В истории Кэмпбелла о "Сыне кузнеца, спасенном от эльфов", мальчик получает от эльфов дар работы по железу, хотя сами эльфы холодного железа боятся. Эванс Венц записал от волынщика на Барре сказку о волшебном даре к плотницкому делу, снова иллюстрирующую обычай эльфов посещать жилища и мастерские:

Я слышал о подмастерье плотника, который со своим хозяином строил лодку неподалеку от дома, на берегу моря. Однажды утром он пошел на работу и забыл какой-то инструмент, а тот ему вдруг понадобился. Он вернулся в бытовку и обнаружил, что она полна эльфов - мужчин и женщин. Увидев его, они сбежали в такой спешке, что одна из женщин потеряла свой пояс, и он подобрал его. Вскоре она пришла за своим поясом и попросила отдать его ей, но он отказался. Тогда она предложила ему сделать его мастером в любом деле, которое он выберет, без всякой учебы. На этом условии он отдал ей пояс; встав рано поутру, он пошел на двор, где строилась лодка, и пригнал две планки так точно, что когда пришел хозяин и увидел их, то спросил его:

- Не было ли кого-нибудь ночью во дворе? По работе вижу - мне самому впору идти в подмастерья к тому, кто так пригнал эти две планки, кто бы он ни был. Неужели это твоих рук дело?

Ответ был утвердительный, и подмастерье рассказал хозяину, при каких обстоятельствах он так быстро выучился плотницкому делу. {[EW_?], pp. 106-7}.

Интересно заметить, что, в отличие от эльфийских денежных подарков, наш подмастерье не лишился своего дара, рассказав об его источнике.

Что до ярмарок, то эльфы не только посещают невидимыми ярмарки людей, где краут масло и все, что им только вздумается, но и устраивают свои собственные ярмарки - из них наиболее известна ярмарка в Питминстере, Сомерсет. Первое упоминание о ней встречается у Бове {[RB_P], p. 208}, но традиция эта жива до сих пор. В Ирландии эльфийская ярмарка зовется Ярмаркой мертвых и проводится в Ноябрьскую ночь, но этих мертвых иногда называют эльфами, а их король Финварра зовется королем эльфов. Описание весьма похоже на эльфийскую ярмарку. *"Они оказались на ярмарке, где толпами гулял народ, какого он никогда не видел на острове за все свои дни. Все танцевали, смеялись и пили красное вино из маленьких кубков. Там были волынщики и арфисты, и маленькие сапожники, чинившие обувь, и самые прекрасные в мире вещи, яства и питье, словно во дворце у короля."* {[FSW_ALOI], vol. I, pp. 145-7}.

В Уэльсе слуги эльфийского князя заявлялись на рынки вдоль Бристольского канала и поднимали цены своими княжескими закупками; но обычные рыночные эльфы, как прави-

ло, попроще нравом и предпочитают брать то, что им понравилось, без платы. {[JR_CF], vol. I, p. 161}.

Таким образом, можно увидеть, что эльфы не только дарят подарки людям, но и получают подарки от них, и возможно в ряде случаев сказать, что они паразитируют на людях. Они приносят удачу и достаток в хозяйстве, могут одаривать серебром и ревностно следят за порядком в доме и на ферме. Источниками пропитания, не зависящими от людей, для них служат ягоды, листья и роса, преображеные эльфийскими чарами. Они умеют составлять из трав снаидбя и мази, печь хлеб и пироги, прядь, ткать, мастерить обувь и иногда волшебные предметы, музыкальные инструменты из соломы и тростника; иногда они работают по металлу и трудятся - или создают видимость труда - в шахтах. У них есть свой скот, но мясо, мука, масло и сыр, похоже, зависят главным образом от людских запасов. Им требуются лекари и повивальные бабки из людей, и они должны подкреплять свой род свежей кровью из людских жил. Они работают, играют, сражаются, танцуют и охотятся, но иногда становится непонятно, делают ли они что-нибудь сверх того, что смогли подсмотреть у людей, или же полностью отвергают людское бытие и его тяготы.

XII. Пора и час

Существуют два противоречащих друг другу мнения насчет эльфов и времени. Во-первых, почти по всему миру распространено поверье, что время в Волшебной стране течет гораздо быстрее, чем среди смертных. В сущности, нельзя сказать, что в Волшебной стране время вообще течет; ее обитатели обладают бессмертной природой. История Рипа ван Винкля и Оссиана известна как в Европе и в Америке, так и в Японии. Средневековую легенду об Херлеквине, приведенную в Части I, можно сопоставить со вполне современными вариантами. Один из них прислал Р. Л. Тонг в 1929 году корреспондент, записавший его со слов одного очень старого фермера.

Есть старинная сказка про эту ферму. По деревне болтался странный старикашка. Его видели по ночам и на заре; говорили иные, что он светился, как светлячок - или вот как блуждающий огонек, вы еще их называете - но языки-то у людей без костей. Заявлялся он и в полдень, но никто как-то не решался заговорить с ним, потому что одежда у него была странного покроя. Потом однажды днем он явился к нашей ферме, и тогда бабушка моя, старушка, не выдержала; встала и спросила его, как священник:

- Именем Господа нашего, зачем ты нас тревожишь? - так сказала, а потом позвала, - Эй, бедолага, зайди да расскажи, что у тебя за беда.

И тогда этот призрак серый говорит:

- Где моя мельница? Где дом моего сына под дубами? Тут на реке стоит какая-то каменная мельница, а домика никакого вовсе нет, только один старый дуб.

Тут бабушка начала понимать, в чем дело.

- А церковь? - спрашивала она.

- С утра, когда я пошел на рынок, тут была новая каменная церковь, и я обещал Бет, что вернусь скоренько. Где моя женушка?

Тут бабушка уж совсем все поняла, но ничего не сказала, а только спросила:

- А не встречал ли ты кого по дороге?

- Встречал какого-то побродягу - мы сыграли в кости, поболтали малость; он еще уговаривал меня остаться, да я не стал - Бет же меня ждет. Где моя женушка?

И тут, говорят, вспыхнул свет, налетел ветер, который пахнул, как берег ручья, поросший первоцветом, и голос, похожий на песню дрозда, позвал:

- Пойдем домой, милый мой. Тебе больше некого здесь делать. Пойдем домой!

И старый грустный призрак улыбнулся и растворился в воздухе.

Собиратель предполагает, что старика задержал в дороге Эксмурский Леший. Интересно наблюдать, какой вид приняла в Сомерсете шотландская легенда, использованная Барри в "Мэри Роуз".

Из этой истории не видно, чтобы старик действительно попал в Волшебную страну; Волшебная страна окружила его на Срединной Земле. То же происходит и в валлийских и ирландских историях, в которых человек вступает в волшебное кольцо, становится невидимым для своих спутников и, протанцевав год, уверен, что не закончил и одной джиги. {[SH_TSOF], pp. 162-7. Три весьма ценных главы посвящены чудесному течению времени в Волшебной стране.}

В этих сказках о волшебных кольцах мы видим противоречивость шкалы эльфийского времени. В Волшебной стране время течет с очень произвольной скоростью. Иногда год оборачивается девятью столетиями, иногда ночь - двадцатью годами, иногда игра, занимающая несколько минут, занимает сто лет и больше; но всегда безвременье Волшебной страны каким-либо образом связано с временем смертных. Окользованный мальчик должен был

быть спасен через год и день {[SH_TSOF], р. 163}; эльфы платят дань Аду каждые семь лет {[FJC_TEASPB], vol. I, pp. 328-9}; украденный подменыш может освободиться через дважды семь лет {[RC], р. 120}.

Возможно, эльфы и могут игнорировать время, но они привязаны к временем года. Времена, когда видят эльфов и попадают в Волшебную страну - это Майский День и окрестности Дня Всех Святых; согласно Кирку, эльфы меняют жилье в начале квартала (25 марта, 24 августа, 29 сентября и 25 декабря), и в эти дни следует соблюдать осторожность, потому что эльфы путешествуют {[RK_TSC], р. 68}. Полнолуние и дни до и после него - важные дни для эльфов. Определенные времена суток принадлежат им: сумерки, полночь и полная луна - время, когда видят эльфов. Дни недели также имеют для них значение. Само упоминание воскресенья для них - табу, как известно из сказки, в которой предложение добавить в песню эльфов воскресенье воспринимается ими как смертельная обида. Эльфийское воскресенье - пятница, и в пятницу они наиболее сильны {[FSW_ALOI], vol. II, p. 112}. Однако в Верхней Шотландии четверг, пятница и суббота - такие же безопасные дни, как и воскресенье, и эльфы не слышат ничего из того, что говорят о них по четвергам {[EW_?], р. 85}. Это поверье - местное, потому что объясняется святостью дня св. Колумбы. Среда - день опасный, такой же, как пятница {[FSW_ALOI], vol. I, p. 136}. Представляется, что как бы ни терялись во времени среди эльфов изумленные смертные, сам эльфы весьма строго придерживаются распорядка. Они активны не только в Майский День и на Всех Святых, Богородицу и Ламмас, но также и на летнее солнцестояние, и на Рождество. Эти противостоящие даты так важны и так близки друг к другу, что можно склониться к мысли, что эльфам некогда поклонялись две группы людей, одна из которых делила год пополам в июне и в декабре, а другая - в мае и в ноябре. Возможно, они были соответственно земледельцами и пастухами, потому что эльфы выражают интерес как в скотоводстве, так и в крестьянском деле.

Однако, когда мы приближаемся к безвременной Волшебной стране, в наше поле зрения попадают другие взорения. Мы здесь вплотную подходим к безвременности Рая. Тамошние эльфы явно стараются заманить смертных в Волшебную страну и удерживать их там по возможности навсегда, но их мир, похоже, меньше зависит от дел смертных, чем мир эльфов «сезонных». Сельскохозяйственных эльфов можно весьма правдоподобно представить мертвецами; погребенные под землей, они наилучшим образом могут обеспечить рост злаков; но равно соблазнительно думать о безвременных эльфах, как о мертвых. Как мы видели, многие качества у них и у мертвецов общие. Вполне возможно предположить, что безвременные эльфы произошли от мертвых, которых сжигали, а те, которых хоронили в земле, были более активно заняты в сельском хозяйстве. Возможно еще также, что безвременные эльфы изначально были богами, а их связь со смертью - более поздняя идея, вызванная смешением их с сельскохозяйственными эльфами, а так же смешением, из-за которого ангелы стали душами умерших. Весь этот вопрос требует исследования на межнациональном уровне.

XIII. Эльфийская мораль: мотив двойственности

Добрые и злые феи играют большую роль в сюжетных механизмах утонченной французской волшебной сказки. Они настолько очевидно искусственны, что мы склонны не обращать внимания ни на тех, ни на других, и заявить, что в фольклоре добрый эльф - это эльф в добром расположении духа, а злой эльф - обиженный эльф.

Это истинно в какой-то мере, но существует также определенная народная традиция доброжелательных и злобных эльфов, разного рода, которую нельзя отрицать. В "Херфордском фольклоре" Лезер, например, изложено мнение старой Мэри Филлипс со слов миссис Каммингс, домохозяйки из Понтрилас-Корта.

"Она учила нас быть очень осторожными и не обижать старых злых эльфов, а не то они могут жутко навредить нам. Они всегда сопровождали красивых и светлых эльфов, которые одевались только в белое, носили посохи в руках и цветы в волосах." {[EML_TFL0H], p. 45}

Тут мне вспоминаются спригганы, сопровождавшие маленьких и прекрасных эльфов в истории Ханта об Эльфийской горке. Возможно, это поверье встречается преимущественно в кельтских частях наших островов, а не в саксонских. Оно присутствует в детских воспоминаниях одного человека, который жив и по сей день - известного адвоката. Мне пересказала их его сестра. Этот мальчик, рассказала она в возрасте лет четырех жил на одном из островов у пастора в большом доме возле церкви. Это был нелюдимый мальчик, самый младший в семье, и он часто гулял один или ходил к рыбакам. Однажды вечером, возвращаясь домой, он увидел в церкви яркий свет и услышал звон тысячи маленьких музикальных колокольчиков. В тот же миг церковь исчезла, и он не видел ничего, кроме яркого переливающегося света. Затем свет сменился тьмой, музыка стала страшной, а плач - злобным воем. Мальчик испугался и побежал в кухню, где рассказал кухарке о том, что видел. Кухарка утешила его и сказала, что ему повезло: он видел эльфов. После этого он видел то же самое три или четыре раза, но с ослабевающей яркостью. Жуткие вопли и страх преследовали его, и он даже заболел. Но одна старушка, которой он доверял, утешила его и рассказала ему, что вопли, которые он слышал, были плачем боглов, которых добрые эльфы наказывали за то, что они прицепились к мальчику. В последний раз он видел это видение из окна веранды дома пастора. Он увидел свет и услышал далекую музыку, а потом глубокие вздохи, и не больше того. Так он понял, что эльфы больше не являются ему.

В этом рассказе что-то напоминает слова Кирка о людях, наделенных вторым зрением, которые невольно видят больше, чем им хотелось бы видеть. *"И избавиться от этого они были бы рады, потому что видят жуткие зрелища; мучения какого-нибудь призрака, страшные призрачные взгляды, кровавые стычки и тому подобное."* {[RK_TSC], p. 74} Видение это весьма похоже на то, что описывали ирландские провидцы Эвансу Вентцу. Стоит сравнить его также с психическими опытами, описанными Кейт Кристи в "Видениях". Барри, своеобразно исказивший этот аспект, опирался на подлинную традицию, когда заставил злых и добрых эльфов сражаться между собой за душу Мэри Роуз.

Старый волынщик с Барри, рассказавший Эвансу Вентцу сказку, процитированную две главы назад, проводил твердое разделение между добром и злом у эльфов:

Насколько я знаю, между эльфами и нечистой силой всегда есть приличная разница. Эльфы, как у нас считали, обходятся без материальной пищи, тогда как нечистая сила живет тем, что добудет себе. Обычно нечистые были злыми, а эльфы - добрыми, хотя я слыхал, что эльфы берут скотину и оставляют взамен своих стариков, завернутых в шкуры. Однажды слышали, как старая ведьма говорила эльфам в лощине: "Сегодня мы ничего не добудем." Старики, которых оставляют в шкурах забранной скотины, обычно внезапно исчезают.

Я видел двух людей, которых нечисть носила по воздуху - с Южного Уиста на юг до самого мыса Барра и на север до самого Гарриса. Иногда, когда нечистая сила приказывала этим людям убить на большой дороге человека, они убивали вместо человека лошадь или корову; потому что так, убий-

ством животного, они тоже выполняли приказ нечистой силы. {[EW_?], p. 106}.

Нечистые силы [*hosts*] обычно считались духами мертвых, которые зачастую враждебны к живым. Убийство предположительно совершалось эльфийской стрелкой [*elf-shot*], по методу, описанному Изобель Гоуди в 1662 г. В обоих случаях представляется, что люди могут причинить больше вреда, чем сама нечистая сила. Занятно видеть, как поверья, бытовавшие в XVII в., сохраняются в XX-ом. {[RP_ACTIS], vol. III, Part II, p. 607}

На острове Мэн мы встречаем то же представление о двух типах эльфов. Гилл во "Втором мэнском альбоме" цитирует по этому вопросу Робертсона, посетившего Мэн в 1791 г.:

Робертсону рассказали, что мэнские эльфы бывают двух видов; одни - игравые и доброжелательные, другие - угрюмые и мстительные. Первые веселы и прекрасны собой, но застенчивы; вторые живут отдельно от первых и от людей, "в облаках, на горах, в тумане, в ужасной пропасти или в пещерах на берегу моря"; где часто слышат их ужасные вопли. {[WWG_ASMS], p. 233, note}.

София Моррисон в Предисловии к "Мэнским волшебным сказкам" формулирует лаконично и просто:

Этот Малый Народец - не крохотные создания с крылышками, порхающие по многим английским волшебным сказкам. Это маленькие существаростом в два-три фута, но во всем остальном очень похожие на людей. Они носят красные шапки и зеленые куртки и очень любят охотиться - чаще всего их видят верхом на конях в сопровождении свор маленьких собак всех цветов радуги. Они язвительны и склонны к проказам, и поэтому-то их называют такими ласковым именами - на случай, если они услышат.

Затем она пишет о Финодери [*Fynderee*] и переходит к бугганам [*Bugganes*].

Но еще безобразнее, чем Финодери - Бугганы, ужасные и жестокие существа. Они могут появиться в любом обличье - как людоеды с горящими глазами и огромными головами или вовсе без голов; как маленькие собачки, которые начинают расти у тебя на глазах, пока не вырастают выше слона, а потом превращаются порою в подобие человека или исчезают без следа; как рогатые чудища, и все, что им только заблагорассудится. {[SM_MFT], pp. v-vi}

То есть, если верить ей, лучшие плохи, но худшие еще хуже.

В ирландском рукописном перекладе "Битвы при Клонтарфе" содержится яркое описание злых духов войны (1014 г. н.э.). Эльфийские возлюбленные Дунлауга О'Хартигана и Мурраха пытались удержать их обоих и предупреждали о печальном исходе битвы; но верность стране заставила витязей отказаться от сотен лет счастья в Стране Вечно-Молодого и выбрать смерть. На битву снарядились все злые воинства О'Ши, возглавляемые Баод, богиней Войны.

*Поднялась дикая, вспыльчивая, стремительная, безумная, неумолимая, буйная, темная, терзающая, беспощадная, воинственная, боевитая **Бадб** и, визжа, полетела над их головами. Поднялись также сатиры и духи, и безумные из долин, и ведьмы, и гоблины, и совы, и демоны разрушения из воздуха и из тверди, и воинство демонических призраков; и они несли с собой и поддерживали доблесть и воинственность. {[EW_?], p. 306}*

Здесь мы видим эльфов-богов; ибо ворон Бадб была богиней войны.

Во всех королевствах и графствах можно услышать о вредных и злобных эльфах, келпи, боглах, брэгах, боггл-бу, рыжих-да-красных, красных шапках, спригганах и т.п.; но и у обычного, добропорядочного и доброжелательного эльфа мораль - его собственной марки и может оказаться совсем не похожа на мораль, возложенную на смертных. По словам Элидора, эльфы очень ценят и уважают правдивость - и действительно, пытаясь обмануть их глупо; сами они также никогда не лгут напрямую и не нарушают данного обещания – но неред-

ко могут вывернуть его наизнанку. Сам дьявол более склонен увиливать, чем открыто лгать, и самые худшие из эльфов по меньшей мере столь же щепетильны в этом вопросе. Порядок превыше морали – записано в эльфийском кодексе чести. Они очень любят чистоту, спокойствие и установленные обычаи. Второе, что они ценят в людях – это щедрость; главный злодей для них – скряга и скупец, который почти обязательно будет наказан, если столкнется с эльфами. Леди Уайлд, к примеру, рассказывает о старухе, которую нарубили на части, чтобы подать на эльфийском пиру:

Там, в верхнем мире, это была гнусная скряга, ненавидевшая весь мир, злая и жестокая в словах и делах; поэтому теперь она у нас, и душа ее никогда не упокоится в мире, потому что мы разрубим ее тело на маленькие кусочки, и душа не сможет их найти, но так и будет скитаться бесплесная во мраке до скончания века. {[FSW_ALO], vol. I, p. 138}.

Эльфы высоко ценят учтивость и уважение, хотя иногда учтивость заключается скорее в том, чтобы не заметить эльфов, чем отблагодарить их. Этикет здесь не писан, но невежливость и грубые шутки у эльфов не в почете всегда.

К проблемам пола эльфы относятся чрезвычайно свободно, и здесь, наверно, мы можем проследить некоторые указания на обряды поддержания плодородия, относящиеся к ним. Поэма Кемпиона "Прозерпина - Королева Эльфов" обращается к эльфам как к покровителям счастливых влюбленных {[TC_W], pp. 21-2}. Уже в XVII в. слово "фея" обозначало леди легкого поведения. Примером тому служит один из манускриптов в Бодлейанской библиотеке, содержащий стихотворное обращение к леди Беркли, которое начинается так:

*You British Faeries,
Saffron-coloured elfes,
You stufftou puppets,
least parts of your selfes...*

*Вы, о Британские Феи,
в шафран облаченные эльфы,
Набитые куклы,
ничтожные части самих себя...*

{[B_M] f. 16v} Это слово и сейчас иногда употребляется в этом значении, хотя теперь оно чаще применяется к гомосексуалистам. Определенная фривольность всегда присуща эльфам, как показывает игравая история, рассказанная в "У нашего очага", маленькому памфлете начала XVIII в.:

Благородная Леди и ее Муж собрались отбыть в Деревню и сочли наилучшим удалиться от Города на расстояние четырех или пяти Миль до наступления Ночи, сев в Дилижанс, дабы избегнуть Церемонии прощания с Друзьями, каковая обыновенно бывает более утомительна, нежели желанна в подобных Обстоятельствах. Они остановились на Ночь в Поселке, где водились Эльфы; и около Двенадцати Часов появилась маленькая Женщина, не большие Мизинца, и тотчас же вслед за ней – маленький Священник, а также большое Количество Народу, а также Повивальная Бабка с Младенцем в Руках. Силою, я полагаю, их Волшебства для всех собравшихся явились Скамьи. Оказалось, что им нужна Крестная Мать для Младенца, дабы окрестить его в ту Ночь; и Эльф-Отец сказал: "Леди, присутствующая в Зале, окажет нам эту Честь"; "Воистину", - возглашает тут все Общество, - "это славная Мысль"; и тогда Эльф-Отец подходит к Постели и обращается к Леди со своей просьбой. Леди охотно совершила все Должное; и за это Эльф-Отец подарил ей большое Кольцо с Алмазом. Все это время Муж Леди был недвижим, как Церковь, и ничего не знал о Случившемся. Но наутро, по Счастью, Положение изменилось; он узрел прекрасное Кольцо на Пальце своей Жены; "Откуда у тебя это, Дорогая?" - спрашивает он. "Веришь ли, Любовь моя," - отвечает она, - "Эльфы были здесь этой Ночью," - и рассказала ему всю историю чудесного Крещения. {[RAOCF], pp. 43-4}.

Эльфы обоих полов часто заводят амурные приключения со смертными; взаимные обвинения Оберона и Титании лежат вполне в русле народной традиции; но они также не прочь и впредь иметь любовные дела с людьми; и такие эльфийские обряды, как те, что приурочены к празднованиям Майского Дня, равно как и сбор орехов на Всех Святых, имеют под собой сексуальную подоплеку.

Эльфы, как следовало ожидать, не чтят респектабельности, и законченный деревенщина может заручиться их расположением так же легко, как и любой другой. В истории, которую записал Р. Макдональд Робертсон, старый самогонщик Дональд Фрэйзер был очень дружен с эльфами, что танцевали на Белых Источниках возле Эссяйт-Хауза; они научили его применять !!grandavy для лечения экземы. Однажды ночью Дональд неразумно назначил встречу дьяволу, пообещав привести его в свою винокурню. В ту ночь, проходя мимо Белых Источников, Дональд услышал, как Малый Народец шепчет: "Осторожно, Дональд Фрэйзер! осторожно, Дональд Фрэйзер!" Однако, он не внял предупреждению, и лукавый погубил бы и его, и его спутников, если бы их не спасла белая куропатка, которую Дональд пригрел по зиме. Возвращаясь с победой, он слышал, как Малый Народец радуется его спасению; они пришли к нему в гости и угостились бочонком свежевыгнанного виски {[RMR_MHFT]}, pp. 66-70].

В том, что касается уважения к людскому добру, честность для эльфов не значит ничего. Они считают себя в полном праве присваивать все, что им нужно, и все, что им вздумается, включая и самих людей.

В целом можно сказать, что если эльфов должным образом уважать и обращаться с ними почтительно, позволять им брать все, что им заблагорассудится, и питаться всем, чем они хотят, а также не мешать им в их весельях и путешествиях, то эльфы будут относиться к людям с теплотой, помогут им, если смогут, и будут рады их обществу.

XIV. Подменыши и повитухи

Всякий знает, что эльфы падки на человеческих детей и похищают их, когда только могут. Никакой рассказ об эльфах не будет полон без упоминания об этой практике. В древних хрониках Гервасия Тилберийского и Ральфа Коггсхолльского, во времена елизаветинского упадка и в наши дни, в кельтских и саксонских местностях равно - дело обстоит примерно одинаково. Вариации возможны в причинах подмен и в природе подменышей, но общий сценарий обычно один и тот же.

Самой частой причиной, которая приводится как объяснение, является то, что золотоволосые, красивые дети нужны эльфам для того, чтобы улучшить род эльфов, обыкновенно темных и волосатых; иногда говорится, что эльфы платят дань преисподней, и не хотят выплачивать ее своими собственными детьми; иногда, похоже, дети людей становятся служителями эльфов. Смертных всех возрастов и обоих полов завлекают в Волшебную страну; но некрещеные дети, "маленькие язычники", находятся в особенной опасности, если не принять некоторых мер предосторожности - повесить над ними раскрытие ножницы, воткнуть в их одежду булавку, положить поперек колыбели отцовские штаны или очертить вокруг детей огненный круг. Эти меры предосторожности вполне могут быть старше христианства. Явно христианские знаки - кропление святой водой и знак креста - считались, конечно же, действенными, но и в языческие времена могли считать, что отсутствие у ребенка имени подвергает его опасности; потому что в некоторых историях, таких, как "Short-Hoggers of Whittinghame", прозвище считалось достаточным для того, чтобы высвободить мелкого духа {[RC_TPROS], p.334}.

Подменыши, оставленные вместо маленьких людей, описываются разнообразно. Иногда говорится, что это эльфийские дети, которые не растут, никогда не поправляются и постоянно требуют человеческого молока; иногда это ветхие эльфы-старички, нуждающиеся в постоянном уходе; иногда это куски дерева или грубо вырезанные чурки, которые искусственно оживляются на некоторое время. Видимо, именно такой пример приводится в шотландской сказке "Помни о кривом пальце". Молодой отец замечает группу эльфов, занятых чем-то возле самого его дома, и слышит, как один из них говорит другому: "Помни про кривой палец!" Кривой палец был у его жены, и эльфы мастерили ее куклу. Предупрежденный этим, муж смог спасти свою жену, а бревно, вырезанное в ее подобие, долгие годы использовали как плаху для колки дров {[_SFAFT]}, pp.123-4. По рукописи Дж. Г. Олласона}. В другой сказке эльфы в стихах описывают родителей, черты которых нужно изобразить.

Необычная сказка об эльфийской матери, которая предпочла своего ребенка, хоть тот и был некрасив, всем подменышам, рассказывается в "Древних легендах Ирландии" леди Уайлд.

Мать новорожденного ребенка лежала однажды рядом со своим спящим мужем, как вдруг открылась дверь, и вошел высокий черный человек в сопровождении старухи со сморщенным волосатым ребенком в руках. Они посидали у огня, а потом мужчина встал и заглянул в колыбель. Мать разбудила мужа, который выскоцил из постели и попытался зажечь свечу. Дважды свечу задували, но муж схватил свечу и набросился на старуху. Наконец, он выгнал ее из дома. Он зажег наконец свечу, и тут они увидели, что их ребенок пропал, а на его месте лежит маленький безобразный бесенок. Родители горько заплакали. Тут дверь открылась снова, и вошла молодая женщина в красном платке. Она спросила их, о чем их горе, и они показали ей то, что лежало в колыбели. Увидев его, она рассмеялась от радости и сказала:

- Да ведь это мой ребенок, которого укради у меня этой ночью; ибо я из эльфов, что живут под холмом, и нашему народу понравился ваш красавчик, но мне-то по сердцу только мой! Теперь я заберу его и скажу вам, как вернуть назад вашего.

Она научила их принести в эльфийский холм три снопа соломы, сжечь их один за другим и грозить сжечь также весь холм, если им не вернут их ребенка. Она также велела им беречь ребенка и повесить ему на шею для за-

щиты копытный гвоздь. Они сделали все так, как она сказала, и когда отец поджег третий сноп, старик вынес из волшебного холма их ребенка, предупредив, чтобы муж в тот же вечер очертил колыбель ребенка красным углем из очага. Муж сделал, как ему было велено, и с тех пор между ним и эльфами был мир, и он не позволял трогать эльфийский холм {[FSW_ALOI], Vol. II, pp. 149-52}.

Есть и другая, более подробная сказка, записанная леди Уайльд на Иннис-Сарке, в которой эльфийская мать также предпочитает своего собственного ребенка. В той сказке человеческая мать приходит к эльфийскому двору, и видит там великолепие и чары, напоминающие некоторые места артурианских легенд {[FSW_ALOI], Vol. I, pp. 119-24}.

Как правило, эльфийский подменыш стар, и уловка заключается в том, чтобы заставить его выдать свой возраст - "Стар я, стар, ох, как стар!", или "Видел я, как три леса выросли и рухнули, но ни разу не видел до сих пор, чтобы пиво варили в яичной скорлупе!" Сказка о приготовлении еды в яичной скорлупе самая частая, но иногда подменыш выдает себя из скуки, неосторожно разговорившись с зашедшими портными. Порою в такого рода сказке подменыш нестерпимо скучает по игре на волынке. Иногда подменышей бывает два, и их застают за не по годам умным разговором.

Когда подмена обнаружена, обычные способы избавиться от подменыша были жестокими и страшными. Немало человеческих детей пострадало от них. Подозрение в подмене зачастую падало на детей, страдающих дефектом щитовидной железы или детским параличом. Если родители и соседи ограничивались традиционными проверками на волшебную речь, ребенку уже приходилось несладко; но не всегда они бывали столь терпеливы. Еще в начале века в Ирландии соседи сожгли ребенка до смерти, положив его на раскаленный сошник; было также отмечено несколько случаев, когда детей клали на навозную кучу, и они умирали от холода. Иногда матери велели заботливо ухаживать за подменышем, чтобы эльфы так же заботливо ухаживали за ее ребенком. В одной сказке из Скандинавии эльфийская мать, возвращая человеческого ребенка говорит с редким великодушием: "Вот ваш ребенок; я ухаживала за ним лучше, чем вы за моим" {[TK_FM], p.126}.

Пример обычной истории о подмене в том виде, в каком она рассказывается по всей стране, можно найти у Е. М. Лезер. Она записана со слов Джейн Пробент, жительницы Кингтона, рассказавшей ее в Хоммель-Хоппъярде, Уэбли, в сентябре 1908 г. Рассказчица верила этой истории, потому что слышала ее от другого человека, который "знал, что это правда".

У одной женщины был ребенок, который никак не рос; вечно он был голодный, никак не мог наесться, и так и лежал в колыбели год за годом, не ходил, и ничего ему не помогало. Лицо у него было волосатое и странное такое. Однажды старший сын этой женщины, солдат, вернулся с войны и удивился, увидев, что его брат все еще в колыбели. Но, посмотрев на него внимательно, он сказал: "Мама, это не мой брат." "Твой, твой," - сказала мать. "Посмотрим." - сказал он. И вот, он достал свежее яйцо, выдул его, а потом засыпал в него сусло и хмель. Затем он поставил яйцо на огонь и сел помешивать. Тут из колыбели послышался смех. "Уж на что я стар," - сказал подменыш, - "а ни разу не видел до сих пор, чтобы солдат варил пиво в яичной скорлупе!" Тут он громко завизжал, потому что солдат вытянул его кнутом, и принял гонять его по комнате - его, который не вылезал из колыбели! Наконец, тот выскочил в дверь, а когда солдат погнался за ним, на пороге он встретил своего давно потерянного брата. Ему было уже двадцать четыре года, он был славный малый, здоровый и видный собой. Эльфы держали его в прекрасном дворце под скалами, и кормили лучшим, что только у них было. Так хорошо ему никогда уже не будет, сказал он, но когда мать позвала, ему пришло вернуться домой. {[EML_TFLOH], pp.46-7}.

Существует множество рассказов о предотвращенных попытках эльфов похитить ребенка. В одном, рассказанном у леди Уайльд, эльфам содействуют ведьмы, потому что человек, проходящий мимо одного дома поздно ночью, слышит разговор двух женщин, и одна из них говорит: "Я положила на место мертвого ребенка и забрала того. Подожди, пока взойдет

луна, а потом отнеси его эльфийской королеве, и получишь ту плату, что я тебе обещала." Затем они ушли ужинать, а человек забрался в окно, забрал спящего ребенка и отнес его своей матери. Поутру по всей деревне поднялся плач, потому что новорожденный прекрасный сынок лорда ночью умер, а на его месте лежал сморщеный трупик, такой обезображеный, что никто не мог узнать его. Человек, нашедший ребенка, пошел с другими посмотреть на тельце, и громко засмеялся, увидев его. Он уговарил лорда зажечь огонь, а потом подошел к колыбели и сказал тому, что лежало в ней: "Если ты сейчас же не выскочишь отсюда, я брошу тебя в камин!" Трупик ухмыльнулся, открыл глаза и выпрыгнул из постели; но человек оказался шустрее. Он схватил его и бросил в огонь. Как только пламя коснулось его, он превратился в черного котенка и скрылся в трубе. Тогда человек принес сына лорда, и тот был удачлив все свои дни, спасвшись от эльфов {[FSW_ALO], Vol. I, pp. 170-2}.

Не только младенцев, но и детей постарше часто уводят эльфы; после некрещеных детей в самой большой опасности находятся роженицы, еще не ходившие в церковь. Их уносили в Волшебную страну и делали кормилицами для эльфийских детей. Иногда их уносили на огромные расстояния, потому что существует сказка о шотландце, который увидел рой эльфов, несших что-то, и, не растерявшись, кинул им свой берет, крикнув "Меняю то на это!" Согласно этикету, эльфы не могут отказаться от такого предложения, поэтому они схватили его берет и бросили свою ношу – это оказалась прекрасная благородная леди, которая спала крепким сном. Шотландец отнес ее домой, но когда она проснулась, ему не полегчало: он не понимал английского, а она – гэльского. Леди прожила у шотландца и его жены несколько лет, пока счастливая случайность не привела в те места ее мужа и сына – чиновников, нанявшимся служить на Большой Тракт. Эльфы с их ношей путешествовали из Нижней Шотландии {[RGS_TPSOFTH], pp.116-20}. Однако проделывать столь дальний путь за своей добычей для эльфов нехарактерно; обычно опасность представляют эльфы из холмов по соседству. Существует множество историй о таких похищениях, иногда счастливо заканчивающихся возвращением женщины, как в случае с Мэри Нельсон, которую спас ее брат, о чем рассказал сэр Вальтер Скотт {[WC_MOTSB], Vol. II, pp. 372-5, note}, но, пожалуй, чаще трагически, когда спасти женщину не удается – иногда из-за ревности второй жены, на которой слишком поспешно женился соломенный вдовец {[SM_MFT], pp. 79-81}.

Эльфы высоко ценят женское молоко; представляется, что существовало поверье, будто оно может дать эльфийскому ребенку человеческую душу. У Кромека есть история о кормящей матери, к которой пришла эльфиянка с ребенком, умоляя дать ему хоть глоток молока. Мать согласилась, и эльфиянка благословила и вознаградила ее {[RHC_ROGANS], p.302}.

Повитуха почти так же важна для эльфов, как и кормилица; иногда кажется, что эльфийский ребенок просто не может родиться без человеческой помощи. Самый старый рассказ об этом, приведенный Гервасием Тилберийским о драках, похож на сотни других. Здесь мы находим повивальную бабку, поднятую среди ночи, волшебную мазь и ослепление видящего глаза. Ту же сказку с вариациями рассказывают в Сомерсете, в Нижней Шотландии, на Севере Англии и в Ирландии. Валлийская история, рассказанная Джоном Рисом в "Кельтском фольклоре", возможно, объясняет и необходимость повитухи из людей, и использование волшебной мази. Ее записал по-валлийски Уильям Томас Соломон, старый валлиец, рассказавший ее, и Джон Рис приводит в своей книге и оригинал, и перевод.

Давным-давно жили-были в Гарт-Дорвене старик со старухой. Они пошли в Карнарвон на Ярмарку Всех Святых подыскать себе девку в служанки; а тогда был такой обычай, что молодые люди и девушки, искающие места, выходили и вставали на верхушке нынешнего Мэя, на маленьком зеленом холмике, где сейчас почта. Старик со старухой пошли к тому месту и увидели там девушку с желтыми волосами, стоявшую чуть в стороне от остальных; старуха подошла к ней и спросила, не ищет ли она себе места. Та ответила, что ищет, и так она нанялась к ним на срок.

В те времена долгими зимними ночами после ужина садились прядь. И вот, служанка ходила прядь на луг, при лунном свете, а Тильвит Тег приходили к ней попеть и поплясать. Но однажды весной, когда дни стали длиннее, Эйлиан бежала с Тильвит Тег, и ее больше не видели. Поле, где ее видели в

последний раз, до нынешнего дня называется Полем Эйлиан, а луг называется Девкиным Лугом.

Старуха из Гарт-Дорвена частенько укладывала в постель женщин, и ее звали отовсюду. Однажды ночью спустя сколько-то времени после бегства Эйлиан к ней пришел человек - луна была полная, шел мелкий дождик, и стоял туман - чтобы отвести старуху к своей жене. Ну, она и поехала за неизвестным на его лошади, и они приехали к Рес-и-Курту. А в то время посередине роса было что-то вроде холмика, похожего на древнюю крепость, и стояло много камней, а с северной стороны большой каменный каирн - его можно увидеть и сегодня, и называют его Брин-и-Пибион, но сам я там ни разу не был.

Приехав туда, они вошли в огромную пещеру, а в ней - в комнату, где лежала в постели его жена; это была красивейшая комната, что видела старуха за всю свою жизнь. Когда старуха удачно уложила женщину в постель, она подошла к огню, чтобы одеть ребенка; и когда она закончила с этим, к ней подошел муж женщины с баночкой мази, чтобы она помазала ею глаза ребенка; но он предупредил, чтобы она сама не касалась своих глаз этой мазью. И как-то так вышло, что когда старуха мазала мазью глаза ребенка, у нее у самой зачесался глаз, и она пртерла его тем же пальцем. И тотчас же тем глазом она увидела, что женщина лежит на связках тростника и папоротников в пещере, где повсюду лежат булыжники, а в углу еле тлеет костер, и к тому же она увидела, что женщина эта - та самая Эйлиан, что служила когда-то у нее; а другим глазом она продолжала видеть дворец, какого в жизни не видывала.

Спустя сколько-то времени старая повитуха отправилась в Карнарвон на рынок, там ей встретился тот же человек, и она спросила его:

- Ну, как там Эйлиан?

- Да все ничего, - ответил он. - Только которым глазом ты видишь меня?

- Вот этим, - отвечала она; тогда он схватил камышину и тотчас же выбил ей тот глаз. {[JR_CF], Vol. I, pp. 211-13}

Профессор Рис добавляет, что в устном рассказе Соломон упомянул, что когда Эйлиан пряла с эльфами, она возвращалась с огромными количествами пряжи. Старый Соломон узнал эту сказку от своей матери, которая лет восемьдесят назад услышала ее в Гарт-Дорвене. Видимо, светлые волосы Эйлиан сделали ее особенно привлекательной для эльфов. Вполне может быть, что это единственная полная история о повитухе для эльфов, которая начинается похищением у людей невесты, уже выделяющейся среди своих сверстников, когда ее нанимают на службу, продолжающаяся рождением полу-эльфийского ребенка и вызовом к его родам повитухи. Можно задуматься, не являются ли все истории об Эльфийской повитухе второй частью этого сюжета, и представить себе, что повитуха нужна женщине из людей, а волшебная мазь требуется только для того, чтобы дать волшебное зрение полу-эльфийскому ребенку. Мы можем предположить также, что мазь никогда не касалась глаз Эйлиан, и что чары были напущены на пещеру ради нее самой.

Можно вспомнить, что в памфлете XVII в. "Робин - Славный Малый" {[_RGHMPAM]}, который Альфред Нант назвал последним из рассказов о детях богов, Робин унаследовал проказливую натуру эльфов, но волшебную силу должен был получить от своего сверхъестественного отца. Вполне может оказаться также, что в сказках Ханта, тесно связанных с этим сюжетом - "Эльф-вдовец" и "Черри из Зеннора" - первая жена Вдовца была такой же женщиной из людей, как и Черри, и потому умерла; а ребенку нужна была мазь для обострения зрения, потому что он был наполовину человеком. Это упорядочило бы весь предмет; но насколько рационализм присущ народной традиции - это другой вопрос.

XV. Эльфийские жены и любовники

Конец предыдущей главы непосредственно подводит нас к амурным делам между эльфами и людьми - к женщинам, украденным эльфами, а от них - к эльфийским женам, захваченным или завлеченным людьми. Известны и другие, менее регулярные связи людей с эльфами обоих полов. Леди Уайльд дает нам полный отчет об украденных людях:

Недобрые чары эльфийского взгляда не убивают, но вводят их объект в подобный смерти транс, в котором настояще тело его переносится в какой-нибудь эльфийский дворец, а на его месте остается бревно или какое-нибудь безобразное существо, облеченое тенью украденного. Девушки, славящиеся своей красотой, юноши и красивые дети - главные жертвы эльфийских нападений. Девушек выдают замуж за эльфийских вождей, а юноши женятся на эльфийских королевах; если же дети смертных оказываются недостаточно хороши, их отсылают обратно и вместо них уносят других. {[FSW_ALOI], vol. I, p. 52}.

Сюжет Эльфийской жены приобрел наибольшую популярность, потому что эта драма разворачивается на глазах у людей. Некоторые заходят так далеко, что предполагают, будто эльфов мужского пола вовсе не бывает, и что эльфийские поверья демонстрируют крайне примитивное состояние человеческой культуры, когда понималось лишь рождение ребенка, а не его зачатие. Исследование хотя бы историй леди Уайльд показывает, что это мнение неверно. Например, в сказке "Фея Лин-и-Фан-Фаха" появляется отец феи, который заключает сделку со своим будущим зятем {[JR_CF], vol. I, pp. 2-12}. В валлийских сказках сверхъестественные невесты всегда эльфийки, очень часто - озерные девы; в шотландских горах это чаще всего тюлени, имеющие первого мужа-тюленя, которого они любят больше; и удерживают их не ухаживание и подарки, но кража их тюленьей кожи, в чем они приближаются к Царевне-Лебедь - сюжету, который широко распространен на континенте и встречается также в Шотландии в некоторых версиях сказки "Нихт-нохт-ничего" - сказки, в которой также безусловно важен отец.

Элиан из истории, рассказанной в предыдущей главе, вступила в брак, как представляется, по любви - как это сделала бы Черри из Зеннора, если бы не нарушила табу на мазь и не была изгнана из Волшебной Страны. Как правило, однако, девушки, попавшие в Волшебную страну, взяты туда против их воли, часто - со свадебного пира. Кражи такого рода сорвалась в "Хозяине и слуге" Крофтона Крокера {[TCC_FLOTSOI], vol. I, pp. 159-69}, вульстерской сказке о Джеми Фриле {[WBY_IFAFT], pp. 52-9 'Jamie Freel and the Young Lady'}. Рассказано Летицией Маклинток} и в "Украденной невесте" у леди Уайльд {[FSW_ALOI], vol. I, pp. 49-51}.

Самая поэтическая история о невесте, которую возжелал эльф и в конце концов унес ее к себе в Волшебную страну, рассказана в ирландской легенде о Мидире и Этайне {[AG_GAFM], pp. 88-100}. В древней версии этой истории Этайн - эльфийская невеста короля Мидира, которого ревнивый соперник превратил в мошку; мошку проглотила смертная женщина, и Мидир переродился человеком. Мидир искал Этайн в верхнем мире и наконец нашел ее замужем за королем Эохайдом; с помощью колдовства он выиграл ее в шашки. Эту версию использует Фиона Маклеод в "Бессмертном часе", и в ней изначально право на Этайн принадлежит Мидиру, хотя и король Эохайд не виноват ни в чем. Чрезвычайно сложный способ, которым перерождались люди в древней Ирландии, затруднял жизнь всем.

Письменная легенда сохранилась в устной традиции, и леди Уайльд записала образец ее с несколько смещенным фокусом, а именно - в рамках традиции Пещерных эльфов, считающихся последними из Туата Де Дананн.

Однажды король Мюнстера застал за купанием прелестную девушку и решил сделать ее своей королевой. Имя ее было Эдайн, и она была прекраснейшей из женщин во всей Ирландии. Король Мидар из Туата Де Дананн прослушал о ней и, изменив свой облик, явился во дворец мюнстерского короля и вызвал его на игру в шашки - победитель сам должен был назвать свою награду. Мидар выиграл и потребовал себе Эдайн, но сказал, что не тронет ее год и один день. Король Мюнстера запомнил время и, когда пришел срок, окружил свой

дворец тройным кольцом стражи и заполнил его воинами. Внезапно во дворце появился Мидар, но лишь один король видел его. Мидар заиграл на золотой арфе и спел королеву песню, приглашая ее в страну Дивных Возлюбленных. Он обнял ее, и она пошла за ним, без желания, но не имея сил сопротивляться, и король Мюнстера никак не мог удержать их. Когда они ушли, он проснулся словно бы ото сна и призвал всех королей Ирландии разрыть волшебные курганы и снести крепости Дананн, потому что по исчезновению Мидара, он понял, что то был один из вождей Туата Де Дананн. Он попытался обнести стеной конюшни волшебных коней и уморить их голодом, но кони вырвались, и при виде их короли забыли об Эдайн и принялись ловить чудесных животных. Тогда король призвал к себе главных друзей и заставил их пустить в ход все свое волшество, чтобы вызнать, где скрывается Эдайн. Те наконец выяснили, что она - в центре Ирландии, в крепости короля Мидара. Тогда король раскапывал и жег крепость, пока не сровнял ее с землей. Когда же воины добрались до самых ворот эльфийского дворца, ворота открылись, и вышли пятьдесят прекрасных женщин, так похожих на Эдайн, что король растерялся. Но едва Эдайн увидела своего мужа, как заклятье ее рухнуло, и она шагнула к нему; он посадил ее на своего коня, и они вместе ускакали во дворец в Таре, где и жили счастливо до конца своих дней. После этого силы Туата Де Дананн стали уменьшаться, пока они не стали всего лишь Пещерными эльфами, что водятся в Ирландии и по сей день {[FSW_ALOI], vol. I, pp. 179-82}.

Здесь мы видим перенос симпатии с эльфов на людей, так как здесь Эхайд, а не Мидир, имеет право на Эдайн.

У. У. Гилл во "Втором мэнском альбоме" отмечает, что на острове Мэн некоторые аномальные состояния до сих пор втайне считаются последствиями сношений с эльфами или духами. В Лезэйре некоторое время назад одна девушка стала худеть и чахнуть, и мать заподозрила ее в сношениях с духами. Девушка все отрицала, но мать принялась тайно следить за ней и через некоторое время увидела, как та танцует с эльфами на склоне холма над церковью. Она не решилась подойти, но поутру задала дочери такую порку, что бедная девушка едва могла держаться на ногах. Вскоре после этого девушка умерла, и всеобщим мнением было, что она ушла к эльфам навсегда {[WWG_ASMS], pp. 228-9}.

Молодые люди, унесенные в Волшебную страну, чтобы жить со своими эльфийскими возлюбленными, как Оссиан, встречаются в современной традиции реже. Однако леди Уайлд записала одну сказку:

На Майский Вечер внезапно умер юноша. Он спал под стогом сена, и родители и друзья его сразу же поняли, что его унесли в эльфийский дворец на Гранардском рву. Послали за известным эльфознатцем, который пообещал, что вернет юношу за девять дней. Он потребовал, чтобы для юноши в одном месте на рву каждый день оставляли лучшую еду и питье. Это было исполнено, и еда всегда исчезала – так знали, что юноша жив и по ночам выходит из рва за пищей, оставленной для него его близкими.

На девятую ночь большая толпа народа собралась посмотреть, как юношу вернут из Волшебной страны. Посреди толпы стоял эльфознатец и творил заклинания огнем и порошком, который он сыпал в пламя, отчего поднялся густой серый дым. Затем, сняв шляпу и взяв в руку ключ, он трижды позвал громким голосом: "Выходи! Выходи! Выходи!" На это из дыма поднялась тень, и послышался голос: "Оставь меня в покое; я счастлив со своей эльфийской невестой, и пусть мои родители не плачут обо мне, потому что я принесу им удачу и буду всегда охранять их от зла."

После этого тень исчезла, дым рассеялся, и родители успокоились. Они поверили видению и, одарив эльфознатца подарками, отослали его домой. {[FSW_ALOI], vol. I, p. 200}.

Тут есть противоречие, которое могло бы насторожить родителей юноши. Еду оставляли для того, чтобы юноше не пришлось отведать эльфийской еды - что навсегда привязало бы его к Волшебной стране. Если он каждую ночь забирал ее, значит, он хотел освободиться; в то же время, когда его вызвали, он попросил оставить его у эльфов. Если родители

не заподозрили эльфознатца в мошенничестве, то стоило бы подумать, что эльфы силой заставляют их сына говорить так. Однако, так или иначе, "родители успокоились".

Приходящий эльф-любовник не так часто встречается в традиции, как эльфийский муж или жена. Эванс Венц сообщает об одной назойливой эльфийке, которая последовала за своим пассией в Америку {[EW_?], pp. 112-13}; и знаем мы также о Лианнон-Ши, или эльфийской ухажерке, на острове Мэн. Она принадлежит к тому же классу, что и Ламия или суккуб. Как и Ламия, она часто водится в источниках и прудах. Она - что-то вроде вампира, и губит того, к кому привязывается, душой и телом. Шропширский Эльф-Ухажер, историю о котором я приводила в I части, во многом того же рода. Эльф-любовник, навещающий тайно свою возлюбленную, встречается в сказке, записанной Джоном Грегорсоном Кэмпбеллом в "Утраченных кельтских традициях", том. V. Это странная сказка, проливающая некоторый свет на разные отжившие обычай и моменты жизни в Горах.

Некогда жили в Мулле две сестры, Милашка Маргарет и Темная Эйльса. У Милашки Маргарет был любовник-эльф, который тайно навещал ее. Она была так счастлива в своей любви, что поделилась своей тайной с Эйльсой, умоляя ее не говорить об этом никому. Эйльса сказала: "Скорее из моего колена уйдет тайна, чем из моего рта"; но она нарушила слово, и скоро весь город знал об эльфийском любовнике Милашки Маргарет. Люди стали пялиться на нее и шептаться, и оскорбленный эльф покинул Маргарет навсегда.

Потеряв свою любовь, Маргарет не возвращалась большие в человеческий дом; она бродила по холмам, и время от времени пастухи видели ее и слышали ее жалобные песни об одиночестве, тоске по отцу и матери и о предательнице-сестре. Маргарет наложила на Эйльсу проклятие, пожелав ей нужды и несчастий и предсказав, что из-за ее предательства зло падет на нее и ее потомство.

Однако, пока ничего не случалось. Эйльса вышла замуж и родила сына, которого назвали Торкилем. Вот тогда снова услышали, как Маргарет - или ее призрак - жалуется, что у Эйльсы есть сын, который охотится, рыбачит и жнет лучше всех. Слова ее оказались правдивы, потому что, когда Торкиль вырос, он мог жать рожь за семерых. Этот-то дар и погубил его.

Однажды в страду, когда в полях налился колос, из каирна вышла эльфиянка и принялась жать рожь на всех полях, готовых для жатвы, от заката до восхода. Она жала за семерых мужчин. Торкиль принял это как вызов и захотел встретиться с Девой из Каирна, но никак не мог увидеть ее. Однажды воскресным вечером, едва вышла луна, он проходил мимо одного поля и увидел, как она принимается за работу. Он побежал, схватил свой серп и стал жать соседнюю с ней полоску, сказав: "Ты хорошо жнешь, да я от тебя не отстану."

Он трудился изо всех сил, но она опережала его. Тогда он позвал:

"Дева из Каирна! Подожди меня! Подожди меня!"

Но она отвечала:

- Красавец темноволосый, догони меня, догони меня!

Торкиль трудился изо всех сил, пока облако не закрыло луну, и тогда он крикнул:

- Луну закрыли тучи! Подожди меня! Подожди меня!

Но она отвечала:

- У меня нет другого света! Догони меня! Догони меня!

Тогда он крикнул:

- Я устал, я работал вчера. Подожди меня! Подожди меня!

И она отвечала:

- Я поднялась на гору с семью крутыми вершинами. Догони меня! Догони меня!

Так прошла ночь. Близился рассвет, и он крикнул ей:

- Мой серп затупился. Подожди меня! Подожди меня!

И она отвечала:

- Мой серп не режет чеснока. Догони меня! Догони меня!

На этом она добралась до конца своей последней полоски и стала ждать его. Он поравнялся с ней, схватил последний сноп – Деву-Рожь – и срезал его. Они посмотрели друг на друга, и он сказал:

- Ты отвела от меня Старуху-Нужду на этот год! Мне есть, за что благодарить тебя.

Но она сказала:

- Дурное это дело – сжать Деву-Рожь заутро в понедельник!

И с этими ее словами он замертво пал к ее ногам со снопом ржи в руках. Так было отмщено предательство Дун Эйльсы. Дева ушла в свой Каирн, и больше ее не видели {[JGC_STAPT], vol. V, pp. 95-9}.

Это очень колоритная сказка. Так и видишь горное поле, дышащее соленым морским воздухом, слышишь два перекликающихся голоса под бледнеющей предрассветной луной. В то же время это – весьма непонятная сказка. Непонятно, была Дева из Каирна самой Маргарет, ее призраком или дочерью, родившейся после того, как ее возлюбленный оставил ее. По тому, как Маргарет ушла в Волшебную страну, представляется, что она так и не соединилась со своим возлюбленным. Эта сказка – поздняя частичная версия легенды об Амуре и Психее.

Старуха-Нужда здесь – не просто фигура речи. По горным обычаям, если в селении жила старая женщина без средств к существованию, то тот, кто сжал последнюю полоску поля, был обязан взять ее на зиму в свой дом.

В этой сказке любовник жесток, но, в сущности, не зол. Красавицы кельтских стран встречались, как правило, с более опасными персонажами. Ирландский Люборечник [*Love Talker*] бродил по долинам в облике прекрасного юноши с трубкой в зубах. Девушки не могли противиться ему, но, переспав с ними, он исчезал, и они никогда больше его не видели, отчего чахли и умирали. Сомерсетская песня "На моей любви земляной венок", возможно, рассказывает о человеке, но традиционно принято считать, что это песня об эльфе того же рода, что и Люборечник. слова этой песни полностью приводятся в "Сомерсетском фольклоре". Первая строфа выглядит так:

*O my love wore a garland of may,
O my love wore a garland of may,
And she looked so nice and neat
To her pretty little feet
When she met her false lover in the dew.*

*На моей любви был венок из боярышника,
На моей любви был венок из боярышника,
И она так мило потупила взор,
Повстречав свою неверную любовь в росе.*

{[RLT_SF], pp. 207-8}

Боярышник, конечно же, эльфийский цветок, и носить его людям небезопасно.

Водяной Конь в Шотландских горах еще опаснее. Он часто прикидывается красивым юношем, которого можно опознать по песку и раковинкам в волосах, и имеет привычку утаскивать своих возлюбленных под воду и там пожирать. Русалки и речные духи равнозначны юношам, но я уже писала о них в разделе, посвященном водяным духам, чаще опасным, чем дружелюбным.

XVI. Встречи с эльфами и странные происшествия

Встречи с эльфами почти всегда коротки, потому что при обычных обстоятельствах люди могут видеть их только между двумя мгновениями ока. В старину детям часто делали замечание не смотреть на что-нибудь, не мигая, считая, что они стараются увидеть эльфа; а это считалось опасным. Это свойство эльфов делает доказательство их существования затруднительным; однако оно сохраняется во многих вполне современных их описаниях. К примеру, во "Втором мэнском альбоме" Уолтера Гилла есть описание встречи с эльфами одного его друга из Ливерпуля, который долгое время жил на Мэне и был знаком с мистером Гиллом тридцать пять лет.

Около 34 лет назад, будучи в возрасте 23 лет, в 10 часов утра ясным летним утром он шел по невысокой траве под отвалом на восточной стороне Глен-Алдинских сланцевых выработок, расположенных много выше населенной части Глена. Внезапно он остановился, едва не наступив на что-то живое в двух-трех ярдах перед ним. Это были пять маленьких человечков, которые танцевали в кругу, взявшись за руки. Они были ростом 18 дюймов, цветом кожи сероватые, как грибы, тела их заметно выдавались спереди, конечности и глаза были четко различимы, и в танце они кивали головами. Он говорит о них как о "мужичках", потому что у него осталось четкое впечатление, что они были мужского пола. Он смотрел на них недолгое время, а потом они исчезли из виду, и не осталось ничего, кроме травы. Решив, что его обманывают глаза или разум, он пришел на это же место поутру спустя пару дней, и снова увидел их, так же, как в первый раз. Он почти никому не рассказывал об этом, боясь, что его поднимут на смех.
{[WWG_ASMS], pp. 230-1}.

Этот весьма прозаический и обыденный рассказ напоминает одно из самых старинных описаний эльфов, и имеет ту же убедительность. Эванс Венц добыл от члена Палаты Ключей один необычный рассказ об эльфах, в котором они, в отличие от только что описанных, были совсем маленькие.

Другая мэнская встреча с эльфами, о которой рассказывает У. Гилл, тоже связана с каменоломнями. *"Друг сказал ему, что отправился рано утром на выработку на соседнем поле, и наткнулся на двух из Них. Они были совсем малыши, два-три фута ростом; на них были красные шапочки, и едва заметив, что он смотрит на них, они убежали."* {[WWG_ASMS], p. 211}. Считалось важным увидеть эльфов до того, как они увидят тебя. В этом они схожи с волками и василисками.

В сомерсетском рассказе об эльфах, увиденных между двумя мгновениями ока, они были меньше - ростом с куропатку - и кожа их была красновато-бурового оттенка.

Жена фермера из-под Тимберскомба описала Р. Л. Тонг встречу с эльфами в 1962 г. *"Привидений я никогда не видела, а вот эльфов видела. Это было в Беркишир-Даунз. Мы заблудились и никак не могли найти дорогу. Я поглядела - а у моих ног стоит человечек в зеленом. Лицо такое круглое, улыбается и говорит: "Вот по этой; все будет хорошо." Потом он не исчез, а просто будто бы его не стало. Видела я его или не видела?"* Гость из Гемпшира предположил, что это был деррик; деррики в Девоншире - шкодливые эльфы, но в Гемпшире, похоже, их считают дружелюбными.

О похожем происшествии рассказала мне моя подруга, вдова священника. У нее повреждена нога, и однажды она сидела на скамейке в Риджентс-Парке, раздумывая, как бы набраться сил для дороги домой. Внезапно она увидела человечка в зеленом, который очень по-доброму посмотрел на нее и сказал: "Иди домой. Обещаем тебе, что сегодня ночью твоя нога болеть не будет." Потом он исчез, и боль, весьма сильная, почти стихла. Она легко дошла до дома, и дома заснула без труда. В другой раз она видела множество эльфов, одетых в цветы и танцевавших на цветочной грядке, но в тот раз это было лишь короткое видение, и она ничего не слышала.

Менее приятную встречу описала, опять же для Р. Л. Тонг, президент Женского Института в Веллингтоне.

Мы выбрались на выходные в Корнуолл, моя дочь и я. Мы шли по извилистой аллее, как вдруг в калитке показался маленький зеленый человечек и стал смотреть на нас. Весь в зеленом, в высоком капюшоне и с остроконечными ушами. Мы оба увидели его. Моя дочка вскрикнула - у нее нервы не в порядке - и мы похолодели от страха. Мы бросились бежать вниз к парому. Паром уже отошел, но вернулся, чтобы забрать нас. Никто не сказал ни слова, но и за ненормальных нас никто не посчитал. Наверно, никогда в жизни мне не было так страшно.

Здесь – если следовать мэнским поверьям – эльф увидел их раньше, чем они его, и поэтому это было опасно.

Один из прихожан мистера Хокера встречался с пикси, и его рассказ воспроизвел С. Бэлинг-Гульд в "Викарии из Морвенстоу":

"Этот человек отправился на Страттонский рынок. По дороге домой, проходя мимо плотных изгородей, он вдруг увидел свет и услышал музыку и пение. Он остановился, приглядываясь и прислушиваясь. Заглянув через изгородь, он увидел хоровод маленьких человечков, а на большой поганке сидел эльф с лампой из цветка колокольчика, струившей зеленовато-синий свет. Пикси танцевали, а эльф пел.

" - Вот так, сэр, - рассказывает этот человек, - я смотрел и слушал, а потом тихонько взял большой камень, поднял его и швырнул в их кучу, а потом вскочил на коня и помчался оттуда со всех ног, и не отпускал поводьев, пока не вернулся в Морвенстон. Но как только камень упал, свет погас. Вы не верите мне? Но это же все истинно, как Евангелие, потому что на следующий день я вернулся на то место, и камень лежал ровно там, куда я швырнул его" {[SBG_TVOM], p. 164}.

Эльф с лампой-колокольчиком – маленький цветочный эльф шекспировской традиции. Согласно всем поверьям, человека, так злобно бросившего камень в безобидное гуляние, следовало наказать по меньшей мере хромотой.

В конце предыдущего века шустрые маленькие зеленые эльфы встречались как на Севере Англии, так и на Юго-Западе. В первом томе Фольклорных Записок напечатан рассказ об эльфах, которых видел банщик в Илкли-Уэллс. Это рассказал Чарльзу Смиту Джон Добсон.

Уильям Баттерфилд, - продолжил он, - всегда поутру первым делом открывал дверь, и делал это, не замечая ничего необычного, до одного прекрасного тихого летнего утра. Поднявшись на гребень холма, он обратил мимоходом внимание на то, как весело, чисто и громогласно поют птицы, заставляя долину звенеть эхом их голосов. Впоследствии, размысливая о происшедшем, он вспомнил, что обратил внимание на это, и рассудил, что это было неспроста.

Подойдя к Источникам, он вынул из кармана тяжелый железный ключ и сунул его в скважину; но случилось что-то подозрительное - ключ не открыл дверь, а лишь проворачивался и проворачивался в замке. Он вынул ключ посмотреть, в порядке ли тот, и - "это был тот самый ключ, что я накануне повесил на двери у себя дома". Тогда он решил открыть дверь силой, но едва ему удалось чуть-чуть приоткрыть дверь, как она тут же захлопнулась обратно. Наконец, решительным усилием он открыл ее настежь, и она распахнулась с громким стуком! И - фр-р! фр-р! что за шум! что за зрелище! - в воде купалось и плескалось множество маленьких существ, одетых в зеленое с головы до ног, ростом не выше восемнадцати дюймов, лопотавших и чиркающих что-то совершенно неразборчивое. Они очевидно принимали ванны, только купались они в одежде. Вскоре по одному - по два они начали выходить из воды, шустро перелезая через стену, как белки. Увидев, что они готовятся уходить, и захотев перекинуться с ними хоть парой слов, наш банщик крикнул со всей мочи, - в сущности, как он говорил потом, ниче-

го другого не пришло ему в голову - "Эй, там!" И вся шайка понеслась прочь, кувыркаясь вверх тормашками, подскакивая и непрерывно лопоча, как потревоженный выводок куропаток. Зрелище было настолько необычайно, что, как признался наш банищик, он не смог или не решился побежать за ними. Так он и стоял, потрясенный, молча, говорил он, как старый Джеремия Листер стоял тут в Уитли полувеком раньше, когда ведьма из Илкли бросила в реку Уэрф ясеневое решето и поплыла в нем через реку к нему.

Когда все странные существа выскочили из купальни, банищик кинулся к двери посмотреть, куда они побегут, но не увидел ничего. Тогда он метнулся обратно в купальню проверить, не забыли ли они чего нибудь; но ничего не было; вода стояла тихая и чистая, какой он оставил ее накануне вечером. Он подумал, что они могли второпях оставить что-нибудь из своей одежды, но не нашел ничего и бросил поиски, занявшись своими обычными делами - подготовкой ванн. Не раз еще он подходил к двери посмотреть, не вернутся ли они; однако, больше он их не видел. {[*FR*], pp. 229-31}.

В этом занимательном рассказе об эльфах не упоминаются крылья: эльфы лазают по стенам, как белки, но не летают, как птицы; однако их голоса и чирканье напоминают птичи. Как и в старинных рассказах, здесь отмечается неразборчивость эльфийской речи.

Более поздний, психически нездоровий свидетель эльфов наделяет их крыльями, хотя и говорит, что они не пользуются ими для полетов. Его описание любопытным образом происходит на картинку из жизни эльфов XIX века, но датируется августом 1922 года, гр. Лэйк.

Эльфы веселятся и танцуют на небольшой площадке на том берегу ручья. У них женоподобные тела, одеты они в голубое; их крылья, почти овальной формы, не переставая, трепещут - они танцуют, встав в круг и взявшись за руки. Некоторые носят длинные гирлянды, на которых висят какой-то инструмент, похожий на рог. Все закутаны тканью, которая скрывает тело гораздо более полно, чем это обычно принято у этих духов природы. Рост их приблизительно шесть дюймов. {[*GH_FAWAP*], p. 80. О Компинглийских эльфах см. [Приложение III](#)}.

Этот наблюдатель, в отличие от других, видевших эльфов, похоже, может видеть их, не будучи занят ничем.

Люди, которым приходится путешествовать по стране, до сих пор рассказывают о случайных столкновениях с эльфами. Уолтер Джонсон записал свой рассказ о встрече с эльфом в Смо-Глене, Пертшир, в архивы Школы изучения Шотландии. Джонсон описывает эльфа как "маленького зеленого человечка в сапожках с острыми носками и с шапочкой, похожей на трубу от старинного граммофона, на голове" - то есть, в сущности, одет он был в полном соответствии с эльфийской традицией. Лицо у него было темное и морщинистое. Джонсон и его отец видели его на другом берегу ручья. Ветви колыхнулись, и эльф исчез.

Примерно десять лет спустя Джонсон снова увидел эльфа. Он нашел в Том-на-Тоуле разрушенный дом с маленьким родником. Решив набрать оттуда воды во фляжку, он спустился к нему и увидел свет, пробивающийся из-за кустов. Оттуда вышли двое, примерно шести дюймов росту, и они несли на плечах гроб. На головах у них, что забавно, были шляпки-котелки. Это - одно из мимоходных упоминаний об эльфийских похоронах. Другое записал Т. Ф. Г. Патерсон в Ульстере, где эти традиции и живут и поныне среди пожилых и стариков: "Один человек шел за эльфийскими похоронами. Он приподнялся ночью и услышал приближение похоронной процессии. Он тихо последовал за ними, и они исчезли в Форте Лайлтрим (форт с тройной стеной близ Куллиханы). Он слышал звук их шагов совершенно отчетливо, но не видел ничего и никого."

Сэм Ханна Белл в "Оранжевой лилии Эрин" приводит несколько слухов о встречах с эльфами, которые он услышал от ульстерцев. Женщина из гленов Антrima рассказывает о своем разговоре со старушкой из Уотерфута:

- Мэри, - говорит она, - да ведь я видела эльфа вот этими вот моими глазами.

- Вот как? - говорю я. - Ты видела эльфа, по правде?

- Да, видела, и это такая же правда, как то, что скоро я предстану перед Господом нашим - я видела эльфа. Мой брат Джон и я пошли как-то воскресным вечером за коровами, и мы оба увидели маленькую женщину, и она была росточком не выше двух футов, с красной шапочкой на голове, в короткой юбке, и она шла вдоль насыпи, и на насыпи ни один камешек не осыпался. {[SHB_EOL], p. 89}.

Странные происшествия соотносятся с эльфами гораздо чаще, чем тех видят наяву. София Моррисон в своих "Мэнских волшебных сказках", опубликованных в 1911 году, приводит рассказ о таком случае, переданный ей неким Джеймсом Муром.

Сам-то я не очень верю в разные истории, которые рассказывают некоторые, но нельзя же не верить в то, что видел сам.

Я помню одну зимнюю ночь - мы тогда жили в доме, который снесли, когда строили Большое Колесо. Это был дом с камышовой крышей, в две комнаты, разделенные стеной высотой футов в шесть, а дальше уже были мох и дерн между балками. Матушка моя сидела у огня и пряла, а батюшка сидел в большом кресле за столом и подыскивал в мэнской Библии главу, чтобы прочитать нам. Брат мой вертел прядло, а я корпел над вязанкой вереска, пытаясь найти что-нибудь, чтобы смастерить пару крючков.

- Экая буря сегодня, - сказала матушка, глядя в огонь. - И дождь так и заливает в трубу.

- Ага, - сказал отец, захлопнув Библию. - Ляжем-ка мы поскорее спать и дадим Малышам немного погреться.

И мы приготовились и легли по кроватям.

Ночью мой брат разбудил меня:

- Ш-ши! Глянь-ка, что там за свет на кухне? - Потом он протер глаза и прошептал: - Что это матушка там делает?

- Слушай! - сказал я. - Слышишь - матушка в кровати; это не она; должно быть, это Малыш за прялкой!

Мы оба испугались, залезли с головой под одеяло и заснули. Утром, когда мы встали, мы первым делом рассказали родителям, что видели.

- А, запросто, запросто. - сказал батюшка, рассматривая прялку. - Похоже, матушка ваша забыла вечером снять пряжу с прядки - а этого забывать нельзя, потому что это дает им власть над прялкой, и, хотя они хотят нам только добра, пряжей, которую они прядут, хваляться не придется. Ткачи всегда ругают их работу - в их клубках полно узелков.

Я помню это ясно, как вчера - яркий свет и жужжание прядки. Пусть говорят что угодно, но это я слышал и видел своими глазами. {[SM_MFT], pp. 3-5}.

Множество более недавних происшествий Р. Л. Тонг записала во время своих визитов в женские институты. У всех в жизни бывали какие-нибудь необъяснимые события, часто весьма обыденные; интересно в них то, что они считаются, с некоторой долей сомнения или же безоговорочно, делом рук эльфов.

Вице-президент Эддингтонского женского института в 1962 г. рассказала:

Мой дом стоит на старом Пилигримском Тракте в Гластонбери, и там случаются всякие странные вещи - не страшные, но странные. Дверь одной спальни закрывается сама собой, и я обнаружила, что не могу открыть ее, как ни стараюсь, точно ее заклинивает. Но если вежливо попросить, она откроется совершенно легко - иногда к ней даже не приходится прикасаться. Один мой старый друг с нижнего болота сказал, что все знают, что туда некогда наведывались "Они".

Другая сообщила, что «у Них был танцевальный круг в Локслийском лесу, и они навещали окрестные дома, которые им нравились.»

Еще одна дама из Эддингтонского института описала происшествие с участием эльфов в Серрее:

Недавно, когда мы жили в Серрее, мы выбрались на пикник. Мой малыш сунул в карман свой драгоценный мешочек с шариками. После чая он захотел побегать по лесу и тщательно спрятал шарики в корзину. Я не теряла корзины из виду, но когда настало время уходить, и сын вернулся, шариков не было. Мы искали их очень долго, потому что он был совершенно убит этим. По пути к автобусной остановке он вдруг остановился и сказал: "Они здесь! Я должен пойти и забрать их!" Он побежал назад, с полмили; я видела его, и вокруг никого не было. Он вернулся с криком: "Вот они, мама, и тут еще два новых!!" Уже здесь я узнала, что это непростое место, там все что-нибудь теряют.

Жена викария в Килве рассказала историю о доме, в котором она останавливалась за несколько лет до 1962 г.:

Несколько лет назад мой муж сменил кафедру, и мы переехали в маленькую церковь в Девоне на краю Малдона. Дом был действительно очень старый, длинный и низкий, крытый камышом. Он всегда был темный, но мне в нем понравилось, хотя там случались странные вещи. Однажды я собиралась развести огонь и поставила на него суп, чтобы поужинать вечером, когда мы вернемся домой. Что-то отвлекло мое внимание, и я вышла, забыв развести огонь. Мы вернулись поздно вечером, смирившись с перспективой отужинать хлебом и сыром – однако, огонь горел, и суп был горячий. Мы не отходили от дома, не теряли его из вида весь день. Мы никого не видели, и не видели никакого дыма. В другой раз все вышло наоборот. Я забыла снять с огня ужин, который готовила и отставила, чтобы разогреть потом. Вспомнила я о нем только после полудня, когда от него должны были остаться одни угольки. Мы пришли и увидели, что котелок снят с плиты и ждет, чтобы его разогрели. Мне дали совет: если я хочу, чтобы очаг горел ярко, попросить в трубу о помощи. Помощь всегда приходила. Единственный раз, когда Они подвели меня – это когда я нашла замечательное местечко в вереске и присела там повышивать на солнце. В тот день я потеряла две иголки, одну за другой, и игольница тоже пропала. Я поняла намек, и мы оставили это место его хозяевам.

По крайней мере, по выходным эта леди была весьма небрежной хозяйкой. Большая удача, что она нашла домашнего духа себе в помощь.

Эльфы, уводящие с дороги – пожалуй, самый распространенный случай в нынешние времена. Не так давно методистский проповедник рассказывал о таком происшествии по радио. Р. Л. Тонг приводит две записи, одну от члена Неттлкомбского женского института в 1961 г., а другая – от его президента.

Меня однажды завели эльфы в лесу под Бадлей-Солтертоном. Я никак не могла выбраться, хотя дорога и была где-то совсем рядом. Я обошла все кругом раза три, а потом кто-то вышел ко мне, и я сама не поняла, как это я смогла заблудиться. Мне сказали, что там и других часто заводят эльфы.

Рассказ президента более обстоятельный и литературный, но суть его та же:

Я отправилась в один дом в Корнуолле заняться кое-какой секретарской работой. Увидев ферму, я зашла и спросила, правильно ли я иду в Мэнор. На меня посмотрели как-то странно – я подумала, наверно, потому, что они никогда не видели чужаков – но жена фермера была очень добра и дала мне подробные наставления. Мне надо было перейти какие-то поля, а потом идти по одной дороге туда, где есть две – две! – калитки, и мне надо пройти в белую. Она так настаивала на этом, что мне уже представился бык, пасущийся в поле, или злые сторожевые псы. Работники с фермы, сидевшие тут же – они обедали – все молча согласно кивали. Что ж, я вышла на ту дорогу; стоял туманный, снежный, угрюмый день, и я не хотела опаздывать.

вать, - мне еще предстояло возвращаться домой. Потом дорога уперлась в калитку, сделанную в плотной боярышниковой изгороди - одна калитка, и она была не белая! Мне стало не по себе. Я была полна решимости не потерять ту работу - я только начинала тогда работать, и мне нужны были деньги. Я сходила вдоль изгороди - наколола себе пальцы - но калитка была только одна! Тут кто-то показался на дороге - он насвистывал, и тут туман немного поредел и изгородь кончилась. Это был один из парней с фермы - его послали за мной, и он знал, что делать. "Вот ваша калитка, мисс", - сказал он, и точно - она была там, рядом с той, другой. Я не успела поблагодарить его - он ушел обратно, продолжая громко насвистывать. Старый Мэнор-Хаус стоял прямо передо мной, и я побежала к нему. Работа не заняла у меня больше часа, и я на обратном пути я пробежала мимо той фермы. Женщина выглянула из окна, я помахала ей рукой и заторопилась дальше. Теперь я жалею, что не набралась тогда смелости и не спросила у нее, не носил ли ее сын ботинок с хобскими гвоздями, не нес ли он в кармане соль, или же ему было велено громко петь или свистеть.

Несомненно, большинство этих случаев можно объяснить, а те, что выглядят необъяснимыми, вероятно, порождены человеческой тягой к чудесам, а также тем, что человеческая память исподволь приукрашивает историю и делает ее более интересной. Эта склонность есть даже у самых правдивых и безыскусных людей. Их фантазия драматизирует сюжет, пока через какой-нибудь год рассказчик и сам уже не может узнать его. Важно здесь, как я уже указывала, объяснение, предлагаемое для всех этих происшествий – именно, эльфийское вмешательство. Я знаю небольшую рощу в Серрее, где чужому человеку в высшей степени трудно найти дорогу. Заблудившись там, любой может решить, что его водят эльфы; но местные жители объясняют, что лес этот принадлежал контрабандистам, и переплетающиеся тропинки образуют лабиринт, в котором терялись патрули Береговой Охраны. Исторические традиции и рассказы о призраках считаются в Англии более живыми, чем эльфийские поверья, которые на протяжении пяти столетий числились умирающими. Поэтому любопытно видеть, как древние традиции снова поднимают голову.

XVII. Мнения и суждения

Те, кто верит или верили в реальность существования эльфов, выдвигают различные мнения на их счет. Во времена охоты на ведьм, когда любой психический опыт был весьма подозителен, призраки, эльфы и второе зрение считались частями дьявольской механики для уловления душ людей. Привидения были дьяволами в маскарадных обличьях, эльфы - демонами-прислужниками, а те, кто видел то, чего не видели другие, подлежали расследованию на предмет ведовства. Даже среди людей пуританских наклонностей эта вера иногда отступала и изменялась в деталях, но в целом сохранялась.

Во множестве процессов над ведьмами - в Дорсете, на Севере Англии, в Шотландии и на острове Мэн - было установлено, что эльфы и ведьмы действуют заодно. В Ирландии до сих пор рассказывают, что эльфы и ведьмы вместе танцуют на Всех Святых, а некоторые эльфийские практики - такие, как заезживание коней и кражи молока у коров - приписываются как эльфам, так и ведьмам. Говорят даже, что последние крадут младенцев из колыбели и продают их эльфам. Существовало, безусловно, некоторое смешение между ведьмами и супернатуральными старухами-великаншами. Каллах Вур под именем Калли Берри до сих пор фигурирует в Ульстере как ведьма из людей. С самых ранних времен эльфы и колдуны смешивались и путались. У Мэлори по крайней мере Моргана ле Фэй была человеком, единокровной сестрой Артура, хотя в ранней традиции, на которую Мэлори опирался, вероятнее всего и сам Артур, и вся его семья были супернатуральными существами. В XVII в. феи Холиншеда превратились в ведьм. Когда ведьминская лихорадка стихла, эльфы вернулись на свои старые места в общем мнении.

Воистину неоценимые исследования эльфийских поверий в кельтских частях наших островов провел в начале нашего века Эванс Венц. Выводы свои он опубликовал в 1911 г. под заглавием "Вера в эльфов в кельтских странах". В ходе своих поисков он пропутешествовал - часто пешком - через всю Шотландию и Острова, Ирландию, Уэльс и Корнуолл и закончил посещением Бретани. Во всех этих местах он первым делом обращался к известным фольклористам, таким, как Дуглас Хайд в Ирландии и Александр Кармайкл в Шотландии, но после этого совершил визиты к священникам, учителям, арендаторам, рыбакам - всем, про кого ему говорили, что от них можно узнать что-нибудь об эльфийских традициях. Эванс Венц подробно описывает каждого информанта, чтобы всем стали очевидны разные степени учености и простодушия. И везде, где только можно, Венц старается приводить не только рассказы об эльфах, но и мнения по поводу этих рассказов.

Теории, записанные Эвансом Венцем, распадаются на несколько групп. Самое большое число верящих во всех странах говорило, хотя и с оттенком сомнения, об эльфах как о духах умерших. Например, на острове Барра Мэри Маклин, поговорив о призраках, которых Александр Кармайкл идентифицировал с мертвцами, на вопрос, не являются эльфы чем-то вроде мертвцев, задумалась. *"Она считала, что они схожи с мертвцами, но называть их так нельзя. Концепция эльфов как павших ангелов была для нее непреодолимым препятствием, и она сказала: «Когда павшие ангелы были сброшены с Небес, Господь повелел им так: "Вы отправитесь жить в щелях, под землей, в курганах, в земле и в камнях." И по этому слову они обречены теперь жить до поры до времени в этих местах, а когда выйдет срок - перед концом света - их увидят такими же многочисленными, как прежде»* {[EW_?], р. 109}.

Иногда в Шотландии, Уэльсе и Корнуолле эльфов туманно называли "духами", подразумевая, видимо, что они - духи мертвых. Иногда их описывали без разбора, как мертвцев, либо говорили, что мертвцы встречаются среди них. Более часто их определяют как особый вид мертвцев. Джон Грэхэм, старик, живущий неподалеку от Тары, говорил, что эльфами становились те, кто был убит до срока и вынужден доживать время, отпущенное ему, в Волшебной стране {[EW_?], р. 148}. Возможно, Джон Грэхэм вынес это поверье вместе со своим именем из Шотландии, потому что в Шотландии оно бытовало во время процессов над ведьмами. В Корнуолле писги иногда считались духами мертворожденных детей. Самым распространенным мнением было, что эльфы разного рода - это духи давно вымерших и исчезнувших народов. Джон Бойлин из графства Мит предположил, что различные племе-

на эльфов происходят от того, что одни из них - духи фирм-болгов, другие - милезиев, а третий - Туата Де Дананн. Всех их видели на склонах Тары, одетых в древние одежды {[EW_?]}, pp. 32-3}. Старый валлиец, живший возле Страт-Флорида, представлял себе Тильвит Тег духами первобытных людей. Дед его услышал на одном из полей пение, а потом раскопал там могильник, в котором нашел кости и урны с прахом. Из-за пения он решил, что все это принадлежит Тильвит Тег {[EW_?]}, p. 148}.

В Кардиганшире один фольклорист рассказывал: "Многие старики объединяют Тильвит Тег и духов. В целом их не рассматривают как смертных. Есть валлийцы, которые видят в Тильвите Тег, или эльфах, духов друидов, что умерли до Христа; они были слишком хорошими, чтобы ввергнуть их в ад, и им было позволено ходить по земле" {[EW_?]}, p. 147}.

В Ирландии, Шотландии и Уэльсе были записаны разные рассказы о происхождении эльфов, однако в Корнуолле их почти повсеместно считали духами мертвых того или иного рода. Стукачей [Knockers], что водились в шахтах, считали духами евреев, сосланных туда римлянами за соучастие в распятии Христа; Толкарнского тролля возводили ко временам финикийцев - он плавал на их кораблях. Писги, или пикси, считались душами первобытных жителей этой земли. Мистер Генри Мэдден, архитектор, которого в детстве наставляла в пиксийской премудрости старая няня, свидетельствует: "Пикси часто считали душами доисторических жителей нашей страны. Говорили, что пикси уменьшаются и уменьшаются ростом, пока в конце концов совсем не исчезнут" {[EW_?]}, p. 176}. Это свидетельство согласуется с такими сказками, как "Эльфийское селение на Селеновом болоте". Уменьшение пикси говорит о том, что они теряют силу, и объясняет, почему они так стремятся овладеть человеческими детьми - чтобы укрепить свою породу. Из сказок леди Уайльд видно, что вера в эльфов как мертвцев широка распространена также и в Ирландии. На острове Мэн также предполагалось, что эльфы, или "Они" - духи людей, потонувших во время всемирного потопа. Конечно, среди этих эльфов встречаются и те, что принадлежат к более поздним временам, и были украдены или завлечены в Волшебную страну, а также те, кого уговорили отведать эльфийской пищи, и они остались навечно в пленау.

Следом за этой теорией по распространенности и популярности идет христианская теория о том, что эльфы - это падшие ангелы. Эванс Венц записал факты, говорящие об этом, в различных частях Ирландии. Наиболее интересен рассказ Патрика Уотерса из графства Слейго. «"Общество" [The gentry] - самое благородное из племен; это раса, которая пришла с других планет - я так себе думаю. Они всегда носят белое. Дине Маха (то же самое, или почти то же самое, что общество, хотя некоторые и сомневаются) - были близки к Небесам во время Падения, и они не погибли; они ждут спасения.» {[EW_?]}, p. 53}

В предисловии к Шотландской части книги Александр Кармайкл приводит полную историю эльфов и грехопадения, как ее рассказали Дж. Ф. Кэмпбеллу на Айсле в 1871 г.:

Гордый Ангел поднял среди ангелов небесных бунт и стал светочем, возглавившим его. Он заявил, что уходит строить себе свое царство. Выходя из райских врат, Гордый Ангел ощетинился молниями и высекал каблуками искры из ступеней. Множество ангелов последовало за ним - так много, что наконец Сын воззвал: "Отец! Отец! Город пустеет!" Тогда Отец отдал приказ закрыть врата рая и врата ада. В тот же миг это было исполнено. И те, кто были внутри, остались внутри; а те, кто случился снаружи, остались снаружи; но целые толпы уже покинули рай и еще не добрались до ада - они попрятались в щели земные, как птицы в грозу. Это и есть Дивный Народ - с тех пор они обречены жить под землей, и им позволяет выходить только там и только тогда, где и когда позволяет Царь. Им запрещено появляться по четвергам, потому что это день св. Коломбы; и по пятницам, потому что это день Сына; и по субботам, потому что это день Марии; и по воскресеньям, потому что это день Господа нашего.

God be between me and every fairy,
Every ill wish and every druidry;
To-day is Thursday on sea and land
I trust in the King that they do not hear me.

Господь будь между мной и всяким эльфом,
Всякой злой волей и всяким друидством;
Сегодня четверг на земле и на море,
Я верую в Царя, что они не услышат меня.

В иные ночи, когда открываются их брутайн (жилища) и зажигаются их светильники, и раздаются веселые песни и танцы, слышат, как эльфы беззабо́тно поют:

'Not of the seed of Adam are we,
Nor is Abraham our father;
But of the seed the Proud Angel,
Driven forth from Heaven.'

"Мы не Адамова семени,
И Авраам нам не отец,
А мы семени Гордого Ангела,
Изгнанного с Небес"

{[EW_?], pp. 85-6}.

Спустя более чем четверть столетия Мердох Маклин с Барры в ответ на вопрос Эванса Венца подтвердил: "Я твердо уверен, что они не духи мертвых людей, но падшие ангелы" {[EW_?]} р. 113}. То же рассказывал на Мэнне Уильям Кашен, хранитель замка Пил-Кастл: "Мой отец и мой дед говорили, что эльфы были сброшены на землю в Небесных битвах, и падали дождем на землю три дня и три ночи; и одна третья из них упала в море, другая - на землю, а третья осталась в воздухе, и там они все пребудут до дня Страшного Суда. Мэнские старики всегда верили, что это падение эльфов было из-за первого греха - гордыни; и они молились против эльфов так: «Дхи сэуэ ми войши клон ни мойрин» - «Господи сохрани меня от детей гордыни.»" {[EW_?]}, pp. 129-30}. Это поверье отражает взгляды некоторых писателей XVI и XVII вв. - Томаса Хейвуда, например.

В Пемброкшире бытовали похожие поверья:

Я думаю, что духи, окружающие нас - это падшие ангелы. Когда умер старый Доктор Харрис, его книги по ведовству пришлося сжечь, чтобы избавить место, где он жил, от злых духов. Эльфов тоже иногда называют падшими ангелами. Они будут делать добро тем, кто подружится с ними, и приносить вред всем прочим. По-моему, существует промежуточное состояние между жизнью на земле и небесной жизнью, и в нем, должно быть, и находятся духи и эльфы. {[EW_?]}, p. 154}

Это заявление - несколько путаное; но в нем, как и в суждениях с острова Мэн, предполагается, что эльфы не лучше чертей, хотя последний мэнский информатор и говорит, что среди них встречаются и плохие, и хорошие. Чаще говорят, что эльфы недостаточно хороши для Рая и слишком хороши для Ада. Но мнение, что эльфы - всего лишь черти, столь широко распространенное среди пуритан, имеет приверженцев по сей день. Особо ценное свидетельство среди опрошенных Эвансон Венцем представил Джон Дэвис, травник из Бальсаллы. Он отчетливо продемонстрировал слияние верований, согласно которым одни эльфы считались духами мертвцев, а другие - чертями или падшими ангелами. Можно проследить здесь также и мэнское поверье о том, что эльфы населяли самое нижнее Небо, отчего их и прозвали "Людьми Среднего Мира". Вновь и вновь подчеркивается это промежуточное, срединное положение эльфов. Они слишком плохи для Рая, но слишком хороши для Ада; они - старые язычники, не подлежащие спасению, но слишком хорошие для Преисподней, и т. д. Джон Дэвис, как и Дрейтон, помещал Волшебную страну в воздухе:

"Пока на остров не пришло просвещение," - сказал он, - "многие видели эльфов; теперь очень немногие могут их видеть. Но Их на острове Мэн так же полно, как и везде. Они толпами роятся в воздухе и в темном Небе; они правят нашим нижним миром. От нашего мира до первого неба - всего двадцать одна миля вверх. Разных эльфов так же много, как разных людей в нашем мире. Я видел таких, которые были ростом в два с половиной фута; а другие были такие же высокие, как мы с вами. Я думаю так: те, которые, как мы - это падшие души людей, что умерли до Потопа. В Потопе утонул весь мир; но Дух, который Господь вдохнул в Адама, не может ни утонуть, ни сгореть, и его в море так же много, как на земле. Другие эльфы - злые духи; наш Спаситель загнал легион дьяволов в стадо свиней; свиньи утонули, а черти остались. Черта не утопишь; они же духи, вот как тени на стене." {[EW_?]}, p. 123}

Во многом похожие свидетельства слал ученыму один священник из Уэльса:

Мистер Венц был у меня в четверг 30 сентября 1909 г., и после этого я отправился навестить мистера Шем-Моргана, хозяина фермы Кумкастелл-фах, семидесяти пяти лет. Он рассказал мне, что в дни его детства в сердце каждого ребенка жил великий страх перед эльфами. Их считали злыми духами, что являются в наш мир по ночам, и вступать с ними в общение было опасно; добрых духов среди них не было. {[EW_?], p. 150}

Но не только такое мрачное мировоззрение было присуще валлийцам. Свидетельство мирового судьи Дэвида Уильямса из Кармартена звучит совсем по-другому:

Основное представление, насколько я помню, было такое, что Тильвит Тег - лишь гости в нашем мире и не живут на земле. Они были маленькие, лилитуты, и являлись всегда в белом. По ночам они часто танцевали в кругах на зеленых полях. Большинство из них было женского пола, хотя у них был король и, как намекает их название, они были красивы собой. Короля Тильвит Тег звали Гвидион аб Дон и-Гвид, что говорит о темпераменте его натуры. Его дворец стоял среди камней и назывался Каэр Гвидион. Королеву его звали Гвенхиду. Моя мать называла маленькие пушистые облачка, появляющиеся в хорошую погоду, "овечками Гвенхиду"... Как существа воздушные, Тильвит Тег умеют летать и перемещаться по воздуху по своей воле. У них свое особое место в мироздании. Я никогда не слышал, чтобы они старились; размножаются они или нет, я также не могу сказать. Характер у них почти всегда добрый. {[EW_?], p. 151}.

Из этого рассказа Тильвит Тег предстают сильфами - стихийными существами, населяющими воздух. В Ирландии их также иногда рассматривают как существа стихий, и не только более образованные и начитанные люди, склонные называть эльфов "astralными существами" и т. п., но и простые крестьяне. Донегальский старик семидесяти трех лет, например, сказал:

Благородный Народ - не земные люди; это существа особой природы. Даже в воде есть мужчины и женщины этого же рода. У других есть пещеры в скалах, а в них - чертоги и покой. Лет сто назад эти племена были очень многочисленны, и они еще вернутся. Отец мой жил в двух милях отсюда, там водилось много Благородного Народа. В былье времена они уводили молодых и высасывали жизнь из их тел. А какова их природа, никто точно сказать не может. {[EW_?], p. 73}.

Ирландский мистик, которого интервьюировал Эванс Венц, описал два вида Сидов, которых он часто видел - сверкающие и матовые. Он считал, что низшие виды Сидов - те самые существа, которых средневековые мистики называли элементалями {[EW_?], p. 60}. Рост этих эльфов выше человеческого - около четырнадцати футов в высоту; но некоторые ирландские эльфы - маленькие. В одном несколько странноватом рассказе они принимают облик мух, как некоторые подручные ведьм XVII века. Это было в графстве Майо, в старом Аббатстве, где произошло ужасное сражение между разными племенами эльфов; подкрепления подходили со всех сторон огромными роями, они бились день и ночь, а после битвы целые груды мертвых мух плыли по реке {[EW_?], p. 39}.

Любопытно было найти в Уэльсе заблудившийся образец скандинавского рассказа о происхождении народа Хульдре, или Скрытного Народа. Это - из Кармартеншира:

Господь наш в те дни, когда Он ходил по земле, зашел как-то однажды в домик, где жила женщина с двадцатью детьми. Устыдившись размеров своего семейства, она спрятала половину своих детей от глаз своего Гостя. Когда Тот ушел, она стала искать детей, но тщетно: они стали эльфами и пропали. {[EW_?], p. 153}.

Скандинавская сказка более подробна. Мать успела умыть только половину детей, и ей не хотелось, чтобы остальных увидели грязными, поэтому она отправила их спрятаться в скалах, в лесу и в реках. Тогда Господь сказал: "Что ты скрыла от Меня, то будет скрыто от рода людского." С тех пор эти дети и их потомство стало хульдрами и скрывается в пещерах, в лесах и в реках {[TK_FM], p. 159, прим.}. Ганс Сакс, германский автор народных

пьес, использовал эту легенду в "Детях Евы", чтобы объяснить социальные различия между людьми.

Эти поверья до сих пор живы среди старииков в Эйре и даже в Ульстере. Примеры их собирали Майкл Мерфи из Клонтифлиса и Т. Дж. Ф. Патерсон из Музея графства Армаг. В своих "Miscellanea" он сообщает, что предания записывались от людей в возрасте от 70 до 90 лет, и, процитировав некоторые легенды, отмечает, что многие сказки демонстрируют веру в то, что эльфы - падшие ангелы; что они выбивают глаза у тех людей, которые могут их видеть; что они похищают рожениц и их новорожденных; забирают мужчин, но не могут забрать священника; и что их можно умилостивить, отливая им молока. Другой момент, который он отмечает - использование яичных скорлупок как лодок. *"Причина, по которой яйца, сняв с них наядку, переворачивали и проводили по их тупому концу ложкой, была в том, чтобы малый народец не смог уплыть в их скорлупках. Дед мой делал так, и его дед делал. Но были и такие, которые этого не делали, и поэтому-то сейчас малого народца больше нет."* Видно, что не дать малому народцу уплыть считалось важным и нужным, тогда как Джон Дэвис из Уэльса был бы только рад ускорить их отплытие.

Вот насколько разнообразны, даже в сравнительно недавние времена, мнения по поводу природы эльфов у кельтских народов. Как обычно, рассказывают в основном старики, и вообще говорится, что вера в эльфов скоро всецело станет достоянием прошлого. В англоязычных частях страны эта вера давно уже выражена менее отчетливо и распространена не так широко.

В Англии маленькие цветочные эльфы - возможно, также одна из форм элементалей - похоже, преобладают, но игрушечность этих эльфов и их бессилие затрудняют проверку веры в них; вера эта склонна обращаться в причуду, прихоть. В 1963 году в телевизионной программе "Женский час" выступали четыре женщины, говорившие, что верят в эльфов, но у них это выглядело скорее капризом, чем настоящей верой. Одна считала, что эльфы поддерживают жизнь в растительном мире; другая была душевнобольной и видела эльфов в детстве. Эльфы обеих принадлежали более-менее к английскому типу. В центральных графствах Англии скучные сведения об эльфах, уцелевшие до наших дней, представляют их как сельскохозяйственных духов - природные ли силы или души тех, кто некогда владел землей, понять невозможно. В Девоне и Сомерсете они определенно выглядят как духи природы, хотя, несомненно, исчезнувшие народы оспаривают у них права на эту область. Возможно, что пикси представляют собой мертвцевов, а разговоры о том, что пикси вытеснили эльфов-фэйри, и что последних эльфов видели в Бакленд-Сент-Мери, можно отнести на счет другой теории об их происхождении {[RLT_SF], р. 111}. На Севере Англии и в Нижней Шотландии мертвцевы, похоже, имеют перевес, хотя некоторые следы представлений об эльфах как о падших ангелах видны в том, что они обязаны платить дань Аду. В рассказе Хью Миллера об уходе эльфов они говорят, что они не из Адамова племени и называют себя Мирным Народом {[HM_ORS], прим. к рр. 221-3}. Ясно, что эти эльфы не были мертвцевами. В Англии, во всяком случае, видения и описания эльфов встречаются гораздо чаще, чем теоретические рассуждения об их происхождении.

Те, кто не сам верит в эльфов, но любит порассуждать о верованиях других, выдвигают не меньше теорий, чем те, кто верит. Возможно, громче всех раздаются голоса тех, кто считает, что вера в эльфов - отголосок культа мертвцев, и, как мы видели, они нередко находят поддержку у самих верящих. Малый рост некоторых классов эльфов можно вполне правдоподобно объяснить первобытным представлением о душе как о маленьком человечке. Мертвцева часто селятся в скалах и деревьях, они обитают в зеленых курганах и имеют власть над плодами земли. Антропологическая теория, которую выдвинул впервые Мак Ритчи, получила недавно подкрепление от исследователей распространения и культов человека неолита. Согласно ей, эльфы были завоеванной расой или же воспоминанием о народе, который ушел в скалы и пещеры. Многие эльфийские традиции добавляют ей красок. Весьма поздняя теория - та, что считает эльфов предводителями ведьм, или богами ведьм. Эта теория делается более убедительной в свете несомненных связей в популярных воззрениях на эльфов и ведьм. Другие выдвинутые теории дают частичные объяснения; они предполагают, например, что некоторые эльфы - умалившиеся боги или духи природы. Мы видели, что все эти теории могут найти себе сторонников среди тех, кто верит в эльфов.

Другой момент, который необходимо учесть - это психические явления, феномен полтергейста, сны, видения и т. п. Каково бы ни было их объяснение, нельзя отрицать, что они бывали причиной тех или иных эльфийских поверий. Психологическую подоплеку волшебной сказки, так глубоко исследованную Юнгом, фольклористы игнорировать не могут. Погрешности человеческой памяти также внесли свой вклад. Большинство из тех, кто рассказывает о поверьях и происшествиях, связанных с эльфами – люди пожилые, и это особенность не только нашего века. У пожилых же людей существует тенденция смешивать то, что они слышали, с тем, что происходило с ними на самом деле. Воспоминания обладают неуклонно нарастающей силой; и то, что поначалу предполагалось или подозревалось, будучи рассказано в десятый раз, становится свершившимся фактом.

Ни одна из гипотез, очевидно, не стоит на ногах достаточноочноочно прочно; но все перечисленные факторы следует принимать во внимание.

Часть II. ЭЛЬФЫ В ЛИТЕРАТУРЕ: ИЗБРАННОЕ

XVIII. Поэты: XVIII век.

Шекспировский век был временем величайшего подъема эльфической поэзии в английской литературе; и именно он основал традицию, укоренившуюся в XVII в., хотя обращение с предметом становилось все более тривиальным. В следующем столетии климат изменился, и, если бы не Блэйк, нам было бы почти нечего сказать об эльфах в то время; однако, внезапного обрыва не происходит - нить становится тоньше, но не рвется.

При первом своем появлении в английской литературе эльфы были приняты с некоторой долей юмора и скептицизма, а Херрик и Дрейтон обращались с ними сатирически. "Кенсингтонские сады" Томаса Тиккелла, опубликованные в 1722 г., продолжают юмористическую, псевдогероическую традицию. Непосредственной сатиры там нет, отношение к эльфам легкое, декоративное. В поэме Тиккелл пишет, что историю эту он узнал от своей няни, но в целом фабула поэмы вполне может быть полностью литературной; а поскольку Тиккелл родился в Камберленде, маловероятно, что его няня знала какие-то легенды о Кенсингтонских садах, хотя она наверно рассказывала ему сказки об эльфийских подменышах. Как бы там ни было, эльфы Тиккелла имеют все обычные черты литературных эльфов XVII в. Они очень маленькие - десять дюймов, если быть точным, - не такие маленькие, как Герцогиня ньюкаслльских лилипутов, и больше, чем те, что могли прятаться в шапочке желудя или колокольчике первоцвета. Есть у Тиккелла и отзвуки "Сна в летнюю ночь", которые почти что можно назвать цитатами:

*May the keen east-wind blight my favourite flowers,
And snakes and spotted adders haunt my bowers,
Through bush, through brake, through groves and gloomy dales,
Through dank and dry, o'er streams and flowery vales.*

*Пусть злой восточный ветер погубит мои любимые цветы,
И змеи и пятнистые гадюки поселятся в моем жилище
В кустах, в чащах, в рощах и тенистых ущельях
Бездонных и голых, над реками и цветущими долинами.*

{[TT_KG], pp. 207-15}

Поэма также, очевидно, заимствует из "Полиольбиона" Дрейтона. Действие происходит в далеком прошлом, в дни правления британского царя Альбиона, но черты эльфов остаются те же:

*When Albion ruled the land, whose lineage came
From Neptune mingling with a mortal dame,
Their midnight pranks the sprightly fairies play'd
On every hill, and danc'd in every shade.
But, foes to sun-shine, most they took delight
In dells and dales concealed from human sight;
There hew'd their houses in the arching rock;
Or scoop'd the bosom of the blasted oak;
Or heard, o'er-shadow'd by some shelving hill,
The distant murmur of the fading rill.
They, rich'd in pilfer'd spoils, indulg'd their mirth,
And pity'd the huge wretched sons of earth.
Ev'n now, 'tis said, the hinds o'erhear their strain,
And strive to view their airy forms in vain;
They to their cells at man's approach repair,
Like the shy leveret, or the mother-hare,
The whilst poor mortals startle at the sound
Of unseen footsteps on the haunted ground.*

*Когда страною правил Альбион, что вел свой род
От Нептуна и одной смертной дамы,
Играли свои полуночные шутки воздушные эльфы
На каждом холме, и танцевали в каждом тенистом уголке.
Но, враждую с солнечным светом, более они веселились
В долах и лощинах, сокрытых от взоров людских:
Там они высекали себя дома в проемах скал;
Или выдалбливали сердцевину пораженного молнией дуба;
Или слушали, укрытые тенью утеса,
Дальний лепет убегающего ручейка.
Они, вороватые и проказливые, забавлялись
И жалели больших и несчастных детей земли.
И сейчас, говорят, крестьяне слышат их напевы И тщетно сияют разглядеть их воздушные тени;
При приближении человека они прячутся в свои кельи,
Как боязливый зайчонок или же зайчиха,
Пока бедные смертные недоумевают при звуке Шагов невидимых ног по земле*

{[TT_KG], pp. 207-15}.

Здесь мы встречаем все обычные черты эльфов: полуночные танцы, проказы и воровство. Короля эльфов зовут Оберон, как и в "Сне в летнюю ночь"; и, подобно всем эльфам наших островов, эти тоже крадут и подменяют детей людей. Альбион, герой поэмы - украшенный сын короля Британии, которого усыпили настоем из тертой бузины и корней маргариток, а потом уменьшили до размеров эльфа. В этой поэме у Оберона есть дочь Кенна, и ее любовь к Альбиону стала причиной трагедии. Альбион, ставший внешне эльфом, не разделил эльфийского бессмертия; сражаясь с эльфом-соперником, он наносил ему раны, которые не могли убить его, а раны, полученные им, оказались смертельными. Все, что смогла сделать для него его возлюбленная - это превратить его в подснежник. Не все современники Тиккелла согласны с ним в его возврениях; к примеру, Кирк, в то время главный авторитет в эльфистике, писал, что эльфы уходят из жизни по прошествии долгого времени, почти не старясь, и что известны рассказы об эльфийских похоронах. К тому же, сверхъестественных существ, которые не умирали естественным образом, иногда все же можно убить. Однако общее мнение было на стороне Тиккелла.

Другая черта эльфов, упомянутая Тиккеллом - вознаграждение любви к чистоте.

*When cleanly servants, if we trust old tales,
Besides their wages had good fairy vails,
Whole heaps of silver tokens, nightly paid
The careful wife, or neat dairy maid,
Sunk not his stores.*

*Когда чистоплотным слугам, если верить старым
сказкам,
Помимо жалования, помогал добрый эльф,
То еженощно кучи серебряных монет
Находила заботливая хозяйка или опрятная молочница,
Не оскудевали его запасы.*

{[TT_KG], p. 208}.

Но самыми искусными поэтическими кружевами выписана нелюбовь эльфов к дневному свету, которая подчеркивается несколько раз - например, в сцене тайной встречи Альбиона и Кенны.

*All things are hush'd. The sun's meridian rays
Veil the horizon in one mighty blaze:
Nor moon nor star in heaven's blue arch is
seen
With kindly rays to silver o'er the green,
Grateful to fairy eyes; they secret take
Their rest, and only wretched mortals wake.
This dead of day I fly to thee alone.
A world to me, a multitude in one.*

*Затихло все. Полуденные лучи солнца
Затянули горизонт мощным сиянием:
На голубом своде неба не видно луны. Звезды
Не серебрят зелень милосердными лучами,
Любезные эльфийскому глазу; эльфы в укромных
местах
Отдыхают, и лишь несчастные смертные
бодрствуют.
Спешу к тебе в сей мертвый час дневной.
Весь мир ты мне, и все в тебе одной*

{[TT_KG], pp. 206-7}.

"Мертвый час дневной" - замечательная находка, сравнимая с "лунным загаром" на ланитах Оберона в поэме Стюарда. Высокий тюльпан, в густой тени которого встречаются влюблённые, становится цветком, популярным у художников, писавших на эльфийские темы в XVIII в. Как мы видели, в народной традиции тюльпан - эльфийский цветок.

Как Персефона выступает в "Нимфидии" Дрейтона, так здесь Нептун мстит за гибель своего потомка и рушит эльфийский дворец и город одним ударом своего трезубца, обращая эльфов в паническое бегство. Лишь Кенна остается ухаживать за своими подснежниками; и это она навеяла Уайзу сон, в котором он увидел план Кенсингтонских садов.

За восемь или около того лет до выхода в свет поэмы Тиккелла Поп избирает в герои своей поэмы "Похищение локона" не эльфов, а сильфов. Однако, и сами неоплатоники, которым Поп приписывает авторство своих духов, смешивают стихийных существ и эльфов, считая, к примеру, что гномы - духи земли; а сильфы Попа - очевидная разновидность эльфов. Ариэль, обращаясь к спящей Белинде, говорит:

*If e'er one Vision touch'd thy infant Thought,
Of all the Nurse and all the Priest have taught,
Of airy Elves by Moonlight Shadows seen,
The silver Token, and the circled Green,
Or Virgins visited by Angel-Pow'rs,
With Golden Crowns and Wreaths of heav'nly Flow'rs,*

*"Покуда ты, прекрасная, жива,
Воздушные с тобою существа.
Когда виденья над тобой парят,
А нянька и священник говорят
Об эльфах, о травинках завитых,
О серебре волшебном, о святых*

*Hear and believe! thy own Importance know,
Nor bound thy narrow Views to Things below'*

*И непорочных девах, чей расцвет
Архангельских сподобился бесед,
Внимай и верь, свое значенье знай:
Превыше всех земных явлений рай.¹*

{[AP_TP], p. 219, Canto I, ii. 29-36; пер. цит. по [АП_П]}

Ариэль, по-видимому, претендует на некое родство и с эльфами, и с ангелами. Имя Ариэль - не только имя, данное Шекспиром помощнику Просперо; маги и неоплатоники причисляли Ариэля к сильфам, а иногда его называли правителем Африки. Поуп проводит параллели между эмоциями, некоторыми разрядами эльфов, духами мертвых и даже стихийными существами:

*Think not, when Woman's transient Breath is fled,
That all her Vanities at once are dead:
Succeeding Vanities at she still regards,
And tho' she plays no more, o'erlooks the Cards.
Her Joy in gilded Chariots, when alive,
And Love of OMBRE, after Death survive.
For when the Fair in all their Pride expire,
To their first Elements their Souls retire;
The Sprights of fiery Termagants in Flame
Mount up, and take a SALAMANDER'S Name.
Soft yielding Minds to Water glide away,
And sip with NYMPHS their Elemental Tea.
The graver Prude sinks downward to a GNOME,
In search of Mischief still on Earth to roam.
The light Coquettes in SYLPHS aloft repair,
And sport and flutter in the Fields of Air.*

*Хотя, дышать навеки перестав,
Мы все же сохранили женский нрав;
За суетой житейскою следим,
И, не играя, в карты мы глядим.
Охочие до золотых карет,
Мы любим ломбер, любим высший свет,
Но на земле, гордынею греша,
Спешит в стихию прежнюю душа.
Огонь красоткам вспыльчивым сродни,
И станут саламандрами они.
Стихия чая, зыбкая вода
Чувствительных влечет к себе всегда.
Был в здешней жизни злючкой каждый гном,
Взыскивающий отрады лишь в дурном;
И в воздухе шалунья весела;
Став сильфом, ценишь легкие крыла.*

{[AP_TRTL], Canto I, 11.51-66; пер. цит. по [АП_П]}

Далее Поп упоминает эльфийского любовника - Инкубуса, называя его сильфом, но не останавливается на нем подробно. Если сильфы - разновидность эльфов, то здесь Поп дает нам яркий пример эльфов с крыльями - возможно даже первый, хотя Брэнстон в "Забытых богах Англии" интерпретирует одну иллюстрацию в Уtrechtской Псалтири IX в. как изображение человека, пораженного эльфийской стрелой и окруженного крылатыми эльфами {[BB_TLGOE]. См. также [ETD_TIOTUP], Псалом XXXVII, р. 19}. Изображенные фигуры действительно очень похожи на ангелов с других иллюстраций, но мне кажется, что это - изображения "illusiones", упоминаемых в псалме², и могут оказаться как эльфами, так и чертями. Если не принимать их во внимание, то первыми могут считаться чертики с крыльями бабочек у Де Ланкра {см. [JCB_TWOW]}; но в XVIII в., это, несомненно, первая встреча с крылатыми эльфами:

*Some to the Sun their Insect-Wings unfold,
Waft on the Breeze, or sink in Clouds of Gold,
Transparent Forms, too fine for mortal Sight,
Their fluid Bodies half dissolv'd in Light.
Loose to the Wind their airy Garments flew,
Thin glitt'ring Textures of the filmy Dew;
Dipt in the richest Tincture of the Skies,
Where Light disports in ever-mingling Dies,
While ev'ry Beam new transient Colours flings,
Colours that change whene'er they wave their Wings.*

*И в золоте летучем облаков
Чуть схожие с крылами мотыльков,
Тонули невесомые крыла,
Невидимые плавали тела,
Облечены в сияющую ткань,
Как будто небо воздает им дань
И чередует разные цвета,
Чтобы меняла краски Чистота,
Как будто машет в воздухе крыло,
Чтоб тело новый блеск приобрело.*

{[AP_TRTL], Canto II, 11. 59-67}

Этих эфирных существ Ариэль называет "сильфами и сильфидами, феями, гениями, эльфами и демонами" {[AP_TRTL], Canto II, 11.73-4}. И все эти существа заняты уходом за туалетом Белинды; один кринолин требует участия с полсотни их. Эти малютки выются

1 Подстрочник: Когда хоть раз в твои детские мысли входили Видения того, о чем рассказывали няня и священник - Воздушных эльфов в тенях лунного света, Серебряной монетки и кругов на лужайке, Дев, которых посещают ангелы сил В золотых коронах и венках из райских цветов, Внимай и верь! Знай свое значение И не ограничивай свой кругозор лишь тем, что внизу.

2 В русском синодальном переводе - «воспаления».

вокруг Белинды, стараясь отвратить несчастье, которое они могут лишь смутно предвидеть, но не в силах удержать смыкающиеся ножницы - хотя один сильф героически дает перерезать себя пополам, пытаясь остановить это. Злой дух Умбриэль, затеявший скору, очевидно, много сильнее их; но последнее слово остается не за ним; вмешиваются боги, и локон поднимается на небо, превращенный в новое созвездие.

Все эти примеры, равно щутливые и сатирические, верны литературной традиции, установившейся в предыдущем столетии. Несколько раньше можно найти одно упоминание об эльфах, которое почти возвращает нас к духу XVI века. Это - "Веселая компания", переработка старинной пьесы Ричарда Броума. Здесь, как и в "Вокруг нашего очага", упоминаются старики, верящие в эльфов.

Рэйчел: Я помню старую Песню, что певала моя Нянюшка, и каждому слову этой Песни я верила так же, как ее Псалтири, и Песня та, когда я была маленькой Девочкой, заставляла меня немало бродить в залитой лунным Светом Ночи.

*At Night by Moon-light on the Plain,
With Rapture, how I've seen,
Attended by her harmless Train,
The little FAIRY QUEEN
Her midnight REVELS sweetly keep
While Mortals are involved in Sleep
They tript it o'er the Green.*

По ночам на залитой лунным светом поляне
Восторженно смотрела я
Как со своей безобидной свитой
Малютка-королева эльфов
Пицует и веселится,
Пока смертные объяты сном,
Они путешествуют по травам.

*And where they danced their cheerful Round
The Morning would disclose,
For where their nimble Feet do bound,
Each Flow'r unbidden grows;
The DAISY (fair as Maids in May),
The COWSLIP in his gold Array,
And blushing VIOLET 'rose.*

А где они плясали в своем веселом кругу,
Мы увидим поутру,
Ибо где ступали их легкие ноги,
Там сам собой растет цветок;
Маргаритка, прекрасная, как дева в мае,
Первоцвет в золотом уборе,
И стыдливая фиалка вырастают там.

{[RB_AJCOTMB] Act I, Sc.I, p. 12}

Эта песенка - настолько в старинном духе, что, может быть, и вправду цитата, хотя ее и не было в версии Броума в 1641 г. В любом случае, этот отрывок сильно отличается по духу от других произведений того века.

На протяжении большей части XVIII в. поэты вдохновляли главным образом классика. Обращаясь к сельским темам, они разрабатывали их в основном как классические пасторали, хотя иногда - во второй производной, с оглядкой на Спенсера, как, например, "Пасторали" Амброза Филлипса (1709). В 1720-е гг. Джеймс Томсон обращался к природе напрямую, но стих его обначен в классическую форму и полон классических маньеризмов.

Но время шло, и предчувствие Романтического Возрождения уже витало в воздухе, отбрасывая перед собой тень, которую можно порою назвать уродливой и искаженной, ибо мода на готику производила причудливые гротески. Достаточно было общей, абстрактной мрачности и зловещих знаков непонятно чего - вспомним хотя бы огромный необъяснимый шлем в "Замке Отранто", упавший с небес и раздавивший несчастного наследника. Популярные баллады не были начисто забыты, и в попытках подражать им иногда удавалось воспроизвести их дух, но часто стремление подчеркнуть пафос ужасного приводило к таким абсурдам, как "Храбрый Алонсо и Доблестный Имоген":

*All present then uttered a terrified shout;
All turned with disgust from the scene.
The worms they crept in, and the worms they crept
out,
And sported his eyes and his temples about
While the spectre addressed Imogene.*

Все присутствующие издали возглас ужаса,
С смерзением отвернувшись от жуткого
зрелища.
Черви вползали и выползали,
Роились в глазницах его и висках,
Когда призрак заговорил с Имогеном.

{[MGL_TM], vol. III, p. 65}

Справедливо ради следует сказать, что баллады Пограничья бывали порою столь же неизящны по стилю. При всем том любовь к балладам свежей струей проходит через ли-

тературу того времени, и когда епископ Перси вывел их на свет, опубликовав в 1765 г. свои "Реликвии", он сделал едва ли не больше всех прочих в продвижении Романтического Возрождения.

Но и прежде этого времени поэты черпали вдохновение из народных источников, в особенности северных, и внимание к народному фольклору стало возрастать. Пример тому является "Ода на популярные суеверия Верхней Шотландии" Коллинса:

*There must thou wake perforce thy Doric quill;
'Tis Fancy's land to which thou sett'st thy feet;
Where still, 'tis said, the Fairy people meet
Beneath each birken shade, on mead or hill.
There, each trim lass, that skims the milky
store,
To the swart tribes their creamy bowls allots;
By night they sip it round the cottage-door,
While airy minstrels warble jocund notes.
There, every herd, by sad experience, knows
How, wing'd with Fate, their elf-shot arrows
fly,
When the sick ewe her summer food foregoes,
Or, stretch'd on earth, the heart-smit heifers
lie.*

Туда направь свое дорийское перо;
в страну Фантазии направь свои стопы;
Там до сих пор, говорят, встречают Волшебный
народ
Под каждой березой, на каждом лугу, на каждом
холме.
Там всякая стройная селянка, снимающая сливки,
Отливает часть в миску для чумазых племен;
Ночью они угощаются ими на крыльце
Под сладостные трели воздушных певцов
Там каждый пастух по своему печальному опыту
знает,
Как, окрыленные Судьбой, летят эльфийские стрелы,
Когда больная овца отказывается от летней пищи
Или на землю ложится телок, пораженный в сердце.

{[WC_TP], p. 124}

Этот отрывок может показаться заимствованием из английской поэзии XVII в. - чумазые гоблины и Мильтоновы миски со сливками - но поражение скота эльфийской стрелой деталь шотландская, а через несколько строк мы встречаем Водяного Келпи, который здесь впервые входит в английскую поэзию.

Совсем другой стиль и стихи, словно бы позаимствованные у легкомысленной эльфийской поэзии предыдущего столетия, в поэме Хореса Уолпола об Энн Кавендиш. Там король Оберон читает следующее возвзвание:

*By these presents be it known,
To all who bend before our throne,
Fays and fairies, elves and sprites,
Beauteous dames and gallant knights,
That we, Oberon the grand,
Emperor of Fairyland,
King of moonshine, prince of dreams,
Lord of Aganippe's streams
Baron of the dimpled isles
That lie in pretty maiden's smiles;
Arch-treasurer of all the graces
Dispers'd in through fifty lovely faces;
Sovereign of the slipper's order,
With all the rites thereon that border
Defender of the sylphic faith;
Declare - and thus your monarch saith:
Whereas there is a noble dame,
Whom mortal countess Temple name,
To whom ourself did first impart
The choicest secrets of our art,
Taught her to tune th' harmonious line
To our own harmony divine,
Taught her the graceful negligence,
Which, scorning art and veiling sense,
Achieves that conquest o'er the heart
Sense seldom gains, and never art;
This lady, 'tis our royal will
Our laureate's vacant seat should fill;
A chaplet of immortal bays
Shall crown her brows, and guard her lays;*

«Да станет известно всем присутствующим,
Всем склонившимся перед нашим троном,
Феям и фэйри, эльфам и духам,
Прекрасным дамам и доблестным рыцарям,
Что мы, Оберон великий,
Император Волшебной страны,
Король лунного света, князь грез,
Властитель струй Аганиппы,
Барон архипелага ямочек,
Что таятся в улыбках хорошенъких девушек,
Верховный казначей всех прелестей,
Хранящихся в пятидесяти милых личиках,
Покровитель ордена туфельки
Со всеми его обрядами,
Зашитник сильфической веры,
Провозглашаю - Так говорит ваш монарх:
Присутствующая здесь благородная дама,
Которую смертная графиня зовет Крепостью,
Которой мы из первых рук передали
Отборные секреты нашего искусства,
Научили ее подстраивать гармоническую линию,
Под нашу божественную гармонию,
Научили ее восхитительному небрежению,
Которое, презирая искусственность и морочащий
рассудок,
Покоряет сердца,
Что редко удается рассудку и никогда хитрости;
Оная дама - такова наша королевская воля -
Займет место нашего фаворита;
Венок неувядоющего лавра

*Of nectar-sack, an acorn cup
Be at her board each year fill'd up;
And, as each quarter feast comes round
A silver penny shall be found
Within the compass of her shoe -
And so we bid you all adieu;*

*Да увенчает ее чело и охранит ее черты;
Чашечка жалудя хмельным нектаром
Да наполняется на ее столе ежегодно;
И на каждом ежегодном пиру
Да будет серебряный пенс помещен
В пределы ее туфельки -
На этом мы прощаемся с вами;*

Дано в нашем дворце в Первоцветном Замке, в кратчайшую ночь года. Оберон.» {[HW_FV]}, pp. 54-5}

Здесь мы видим, в сущности, ту же эротическую традицию вокруг эльфов, которую находим у Попа, а ранее у Херрика и Стоарда, обработанную с равной великолепной легкостью и изяществом.

На самой заре Романтического Возрождения отношение к эльфам стало более серьезным, но в то же самое время Томас Стотард ввел моду на эльфов с крыльями бабочек, которой иллюстраторы следуют до сих пор. Джон Эдлард написал короткую, но важную работу по эльфам у Вильяма Блейка, опубликованную в бюллетене Общества по изучению современного языка в 1964 г. {[JA_MBF]}, pp. 144-60}. Он прослеживает следы различных поверьй и аллегории в произведениях Блейка, с самого первого эльфа, пойманного Блейком в шляпу, как бабочки, в 1784 г. и до обращения к фольклору и простоте в иллюстрациях к Мильтону работы 1816 г. Блейк в целом относился к эльфам как к стихийным существам, но символические его обращения к ним почти всегда имеют эротический подтекст, связанный, как правило, с женским капризом и тщеславием, пробуждающим мужское желание. Эльфы как бы одновременно вызывают желание и отрицают его, как сильфы Попа в "Похищении локона". Один отрывок, как указывает Джон Эдлард, прямо навеян сильфами, обитающими в дамских туалетных столиках:

*A FAIRY leapt upon my knee
Singing & dancing merrily;
I said, 'Thou thing of patches, rings,
Pins, Necklaces, & such like things,
Disguiser of the Female Form,
Thou paltry, gilded, poisonous worm!'*

*Эльф на колено мне присел,
Он танцевал и весело пел,
Я сказал: "Ты, состоящее из мушек, колец,
Булавок, Бус и прочей чепухи,
Обманщик в Женском Обличье,
Ты, жалкий золоченый ядовитый червь!"*

{[WB_TPAP]}, p. 104}

Эльф, покоренный таким грубым обращением, плачет, признает Поэта повелителем эльфов и защищается, хотя и несколько невразумительно. Возможно, здесь Блейк продолжает традицию, установленную магами, традицию, которой следовал Просперо, и которая предписывает обращаться с духами грубо и повелительно, чтобы подчинить их себе. Блейк советует неустанно ловить и сажать в клетки эльфов, под которыми он, очевидно, имеет в виду женскую власть.

*So sang a Fairy, mocking, as he sat on a streak'd Tulip,
Thinking none saw him; when he ceas'd I started from
the trees
And caught him in my hat, as boys knock down a
butterfly.
'How know you this,' said I, 'small Sir? Where did you
learn this song?'
Seeing himself in my possession, thus he answer'd me:
'My master, I am yours! Command me, for I must obey.'*

*Такую песню распевал Эльф около тюльпана
И думал: нету никого поблизости. Внезапно
Я, выскочив из-за дерев, накрыл малютку
шляпой,
Как бабочку. "Откуда знать тебе, дружок,
об этом?"
Мой пленник понял, что ему не избежать
неволи.
"Мой господин, - он запищал, - я весь к
твоим услугам".*

{[WB_TPAP]}, p. 212, пер. В. Л. Топорова}

А также:

*The Good are attracted by Men's perceptions,
And think not for themselves;
Till Experience teaches them to catch
And to cage the Fairies and Elves.*

*Добрых привлекают мысли людей,
Они не думают о себе;
Пока Опыт не научает их ловить
И сажать в клетки эльфов и фей.*

{[WB_TPAP]}, p. 101}

В личных письмах и беседах Блейк относился к эльфам более просто, как относился бы простой селянин. Он, кажется, верил, что действительно видел их. Джон Эллард приводит два примера:

«Случалось ли вам наблюдать эльфийские похороны, мадам?» - спросил Блейк у леди, оказавшейся с ним рядом.

"Никогда, сэр!" - отвечала леди.

"А я видел их," - сказал Блейк, - «и не далее, как прошлой ночью.»

И он пустился в рассказ о том, как в своем саду он увидел "процессию существ, которые несли тело, завернутое в лепесток розы, захоронили его с песнопениями, а после исчезли" {[JA_MBFI], цит по [AC_LOEBP], pp. 228-9}.

Здесь мы видим насекомых эльфов тех времен, которые были еще меньше, чем эльфы из "Эльфийских похорон" Ханта, у которых тело на дорогах было ростом с куколку {[RH_PROTWOE]}, р. 102}.

Были также эльфы, которых видел Бруно, пони Блейка, а в письме к Томасу Баттсу, также процитированном у Джона Элларда, есть строфа, говорящая об эльфах более натуралистических и менее эротичных, чем большинство эльфов Блейка:

*With happiness stretch'd across the hills
In a cloud that dewy sweetness distills,
With a blue sky spread over with wings
And a mild sun that mounts & sings,
With trees & fields full of Fairy elves
And little devils who fight for themselves.*

*Счастье раскинулось по холмам
В облаке, оседающем росистой сладостью,
Синее небо распростерло крыла
И неяркое солнце восходит и поет,
Деревья и поля полны волшебных эльфов
И маленьких бесенят, что сражаются сами за себя.*

{[WB_TPAP], p. 859}

Во фривольном стихотворении "Длинный Джон Браун и Малютка Мэри Белл" эльф явно обозначает холодное кокетство, которое фальсифицирует любовь и отвергает ее, тогда как черт - это похоть. Стихотворение полно эротических народных символов.

*LITTLE Mary Bell had a Fairy in a Nut,
Long John Brown had the Devil in his Gut;
Long John Brown lov'd little Mary Bell,
And the Fairy drew the Devil into the Nut-Shell.*

*Была в орехе фея у крошки Мэри Бэлл,
А у верзилы Джона в печеньках черт сидел.
Любил малютку Мэри верзила больше всех,
И заманила фея дьявола в орех.*

*Her Fairy Skip'd out and her Fairy Skip'd in;
He laugh'd at the Devil saying, 'Love is a Sin.'
The Devil he raged & the Devil he was wroth,
And the Devil enter'd into the Young Man's broth.*

*Вот выпрыгнула фея и спряталась в орех.
Смеясь, она сказала: "Любовь - великий грех!"
Обиделся на фею в нее влюбленный бес,
И вот к верзиле Джону в похлебку он залез.*

*He was soon in the Gut of the loving Young swain,
For John eat & drank to drive away Love's pain;
But all he could do he grew thinner & thinner,
Tho' he eat & drank as much as ten Men for his Dinner.*

*Попал к нему в печеньки и начал портить кровь,
Верзила ест за семерых, чтобы прогнать любовь,
Но тает он, как свечка, худеет с каждым днем
С теч пор, как поселился голодный дьявол в нем.*

*Some said he had a wolf in his stomach day & night.
Some said he had the Devil & they guess'd right;
The Fairy skip'd about in his Glory, Joy & Pride,
And he laugh'd at the Devil till poor John Brown died.*

*- Должно быть, - люди говорят, - в него забрался волк! -
Другие дьявола винят, и в этом есть свой толк.
А фея пляшет и поет - так дьявол ей смешион.
И доплясалась до того, что умер длинный Джон.*

*Then the Fairy skip'd out of the old Nut-Shell,
And woe and alack for Pretty Mary Bell!
For the Devil crept in when the Fairy skip'd out,
And there goes Miss Bell with her fusty old Nut.*

*Тогда плясунья-фея покинула орех.
С теч пор малютка Мэри не ведает утех.
Ее пустым орехом сам дьявол завладел.
И вот с протухшей скорлупой осталась Мэри Бэлл.*

{[WB_TPAP], pp. 121-2, пер. С.Я.Маршака}

В более серьезном стихотворении "Вильям Бонд" {[WB_TPAP], р. 122} эльфы, очевидно, символизируют естественные эротические импульсы, тогда как ангелы представляют собой ограничения морали и заботу о близких. В стихотворении побеждает более благород-

ная, неэгоистическая любовь, и эльфы переходят на сторону ангелов. Можно заметить, что Блейк развивает целостную концепцию эльфов, но явно оживляет больше их темную сторону; и ту же тенденцию можно проследить в рисунках Фюзели, даже еще ярче, чем у Блейка. В работах Фюзели видна сюрреалистическая игра воображения, вполне сравнимая с безумными кошмарами Босха. В иллюстрациях к "Сну в летнюю ночь" прислужницы королевы так же изысканны, как служанки королевы Маб в "Нимфидии" или сильфы Поупа, но там же можно найти и такие странные и зловещие группы фигур, как, например, нимфа с маленьким сморщенным бородатым старичком на переднем плане "Титании и Основы". Герт Шифф в небольшой монографии по Фюзели {[GS_JHF.ES]} предполагает, что это Нимуя, пленившая и уменьшившая Мерлина. В "Пробуждении Титании" мы снова видим колдовство: полунагая женщина кормит бесенка, юная ведьма занимается своим черным делом, между ними - ягодицы маленького непристойного демона, а между коленями спящего Основы скрючился черт, которого вполне мог придумать Босх. Традиция эта не прервалась и в следующем столетии. Среди прекрасных персонажей "Ссоры Оберона и Титании" Ноэля Паттона снова появляется странный круг коленопреклоненных демонов, внимающих приказаниям крылатого монстра, злобные духи терзают сову, на земле сидят и другие птицы, облепленные маленькими духами. Там также есть древний бородатый старик, очень похожий на старичка с картины Фюзели, которого две нимфы тянут в пруд. Даже в сцене примирения мир эльфов выглядит ненамного добнее: сова лежит на земле, ее казнят; сатирический черт заглядывает в дупло дерева, где обнимаются два влюбленных, и жуткие рожи выглядывают из расселин. Несмотря на крылья бабочек, эльфы еще не стали совсем хорошенькими.

XIX. Поэты: XIX век и далее.

Совершенно романтическое обращение с эльфийской традицией можно найти в стихах Вальтера Скотта. Скотт - авторитетный фольклорист, с юных лет собирая традиции из первых рук. Эссе об эльфах, служащее предисловием к его "Менестрелям шотландского Приграничья", до сих пор служит источником ценных сведений, а "Эссе о демонологии и ведовстве" полно отличного материала. Но уникальность его среди фольклористов - в невероятной энергии его творческого порыва, которой хватило на тридцать романов, не считая историй, поэм, переводов и эссе.

Здесь мы займемся его стихами. Их нельзя равнять с его прозой, и они целиком принадлежат эпохе Вальтера Скотта; но и пренебрегать ими не стоит. "Предание о последнем менестреле", первая из поэм, основывается на конкретной традиции - сказке о похожем на бoggарта духе по имени Гилпин Хорнер, который какое-то время назад водился на одной ферме в Приграничье. Его крик "Пропал! Пропал! Пропал!" позаимствован из эттрикской сказки о шелликоте, которую Скотт сам пересказывает в "Менестрелях шотландского Приграничья" {[WC_MOTSB], vol. I, p. 150, сноска}; но шелликот этим криком заманивал путников, а Гоблин-Паж бежал от заклятий Майкла Скота и в конце концов сдался его призраку с криком "Нашелся! Нашелся! Нашелся!" Как подменышам и другим злым духам, ему пришлось принять свое подлинное обличье, переходя через бегущую воду.

В поэмах В. Скотта разбросано множество упоминаний об эльфах и волшебниках, но самая полная эльфийская история пересказана в "Элис Брэнд" - балладе, которую поет Аллан-Бейн в "Хозяйке Озера". В этой поэме есть обороты, точно указывающие на ее принадлежность к своему времени – никому не удается вовсе не наступать на собственную тень – но поэма эта - творение человека, многое сведущего в эльфийских традициях Приграничья. Человек, который лишился чувств в опасный сумеречный час, которого унесли в Волшебную страну, и которому посчастливилось спастись лишь с помощью святого знака креста, библии или холодного железа, опасность ношения зеленого цвета и переливчатая красота Волшебной страны - все эти темы популярны в шотландском фольклоре всех времен.

'Tis merry, 'tis merry in Fairy-land, When fairy birds are singing, When the court doth ride by their monarch's side, With bit and bridle ringing;	Весело, весело в Волшебной стране, Когда поют волшебные птицы, Когда двор выезжает за своим королем, И звенят уздечки и поводья;
And gaily shines the Fairy-land - But all is glistening show, Like the idle gleam that December's beam Can dart on ice and snow.	И весело сияет Волшебная Страна - Сияет вся и сверкает, Как пустые узоры, что декабрьское солнце Рисует на льду и на снегу.
And fading, like that varied gleam, Is our inconstant shape, Who now like knight and lady seem, And now like dwarf and ape.	И неверно, как это изменчивое сияние, Наше непостоянное обличье - То видишь рыцаря и даму, А то вдруг карлика и обезьяну.

{[WC_TPWO], pp. 299-300} Так выглядят эльфы, которых св. Коллен видел на Гластонбери-Торе, или те, чей поезд описал Дунбар, описанные звонким, стройным Скоттовским стихом.

Роберт Бернс не оставил нам эльфической поэзии, хотя и отдал должное теме ведовства в поэме "Тэм О'Шэнтер". Джеймс Хогг, в то же время, не только пересказывал в прозе эльфийские легенды, но также и сочинил одну из самых зрелищных среди наших эльфических поэм, полную странных мистических моментов. Килмени попала в Волшебную страну, но эльфы ее были мертвцами, и блаженными мертвцами. История ее знакома нам по множеству пересказов - история о человеке, который исчезает и попадает в безвременную прекрасную страну, возвращается оттуда спустя много лет и - во многих вариантах этой истории - рассыпается в прах. С Килмени этого не случилось, и она не утратила юности и красоты, но через короткое время, произнеся переданное с нею послание, она возвращается в Рай. Ее приход к людям происходит по знакомому образцу:

*When seven lang years had come and fled;
Whe grief was calm, and hope was dead;
When scarce was remembered Kilmeny's name,
Late, late in a gloaming Kilmeny came hame!*

*И вот пролетело долгих семь лет,
Уж горе утихло, надежды уж нет,
Забылось уж имя Килмени само -
Под вечер она вдруг вернулась домой!*

{[JH_SPO], p. 15}

Страна, в которую попала Килмени, во многом похожа на Страну св. Мартина в описании Зеленой Девочки, но расположена ближе к Небесам.

*For Kilmeny had been she knew not where,
And Kilmeny had seen what she could not declare;
Kilmeny had been where the cock never crew,
Where the rain never fell, and the wind never blew.*

*Ибо Килмени была, сама не знает, где,
И Килмени видела то, чего нельзя рассказывать;
Килмени была там, где никогда не кукарекает
петух,
Где не бывает дождя и где не дует ветер.*

{[JH_SPO], p. 8}

Во всей поэме ощущается что-то средневековое. Настроение и атмосфера одного отрывка напоминает мне одну из замечательных средневековых лирических поэм - "Сокол унес моего друга".

*In yon green-wood there is a waik,
And in that waik there is a wene,
And in that wene there is a maike,
That neither has flesh, blood nor bane,
And down in yon green-wood he walks his lane.*

{[_EEL], p. 148}

Как и Скотт, Хогг вырос на пограничных балладах, и обороты и крылатые фразы из баллад разбросаны по всей его поэзии. При первом прочтении "Русалка" может показаться практически списанной у Клерка Колвила, но Хогг хочет сказать нечто совсем другое, и цель его - более тонкий эффект. Здесь происходит встреча долгоживущего сверхъестественного существа и смертного человека; русалка - не искушательница и не злодейка, она просто опасна людям, и она предупреждает своего возлюбленного об этой опасности. Через сто лет его могила - зеленый курган, а она все так же молода и прекрасна, как всегда - но она ждет теперь Вечного Дня, когда ее озеро высохнет, и восстанет душа ее возлюбленного. Здесь снова звучит нота лирической народной песни, но с более глубокими обертонами:

*For beauty's like the daisy's vest
That shrinks from early dew,
But soon it opens its bonnie breast,
An' sae may it fare wi' you.*

*Ибо красота - как одеяние маргаритки
Сникающее от ранней росы,
Но потом она раскрывает свою красу,
И да будет так с тобой.*

...

*For passion's like the burning beal
Upon the mountain's brow,
That wastes itself to ashes pale,
An' sae will it fare wi' you.*

*Ибо страсть - как горящий костер,
На самой вершине горы,
Который прогорает до углей и золы,
И так это будет с тобой.*

{[JH_SPO], 'The Mermaid', pp. 17-20} Ритм и настрой этого фрагмента невольно напоминают о "Садовнике", но суть совсем другая.

Есть и другие сверхъестественные рассказы - "Песня ведьмы" и "Ведьма из Файфа", пересказ известной истории о Синей Шапочке, которая иногда рассказывается об эльфах, но чаще - о ведьмах. В этой поэме Хогг заставляет эльфов и ведьм встретиться, как они встречаются в ирландских и шотландских поверьях, но его эльфы родом из Лапландии.

Эльфическую традицию Ирландии не пришлось оживлять - она была жива все время - но за пределами Ирландии известность ей принесли Крофтон Крокер и Патрик Кеннеди, в то же самое время, когда Каннингхэм и Кромек популяризовали шотландские традиции. Звездный час ирландской эльфийской поэзии, однако, был еще впереди.

Английские поэты Романтического Возрождения продемонстрировали сравнительно слабое знание эльфов и небольшой интерес к ним. Пикси ранних стихов Колъриджса, скорее всего, были сильфами, и не имеют ничего общего с эльфами Сомерсета, с которыми он мог бы и столкнуться, когда жил там. Их стрекозиные крылья, бесшумные шаги и радужно-про-

зрачные одеяния не имеют ничего общего с рыжеволосыми земными пикси. Взгляд Вордсворт был нацелен на проникновение в истины Природы и отношения Человека с ней; у него не оставалось времени на эльфов и северные традиции, о которых он должен был знать немало. Саути, наименее поэтичный из всех троих, был наилучшим фольклористом, и множество сказок и традиций ожидают в его стихах. Именно ему миссис Брэй адресовала свои письма о "Народных верованиях Западных графств", и именно он записал одну из наиболее известных «бабушкиных сказок» - "Три медведя". Однако сами эльфы мало появляются в его работах. В ранней, незрелой поэме Шелли "Королева Маб" фигурирует в качестве гения поэмы так называемая королева эльфов, но это не более, чем абстракция. Она избрана королевой Снов, потому что видение посещает Иантэ во сне, но в частично пересмотренном варианте этой поэмы она же именуется Демоном Мира. Внешне она более всего похожа на тех эфирных существ, которых описывал один ирландский духовидец:

*The Fairy's frame was slight; yon fibrous cloud,
That catches but the pales tinge of even,
And which the straining eye can hardly seize
When melting into eastern twilight's shadow,
Were scarce so thin, so slight; but the fair star
That gems the glittering coronet of morn,
Sheds not a light, bursting from the Fairy's form,
Spread a purpureal halo round the scene,
Yet with an undulating motion,
Swayed to her outline gracefully.*

*Фигура эльфиянки была стройна; волокнистое облако,
Принимающее легчайшие оттенки вечера,
Едва различимое напряженным оком,
Когда оно растворяется в сумеречной тени востока,
Едва ли было столь же тонко, столь же стройно; но дивная звезда,
Венчающая сверкающую диадему восхода,
Не проливает столь мягкий и мощный свет,
Как тот, что, источаемый эльфиянкой,
Окрашивал в пурпур всю картину,
И волнообразно расходился,
Повторяя ее очертания.*

{[PBS_TCWO] vol. I, pp. 69-70}

Здесь мы наблюдаем скорее похмелье после буйства XVIII века, но справедливости ради следует сказать, что adeptы оккультизма описывали эльфов именно такого sorta, хотя они и выглядят весьма далекими от народных эльфов.

Эльфийская традиция была много любезнее сердцу Китса. Для своей "La Belle Dame Sans Merci" он выбрал название весьма скучной средневековой поэмы, которую он переработал как историю Мелюзины и создал одну из прекраснейших эльфических поэм на английском языке. Эта тема, видимо, особую привлекала Китса: он развернул ее во всей красе в "Ламии", знаменитой истории о жене-змее. Примерно в то же время Томас Гуд отошел от своего обычного стиля и написал волшебную сказку в стихах "Два лебедя" - необыкновенно блестящую и трогательную поэму, полную живописных картин. Эльфийской темы коснулся он также в коротком стихотворении "Хозяйка вод". Оно написано четким размером, которым Китс воспользовался для "La Belle Dame Sans Merci", с певучей последней строкой:

*Alas, the moon should ever beam
To show what man should never see! -
I saw a maiden on a stream,
And fair was she!*

*Луна! Ты светишь свысока
На то, что людям знать не след!
Я видел - деву несет река,
Ее прекрасней нет!*

{[TH_TWO], vol. V, p. 154}

Еще более тесно с нашей темой связана большая поэма "Мольба эльфов в Летнюю Ночь" {[TH_TWO]}, р. 243. Выдержка приводится в [Приложении II](#), в которой дух Шекспира спасает эльфов от косы Времени. Замысел разработан очень хорошо и, несмотря на сравнительно легкомысленный характер, все же очень трогает. Если сопоставить эти поэмы с любовной лирикой Гуда, гражданской лирикой и сатирой, то получится превосходная панorama его широкой личности.

Столетие летело вперед, и знание эльфийской традиции распространялось все шире - частично через собрания фольклористов, но главным образом из ширящегося знакомства с ирландской и шотландской традиций. Среди произведений ирландских поэтов очень много эльфических стихов. В самом начале века неровная, но блистательная работа Джорджа Дарли привлекла к себе внимание литературных кругов. Мисс Митфорд сказала о его "Сильвии, или Майской королеве" {[GD_SOTMQ]}. Выдержка приводится в [Приложении II](#): «Это великолепно - что-то между "Верной пастушкой" и "Сном в летнюю ночь"!» Сейчас мы не ста-

ли бы оценивать эту поэму так высоко, но эльфические стихи у Дарли выходили лучше всего. "Панихида" из неопубликованной "Морской невесты", включенная в "Lyra Celtica" Шарпа - одно из лучших произведений:

*Prayer unsaid, and mass unsung,
Deadman's dirge must still be rung;
Dingle-dong, the dead-bells sound!
Mermen chant his dirge around!*

*Молитва не сказана, месса не спета,
Но погребальный колокол будет звонить;
Динь-дон, звонят на похороны!
Водяные поют панихиду ему!*

{[_LC], p. 104}

"Черный человек" и "Ветер в тростниках" Норы Хоппер - два эльфических стихотворения; второе из них - сетование об уходе Ши:

*Dance in your rings again: the yellow weeds
You used to ride so far, mount as of old -
Play hide-and-seek with wind among the
reeds,
And pay your scores again with fairy gold.*

*Потанцуйте снова в ваших кольцах; желтые былинки,
На которых вы мчались вдаль, оседлайте, как встарь -
Поиграйте в прятки с ветром в тростниках
И снова ваши проигрыши оплатите волшебным
золотом.*

{[_LC], p. 125} Здесь - все та же старая, как мир, скорбь об уходящих эльфах.

В Шотландии в это время Роберт Буханан написал стихотворение "Мачеха эльфийки" - на тему украденной матери.

*Bright Eyes, Light Eyes! Daughter of a Fay!
I had not been a wedded wife a twelvemonth and a day,
I had not nurs'd my little one a month upon my knee,
When down among the blue-bell banks rose elfin three
times three,
They gripp'd me by the raven hair, I could not cry for
fear,
They put a hempen rope around my waist and dragg'd
me here,
They made me sit and give thee suck as mortal mothers
can,
Bright Eyes, Light Eyes! strange and weak and wan!*

*Ясноглазка, Быстроглазка! Фейское дитя!
Года и дня не отходила я после венца,
Месяца не относила на руках своего малыша,
Как вдруг на колокольчиковых берегах
выросли эльфы, трижды трое,
Схватили меня за вороную косу - я не могла
кричать от страха,
Обвязали меня пеньковой веревкой и
притянули сюда,
Заставили сидеть здесь и кормить тебя, как
только смертные женщины могут,
Ясноглазка, Быстроглазка! чуждая, слабая,
бледная!*

{[_LC], p. 235. Роберт Буханан род. 1841.}

Во всех этих примерах - а это лишь несколько примеров из множества - мы видим кардинальное изменение в отношении к эльфам. В них уже нет ничего сатирического - некоторая декоративность сохраняется, большей частью происходя от стремления к необычному, далекому, иному, "дальнему зову Эльфландии рогов". Но ситуация как правило воспринимается совершенно серьезно и представляется со всей серьезностью. Это верно не только для ирландских поэтов: с "Мачехой эльфийки" можно сопоставить "Подменыша" Шарлотты Мью {[CM_CPO]. Шарлотта Мью род. 1869}, представляющего взгляд с эльфийской, а не с человеческой точки зрения. В "Ярмарке гоблинов" Кристины Россетти эльфы более гротескны, полуживотны по виду, но старый запрет по-прежнему действителен - зачахнет и умрет тот, кто отведал их фруктов; несмотря на свой комичный вид, они опасны, и ситуация разобрана со всей серьезностью.

*Backwards up the mossy glen
Turned and trooped the goblin men,
With their shrill repeated cry,
'Come buy, come buy.'
When they reached where Laura was
They stood stock still upon the moss,
Leering at each other,
Brother with queer brother;
Signalling each other,
Brother with sly brother.
One set his basket down,
One reared his plate;
One began to weave a crown
Of tendrils, leaves, and rough nuts brown*

*Назад, вверх по мшистому ущелью
Повернувшись, зашагали гоблины,
Пронзительно крича на все лады:
"Подходи, покупай! Подходи, покупай!"
Поравнявшись с местом, где стояла Лайра,
Они встали, как вкопанные, на мху;
Друг на друга косятся,
Братец на кривого братца;
Перемигиваются, щурятся,
Братец на косого братца.
Один поставил наземь корзину,
Другой поправил свой лоток;
Третий начал выплекать корону
Из усиков, листьев и лесных орехов*

(Men sell not such in any town); One heaved the golden weight Of dish and fruit to offer her: 'Come buy, come buy,' was still their cry.	(Таких не купишь у людей ни в одном городе); Четвертый поднял золотую тяжесть Блюда с фруктами и протянул ей: "Подходи, покупай!" - продолжали они выкрикивать.
---	--

{[CR_TPWO]. 'Goblin Market' (1852), p. 2} Здесь необычный зловещий эффект достигается повтором близких рифм - 'other, brother, other, brother'; и короткие, нарочито неловкие стихи, которыми пользуются для комического эффекта, здесь придают происходящему серьезность.

Эльфические поэмы Вильяма Аллингхэма - "Эльфы", "Лепрекаун", "Король эльфов был стар" и "Эльф" {[WA_RFTYF]} - непохожи на другие его стихи; простые, лишенные вычурности, приземленные, они снова касаются лирических струн XVI века. Длинная драма в стихах менее удачна. В иллюстрациях к ней работы Ричарда Дойла есть что-то от хитросплетений картин Ноэля Паттона, но здесь они свободны от зловещих намеков. Эльфы Дойла проказливы, но невинны. Эндрю Лэнг явно чувствовал, что рисунки и поэма не соответствуют друг другу, но написал по этим иллюстрациям короткую сказку "Принцесса Никто" {[RD_WA_IF.ASOPFTEWBRDWAPBWA]. 'Princess Nobody' была перепечатана в [_MFS]} - сказку, которой недостает движения, так как требовалось так или иначе ввести в нее каждую иллюстрацию.

Новое звучание пришло в нашу литературу с поэзией Йейтса, потому что он верил в эльфов. Со временем Чосера поэты писали о верованиях других людей или о том, во что они верили лишь в детстве. Некоторые были близки к сельским традициям, как Шекспир, некоторые далеки от них, как Хорес Уолпол; но все относились к эльфам, как к деревенским суеверьям, в которые не подобает верить образованному человеку. Для Йейтса же эльфы были реальной угрозой и реальным восторгом. "Они бормотали и топотали; кому захочется такое воображать?" - воскликнул он однажды {[GKC_A], p. 147}; Йейтс рассказывает также о старике, который на вопрос, верит ли он в эльфов, ответил "Знали бы вы, в каких печеньках они у меня сидят!" {[_IFAFT], p. 1x} Это - реальная, практическая, обыденная вера, и в то же время блеск Волшебной страны пульсировал в его жилах; ведь это он ввел выражение "Кельтские сумерки", и его стихотворения полны Бегства и Иного.

Though I am old with wandering
Through hollow lands and hilly lands,
I will find out where she has gone,
And kiss her lips and take her hands;
And walk among long dappled grass,
And pluck till times are done
The silver apples of the moon,
The golden apples of the sun.

Хоть я и стар от странствий По пустынным землям и холмистым землям, Я найду, куда она ушла, И поцелую ее в губы, и возьму за руки; И поведу по длинной пятнистой траве, И до скончания времен буду срывать Серебряные яблоки луны, Золотые яблоки солнца.

{[WBY_TCPO], pp. 66-7}

Невозможно, говоря об эльфах, не вспомнить Уолтера де ла Мэра. Воздух Волшебной страны пронизывает его стихотворения, хотя среди них немногие говорят об эльфах напрямую, а те, что говорят - большей частью детские стихи, такие, как "Эльф-насмешник" или "Пик и Пак". Это эльфы-шутники, домашние эльфы. {[WDLM_PP], pp. 149-50, 140 и 69-71} Те же, что подкрадываются, смеются и бормочут в "Перекрестках" - опасны, хотя и не враждебны. Пьеса эта может быть и была поставлена на сцене, но больше подходит для чтения, ибо фантазия испаряется под лучами софитов. Эльфов, "фантастически переодетых земными детьми", лучше воображать, чем видеть. Авторские ремарки относительно их - лучшее в пьесе. Но отношение к эльфам в прозе де ла Мэра было бы уместнее оставить до следующей главы.

К.С.Льюис и Дж.Р.Толкиен оба писали эльфические стихи, но упоминания более достойна их проза. У них не было - как не было и у де ла Мэра - действительной веры, вдохновлявшей Йейтса, но целостность замысла у них не отнять, и их эльфы весомы и значимы.

XX. Иностранные вторжения

Первой и самой мощной волной интервентов, оказавших литературное влияние на наших эльфов, были младшие божества классических поэтов. Вероятно, некоторые эльфы пришли к нам напрямую из римской мифологии, а не из классической литературы. Брауны и лары, в любом случае, представляются очень близкими друг другу, а Пак во многом, особенно внешне, очень похож на сатира.

Феи рыцарских романов впервые вошли в литературу из наших кельтских эльфов, а Грендель и его мать были первым литературным обращением к скандинавским ведьмам и чудовищам. После норманнского завоевания миграция валлийцев в Бретонь понесла кельтскую традицию из Англии во Францию, пока не сплелась сплошная сверкающая паутина, и уже норманнынесли легенды Артуровского цикла на юг в Италию и на север в Шотландию.

Сказки, которые, по всей видимости, родились на наших Островах - это сказки о Дине О'Ши *[Daoine O Sidhe]*, об эльфийских невестах и подменышах, о проказливых буках *[bogey-beasts]* и хобгоблинах-помощниках, а также об опасных духах рек и озер. Здесь же и маленькие эльфы ростом в несколько дюймов. В эпоху Возрождения классические нимфы и наяды, фавны и сатиры смешались с ними так, что в произведениях поэтов XVI и XVII вв. трудно отличить эльфов от нимф и русалок от сирен. Нимфы танцуют на еженощных балах, а сатиры подглядывают из кустов и обмениваются колкостями с эльфами. В народных книжках тех времен пересказываются классические сказки, и вместе с ними - местные истории, по поводу которых Херрик жаловался:

<i>The FARTING TANNER, and FAMILAR KING;</i>	"Вонючий дубильщик", "Король-подручный",
<i>The DANCING FRIER, tatter'd in the bush;</i>	"Пляшущий монах", изодранный в кустах, -
<i>Those monstrous lies of little ROBIN RUSH.</i>	Все те чудовищные бредни из "Робина Раша".

{[RH_TPWO], p. 153} Мы встречаем здесь Мальчика-с-Пальчик, Робина Славного Малого, пророчества Сивиллы, Мерлина и матушки Шиптон, вперемешку с классическими историями. Даже совершенно необразованные люди не могли не ознакомиться в какой-то мере с классическим знанием, и каждый школьник помнил что-нибудь из Овидия. В "Напрасных трудах любви" школьный учитель устраивает представление "Семи достоинств"; играют же в этом представлении крестьяне. Сами Семь Достоинств - отличный пример необычайного распространения классической, библейской и романической традиций, на которых основывалась литература того времени.

В 95-ом номере "The Tatler" (1709) Стиль описывает чтение своего крестника, который отверг "Басни" Эзопа, сочтя их неправдоподобными, и обратился к Приключениям Дона Белльяниса Греческого, Гая Уорвикского, Семи Победителей *"и трудам других историков той эпохи"*. Сестра же его Бетти, которая, по словам своей матери, учится лучше, чем брат, *"интересуется по большей части эльфами и духами; и иной зимнею ночью может так запугать служанок своими рассказами, что те боятся идти спать"* {[RS_TLOIBE]}. Похоже, что эти эльфы и духи были отечественного происхождения, такие же, как те, о которых Реджинальду Скоту рассказывали служанки его бабушки.

Спустя всего несколько лет увлечения Бетти могли смениться эльфами другого рода, поскольку подошла вторая волна иностранного нашествия, изменившая полностью строй и характер детских волшебных сказок в Англии.

Эльфы вошли в моду при французском дворе лет на сто раньше, чем в Англии. Как малютки-эльфы Шекспира, Лили и Дрейтона вышли в свет из деревни, так и французские эльфы были заимствованы у нянюшек и гувернанток, рассказывавших на ночь сказки детям благородного общества. Моду открыла графиня д'Ольнуа, чьи первые волшебные сказки были напечатаны в 1690 г. Английский перевод ее сказок был опубликован в 1707 г., и маленькая Бетти Стиля вполне могла прочесть их. Наиболее близки к народной традиции, однако, были истории сына Шарля Перро - Пьера Перро д'Арманкура, хорошо известного ученого и писателя {о приписывании авторства сыну, а не отцу см. [PM_ECB], p. 39}. Среди этих историй "Золушка", "Кот в сапогах", "Спящая красавица" и "Мальчик-с-пальчик" сразу завоевали сердца английских детей. И неудивительно - ведь они были рассказаны с тонким

юмором, в отличие от всего прочего, что подавалось им. Хотя это и были пересказы детских сказок, они не были написаны для детей, и следовательно, не несли груз назидательности. Деталями и стилем "Сказки" Перро не похожи даже на народные сказки, хотя сюжеты их несомненно взяты из народной традиции. Вполне может быть, однако, что они ближе к своим оригиналам, чем можно себе представить, потому что и современные устные французские народные сказки отмечены этикетом, разительно отличающим их от наших отечественных. Те сказки, что пересказал Анри Пурра, могли быть несколько подкрашены {[HP_LTDC]}, но те, что опубликовал Поль де ля Рю {[_TBBOFFT]}, записаны дословно от крестьян, и хотя они более по-простонародному скаты, чем сказки Перро, они все же сравнимы с ними по стилю.

В "Сказках" же мадам д'Ольнуа отчетливо ощущается атмосфера высшего света, и по мере того, как ее наследники разрабатывали эти темы в объемистой "Комнатах Фей" {[_LCDF]}, эльфы делались все более утонченными, а сентиментальность и назидательность все шире разливались в их произведениях. Многие более сложные сказки остались непереведенными, но те, что были ближе всего к народным сказкам, сразу же завоевали сердца английских детей; и Перро ввел Фею-Крестную в Англию. Фея-Крестная была новым персонажем в Волшебной стране, но вскоре заняла главенствующее место.

Английские эльфы в самом деле имеют свой кодекс поведения, следование которому они требуют от смертных, встречая тех. Доброта, вежливость, открытость и честность необходимы для того, чтобы завоевать их расположение; они терпеть не могут скупердяев и нерях. Таковы качества, необходимые для общения между людьми и эльфами, и эти условия не были изобретены для назидательности. Верно, что эльфы считают себя чем-то вроде партнеров людей в деле увеличении плодородия земли - именно поэтому они терпеть не могут ханжества. Плодовитость и веселье дороги им. Важно также, имея дело с ними, говорить правду и держать свое слово, но – не принимая во внимание случай Элидора - это скорее не оттого, что они так благородны, но оттого, что они суть духи, и опасные; солгать черту, призраку или эльфу означает отдать себя в его власть, а лучше не отдаваться во власть даже самого хорошо расположенного к вам эльфа.

Во французских же сказках эльфы, похоже, сделали своей главной заботой поддержание людской морали. Например, в одной из сказок графини де Келюс есть история о принцессах, которых фея забирала в некое подобие пансиона, где каждой из них по окончании пребывания предлагалось выбрать дар - красоту, ум и т.п. Самая младшая из девушек, прежде чем сделать выбор, была отправлена в обзорную экскурсию, и в результате своих поисков попросила только спокойствия душевного {Перевод этой сказки есть в [AL_GFB] под названием "Дары феи"}. Феи здесь на самом деле - богини судьбы, в воле которых одарить не только такими мелочами, как кольца невидимости и бездонные кошельки, но и красотой, умом и даже добродетелью. Принцессе Кочерыжке из "Золотой Ветви" {Le Rameau d'Or, Madame d'Aulnoy, опубл. в [AL_RFB]}, например, фея предложила выбор между красотой и добродетелью, который странным образом определялся тем, с какой стороны она дунет в меховую муфту. Та выбрала добродетель, но никакой заметной перемены в ее характере от этого не произошло, хотя, если бы она сделала другой выбор, она бы заметно пала. Ей, похоже, повезло вдвое, потому что она стала к тому же необычайно красива; видимо, добродетель ее не нуждалась в волшебном подкреплении. В любом случае, эти феи сделали первый шаг к тем наставникам, которых непочтительно описывает Пак с Холма Пука, как "сахарных пришельцев, непрестанно снимающих шляпы". {[RK_PORH], р. 14}

Следующая волна пришельцев была с Востока. "Развлечения аравийских ночей" попали во Францию в конце XVII в., и мгновенно имели там огромный успех. Три из историй этого сборника - "Синдбад-мореход", "Али-Баба" и "Аладдин" - вскоре обосновались в английских детских комнатах и были воспроизведены в дешевых книжках для простого народа. Когда комедия дель арте переродилась в пантомиму, две сказки из этих трех стали наиболее популярными сюжетами для нее; но джинны, африты и пери арабских сказок, в отличие от французских фей, не повлияли на английских эльфов и никак не изменили их: традиция была слишком чуждой.

В начале XIX века огромный толчок к увлечению эльфами придал выход в свет в 1823 и 1826 гг. "Домашних Сказок" братьев Гримм. Изначально поводом к сбору и публикации

"Haus-und-Kinder-Märchen" было патриотическое желание сохранить немецкую традицию во время французской оккупации Германии; но истории вышли за пределы национального наследия и с триумфом прошли по всей Европе. Они изменили некоторые традиции народной сказки даже в Японии {[HI_TIOFIOJCLTGHT]}, pp. 575-83}. Сами сказки принадлежат к международным типам, и множество историй на те же сюжеты и основные темы рассказывали и в Англии, но в XVIII в. их погребли под утилитаристскими идеалами образования классовое расслоение, обезземеливание бедноты и эксплуатация рабочих, почти задушившая народную культуру. Культура невозможна без досуга; жизнь в горах и на островах Шотландии была нелегкой и очень бедной, как и везде, но зима давала крестьянам и рыбакам вынужденный досуг - время для сказок и песен - и народная культура продолжала жить. Английский пролетарий во время промышленной революции не имел выходных; машины требовали к себе людей зимой и летом. Не перечесть семей, в которых цепь традиции прервалась безвозвратно. Однако какие-то воспоминания сохранялись; сказки братьев Гримм англичане приняли, как нечто родное. Несмотря на различия в стиле и атмосфере – охота на ведьм и Тридцатилетняя война наложили свой мрачный отпечаток на немецкие сказки, и казни, обрушающиеся на их плохих персонажей, намного более жестоки, чем это обычно принято в английских сказках - то, что сказки эти пробудили интерес к собирательству английских волшебных сказок, указывает на их родство. Метод работы братьев Гримм вдохновил собирателей, и именно с того времени в Англии началось сознательное воспроизведение сказок в том виде, в каком они были рассказаны. Большинство Märchen – это скорее истории о колдовстве и странных происшествиях, чем о настоящих эльфах, но там, где эльфы появляются - в таких сказках, как "Румпельштильцхен", "Сапожник и эльфы", "Белоснежка и семья гномов" и др. - они очень близки к английским типажам. Если говорить о том, как немецкие эльфы изменили английскую традицию, то следует указать на укрепление образов хобгоблинов, пикси и ведьм, которые в это время заслонили романтических фей. Со временем Гриммов ведет отчет собирательство наших отечественных сказок; но их было мало, и они никогда не приобрели в детских комнатах популярности французских и немецких сказок. "Три медведя", "Джек и бобовое зерно", "Джек - победитель великанов" и "Дик Уиттингтон" известны всем английским детям, но не столь любимы, как "Золушка", "Красная шапочка", "Спящая красавица", "Белоснежка" или "Двенадцать танцующих принцесс".

Следующей высадилась на наши острова скандинавская традиция в двух видах - настоящие народные сказки Десента и Торпа {[GD_PTFTN] и [BT_YS]} и "Сказки" Ганса Андерсена, которые впервые перенесла в нашу страну Мэри Хоуитт – одаренная двукратно, ибо она также автор одного из самых известных у нас сборников "Детских стишков". Волшебные сказки Ганса Андерсена - такое же произведение искусства и столь же превосходно обработаны, как сказки Перро и мадам д'Ольнуа. Самые ранние из них были переложениями настоящих народных сказок, но со временем Андерсен фантазировал все больше и лишь изредка касался народных тем. То же можно сказать о "Комната Фей", с той разницей, что Андерсен - великий художник, а поздние французские рассказчики - нет.

Ганса Андерсена обожали в Англии, и многие подражали ему. Оскар Уальд почти в точности воспроизводит его горьковато-сладкое сочетание сатиры и сантимента {[OW_THRAOT]}. Сказки Мэри де Морган и Лоуренса Хаусмэна также многим обязаны Андерсену. Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что именно со сказками Ганса Андерсена в наше отношение к эльфам и феям вошел авторский каприз. Часть вины, видимо, должны принять на себя ирландские писатели; может быть, стоит оглянуться на Хореса Уолпола, Тиккелла и их предшественников и сказать, что семя каприза всегда было в почве, но расцвело оно именно в первой четверти нашего века; и состав, аромат и вкус этого коктейля - это Ганс Андерсен и вода.

XXI. Моралисты

В XVIII в. издание книг для детей сделалось по-настоящему выгодным предприятием. Прежде издавались лишь учебные пособия - "Детская Книга" Кэкстона в числе первых, грамматики же и учебники выходили с XVI века - как невероятно скучные, так и вполне живые и занимательные, такие, как "Французский Педагог" Холлибэнда {[CH_TFS]}; но развлечения дети могли искать лишь в книгах, забавлявших простодушных взрослых – к историям, пересказанным в народных книжках и балладах. Они предназначались для развлечения, и их не переиначивали с назидательными целями; некоторые из них, такие, как "Ведьма из лесной страны" {[LP_TWOTWOTCNT]}, были совершенно непедагогичны.

Но когда авторы начали намеренно писать для детей, назидание стало их главной заботой, что зачастую имеет место и по сей день. Детская психология понималась плохо, а назидателям не терпелось получить результаты и превратить детей в маленьких взрослых так быстро, как только возможно. Если развлекательность и допускалась, то лишь затем, чтобы подсластить пилюлю. В целом для эльфов это было тяжелое время. Тщетно Стиль в 1709 г. указывал на моральную ценность популярных сказок. Эпоха принадлежала миссис Триммер и ее школе, считавшим эльфов бессмысленной выдумкой.

Большинство историй, написанных для детей в XVIII и начале XIX в., неизменно небрежны в сюжете, хотя бы и позаимствованном из волшебной сказки. Сказки о хорошем и плохом мальчиках, рассказанные мистером Барлоу в "Сэндфорде и Мертоне" Дэя - это сюжет сказочного типа № 403, "Добрый и злой", и возмездие в них не менее конкретно, чем в любой волшебной сказке {[TD_THOSAM], vol. I, pp. 181-203}. Там, где допускается появление эльфов, они больше похожи на поздних французских фей, чем на настоящих эльфов из фольклора, а чаще эти волшебные сказки не более, чем аллегории. "Принц Жизнь" Дж. Р. Джеймса, например, - откровенная аллегория, тогда как «Небылица дядюшки Дэвида» в "Доме на праздники" {[CS_NH], Ch. IX 'Uncle David's Nonsensical Story about Giants and Fairies', pp. 147-209}, где фигурируют великан Хватай и эльф Научи - нечто среднее между аллегорией и пародией. "Руки великана" - другая скорее волшебная, чем аллегорическая история, в которой есть людоедша и эльфийские руки, весьма незатейливо названные "Руки Прилежания". Благодаря своему содержанию, история эта может позабавить более других {[_TGNOTROI], pp. 97-116}. Полет фантазии в то время сберегался в основном для таких пустяков, как "Бал бабочек" Роско и подражаний ему - "Павлин у себя дома", "Завтрак розы", "Представление у Флоры" и т.п. Их популярность говорит о том, как читатели набрасывались хоть на что-то фантастическое.

Рука моралистов видна в сказке "Джек и бобовое зернышко", переработанной для народной книжки {переиздано в [_EFAFT]}, где Джеку является фея и сообщает, что сокровища великана украдены у отца Джека, и потому не будет бесчестным отнять их у него. Даже те авторы, которые искренне интересовались эльфами и сверхъестественным, добросовестно старались выжать из них какую-нибудь людскую мораль. Крукшенк зашел в совершенный абсурд - он приспособил "Мальчика-с-пальчик", "Золушку" и "Джека и бобового зернышка" для нужд общества трезвости {[GC_FL], 'Hop O' My Thumb', 'Cinderella', 'Jack and the Beanstalk'}. Он взял и без того уже перегруженную моралью версию "Джека и бобового зернышка" и превратил цветочную фею-хранительницу, арфу и курочку в эльфов, добавив также персонажа, похожего на хобгоблина. Дурное поведение великана он объяснил его пристрастием к выпивке, и в конце великан не погибает, а перевоспитуется, исправляется и становится примерным мужем своей прежде несчастной жены. Отец Мальчика-с-пальчик заблудился, будучи во хмелю, и именно этим объясняется его поведение; а крестная Золушки без труда убеждает отца принца уничтожить все спиртное в королевстве. Диккенс совершенно справедливо презирал переделки Крукшенка и выступал против них в своем "Замечании по хозяйству":

В наши утилитарный век более, чем во все времена, необычайно важным становится почтительное отношение к волшебным сказкам. Алы́й цвет нашей английской ленты слишком величественно красен, чтобы пользоваться ею для подвязывания таких пустяков, но всякий, кто занимался этим вопро-

сом, знает, что нация без фантазии, без некоторой доли романтики, никогда не могла, никогда не может и никогда не сможет занимать достойное место под солнцем. Сейчас, когда театр изо всех сил постарался известить эти восхитительные вымыслы – и, самым показательным образом, тем самым извел артистов, зрителей и себя самое, извратив свой прямой долг – сейчас вдвойне важно спасти детские книжки – колыбель фантазии. Чтобы сохранить их во всей их полезности, должно защищать их простоту, чистоту и невинную выдумку, как если бы это была святая истина. Тот, кто переделывает их в угоду своей задаче, какова бы та ни была, повинен, на наш взгляд, в гордыне и присвоении себе того, что ему не принадлежит. {[CD_FOTF,HW], pp. 97-100}.

Таким же суровым, должно быть, было бы его отношение к пересказу народной книжки "Мальчик-с-пальчик" пера Шарлотты М. Йонг {[CMY_THOTT]}. В эту маленькую книжечку втиснуто немало эрудиции, и в примечаниях автор цитирует множество эльфических поэм елизаветинской эпохи. Сказка украшена артуровскими легендами и отсылками к женитбе сира Гавейна, добыче Экскалибура и поединку короля Артура с великаном Риенсом. Шарлотта Йонг также знает об опасности есть и пить что-либо в Волшебной стране. Опасность нечистых эльфийских сил также известна ей, так что она не делает эльфов педагогическим инструментом и не приукрашивает их, как делали многие из ее последователей. Но весь дух, которым пропитана книга, настолько не похож на легкий, мимоходный юмор оригинала, что делает ее совершенно другим произведением. Она выполнена в духе представлений XIX века о христианском рыцарстве. Мальчик-с-пальчик – Том Тамб – драматическая фигура; эльфы искушают его изменить христианской вере и верности королю. Здесь он – герой рыцарского романа, как если бы он был шести футов ростом, но это не Мальчик-с-пальчик.

Джордж Макдональд родился и вырос в Абердиншире – той части Шотландии, которая сохранила народную сказку и балладу в наибольшей чистоте. Он обладал глазом, зорким ко всему сверхъестественному, и пониманием, выросшим на фольклоре; но он был моралистом пуританских корней, и эльфы стали его излюбленным инструментом. Ему по сердцу были моралистические феи поздней французской традиции, вершители судеб. В "Керди и гоблинах" мы видим злых гоблинов из рудников, но фея-крестная – прабабушка принцессы Ирены – поднята до почти ангельской высоты. В сказке "Заблудившаяся принцесса, или Мудрая старушка" {[GM_TLP]} фея забирается еще выше, и ее уже можно принять за олицетворение божественного Провидения, или, по крайней мере, как у Вордсвортса, "Строгую Дочь Гласа Божьего". Только божественный статус может оправдать насилиственное копание в самых глубинах души Агнес. Никакое существо не может претендовать на такую власть, и только Всеведущий может знать, толкнет ли такое надругательство над личностью ребенка за порог безумия или же даст ей последний шанс на спасение.

В коротких волшебных сказках Джордж Макдональд часто следовал распространенной французской модели, в которой действуют злая фея и фея, выступающая как гений-хранитель. Иногда он использует другую тему – например, в "Сердце великана" {[GM_DWTF], pp. 1-99}, и в поэтической аллегории "Ключ Мосси" {[GM_DWTF], pp. 100-40}. Семейная фея в "Малютке Ясный День" {[GM_DWTF], pp. 248-308} во многом похожа на ту, с которой мы познакомились в народной книжке про "Джека и бобовое зернышко". Обращение с этой феей в изрядно переработанной версии Крукшенка во многом схоже с таковым у Джорджа Макдональда, хотя и лишено его поэтического таланта.

Джек уже спешил домой в деревню, как вдруг увидел маленькую старушку, в плаще с капюшоном, что сидела возле дороги, согнутая старостью и нездровьем. Хотя Джек очень торопился, его добре сердце не позволило ему пройти мимо того, кто попал в беду, и поэтому он подошел к старушке и спросил, не может ли он чем-нибудь помочь ей. Сперва она ответила лишь долгим стоном, не переставая раскачиваться взад-вперед; но Джек присел рядом с ней, заговорив с ней ласково, взял ее за руку и помог ей подняться.

Плащ и одежда старушки были темно-бурыми от грязи; но едва она встала, как одеяние ее сделалось зеленым, красным, голубым и золотистым, а на

морщинистое лицо ее прступил румянец; маленькие серые глазки распахнулись и блеснули ослепительно-голубым. А потом все - и плащ, и капюшон, и платье, и лицо, и сморщеные коричневые руки - все медленно растворилось в воздухе; и перед Джеком встала очаровательнейшая и изящнейшая маленькая леди с венком из маленьких цветочков на светлых льняных волосах. За спиной у нее была пара крыльев, похожих на крылышки какой-нибудь прекрасной бабочки, и платье было подобрано в тон узору на крыльях. В одной руке она держала маленькую сверкающую палочку, а в другой - бобовое зернышко в ярких красных и золотых пятнышках.. {[GC_FL], 'Jack and the Beanstalk', p. 9}

Старушка, с которой подружился Джек, могла выйти из любой волшебной истории, но описание феи совершенно типично для XIX века. Весьма похожее описание встречается в сказке "Патти и ее кувшинчик", которую можно найти в сборнике сказок, составленном в 1880 гг. Рутледжем {[MGFT], pp. 157-76, 'Patty and Her Pitcher'}. Фея эта, появляющаяся в разных обстоятельствах, похоже попала во множество низкопробных авторских сказок. Некоторые из них, опубликованные в замечательной серии грошовых брошиор под названием "Полезные книжки для деток" повествовали о таких же моралистических феях - например, "Легенда о березе", иллюстрирующая библейскую пословицу, столь популярную в былье времена: "щадя розги, портишь ребенка".

Аллегории и моралистические сказки продолжались по меньшей мере до начала XX в. в таких книжках, как "Путешествия Сильвии" {[CA_ST]}, но с 1850 гг. в литературе начали появляться более проказливые и безответственные эльфы. Эльфы, похитившие Амелию в "Амелии и гномах" миссис Эвинг, сперва были озабочены улучшением ее морального состояния; но когда она исправилась, они, как всякие народные эльфы, попытались оставить ее у себя, а описание эльфов и колоды в этой сказке достойно всяческих похвал.

- *А вот и Амелия!* - воскликнул карлик, когда они добрались до первой копны.
- *Хо-хо-хо!* - засмеялись все остальные, выглядывая то тут, то там, из сена.
- *Принесите колоду,* - велел карлик; сено зашевелилось, из него выбралось шесть или семь карликов, и то, что они держали, сперва показалось Амелии маленькой девочкой, такой же, как она сама; но, присмотревшись, Амелия к своему ужасу и удивлению увидела, что колода была в точности, как она сама - это было ее лицо, ее одежда и все остальное.
- *Закатить колоду в дом?* - спросили гоблины.
- *Нет,* - сказал карлик. - *Положите возле копны. Отец и мать девчонки уже пошли ее искать.*

Услышав это, Амелия завизжала "На помощь!"; но ее тут же затолкали в сено, откуда даже самый громкий вопль был не громче стрекотания кузнецика.

- *Смажьте ей глаза!* - приказал карлик, и глаза Амелии смазали какой-то мастью. Когда она, наконец, приоткрыла их, то увидела, что колода была всего-навсего волосатым бесенком с лицом, как у самой старой и безобразной обезьяны.

- *Теперь спускайте ее!* - добавил карлик. Тут земля рассступилась, и Амелия полетела вниз.

Она очутилась в чистом поле, где не было видно никаких домов. Луна, конечно же, не светила здесь, но на поле не было ни темно, ни светло. Это был свет раннего утра, и каждый звук, словно во сне, слышался и ясно и смутно как слышатся первые звуки наступления дня в свежем преддиктумном воздухе. {[JHE_AATDTBAOT], pp. 82-91}.

Здесь мы - в другом мире, отличном от мира хрупких морализирующих фей, и мораль в этих сказках не намного навязчивее той, что действует во множестве народных сказок, где нельзя полностью отрицать ее присутствие. Мы вернулись к морали народных эльфов.

Предприимчивый подмастерье больше не герой; главные добродетели - щедрость и легкое сердце, а скряга - величайший из негодяев. Столь же неназойлива мораль, которая содержится в "Бабушкином чудесном кресле" {[FB_GWC]}. Даже "Король Золотой реки" следует истинно народной традиции, несмотря на то, что Раскин - педагог по призванию. В "Фее Мопсе", опубликованной еще в 1869 г. {[Л_MTF]}, читатель путешествует по фривольному, безответственному волшебному миру, где может произойти все, что угодно, и где можно делать все, что хочется. На самом дне этого мира таится какая-то безумная действительность, напоминающая лучшие картины сюрреалистов. Это полный разрыв с рациональными моралистами XVIII века. Мы пускаемся в открытое море, и самая беспричинность и бессмысленность приближает этот мир к реальности.

XXII. Фольклористы и собиратели

Устная традиция была предметом постоянного изучения с XVII века. История его делится на три больших периода: антиквары XVII в., литераторы эпохи Романтического Возрождения в конце XVIII в. и фольклористы в конце XIX в. Вначале целью были древности и обычаи; в XIX веке начали собирать и народные сказки и, что еще важнее для нашей текущей задачи, систематически записывать традиции, касающиеся эльфов и других сверхъестественных существ.

В 1831 году Джозеф Ритсон издал сборник отечественных волшебных сказок, предварив его кратким эссе о пигмеях древности и их родичах в не столь отдаленные времена. Нового материала в этой книге нет - это полезное переиздание эльфических анекдотов из средневековых хроник, вплоть до тех, что опубликованы в "Острове Мэн" Уолдрона. Холлиуэлл-Филлипс следовал тому же плану в своих "Иллюстрациях к эльфийской мифологии "Сна в летнюю ночь""", а в 1874 Кэрью Хэзлитт объединил оба подхода в своей "Эльфийской мифологии Шекспира". Томас Кайтли в своей "Эльфийской мифологии" воспользовался тем же методом, но раскинул сети шире - он собирали эльфийские анекдоты по всей Европе, упорядочив их по происхождению. Все это - ученые труды, в высшей степени ценные, так как они аккумулируют в себе большую часть доступного печатного материала. Мы очень многим обязаны их авторам - равно как и популяризаторам, сделавшим забытые народные сказки доступными для детей. В первую очередь здесь вспоминаются Лэнг и Джейкобс, а также Джеймс Стивенс, чьи восхитительные книги пропитаны самим духом ирландской традиции. Были и более поздние популяризаторы - Амабель Уильямс-Эллис, Роджер Ланселлин Грин и Монтгомери, каждый из которых заслуживает упоминания.

Существуют, однако, и другие работы, бывшие плодами поиска, и сами ставшие материалами, которыми пользовался Кайтли. Самыми первыми в этой области были Аллан Каннингхэм в 1822 г. в Шотландии и Крофтон Крокер сразу после него в 1825 г. с "Волшебными легендами юга Ирландии". Англия не заставила себя долго ждать, и уже в 1836 г. миссис Брэй опубликовала свой отчет о "Традициях на окраинах Тэймера и Тэйви" в серии писем, адресованных Роберту Сьюти. Она не пыталась воспроизвести истории в точности так, как они были рассказаны, но в целом ее материал вполне достоверен, и во многом именно ей мы обязаны знанием об эльфийских поверьях в этой части Девона, равно как и некоторыми прекрасными сказками о пикси, такими, как, например, та, в которой ленивую девушку поражает хромота, и широко известная история о повитухе для эльфов.

Еще большей ценности материал опубликовал Роберт Хант в его "Популярных романах запада Англии". Хант путешествовал по стране и встречался с последними корнуолльскими странствующими рассказчиками дроллов, хранившими в памяти такие длинные повествования, как "Дафи и Территоп" {[RH_PROTWOE]}, pp. 239-47}, рассказывавшиеся на протяжении нескольких ночей. Стиль повествования Ханта, возможно, несколько поверхности, но он сохранил множество традиций и сказок, которые иначе были бы утеряны. В целом его книга дает картину жизни, атмосферы и верований старой корнуолльской глубинки, которые едва ли могли бы уцелеть. Немного позднее "Традиции" Боттрелла {[WB_TAHSOWC_II]} дополнили и подтвердили находки Ханта. На Севере Хендерсон собирал поверья о Данни, о Лохматке, Пиктри Брэге, дантерах, красных шапках, паури и других странных существах Пограничья, о Бездельнике-со-Стены, Килмулисе и многих других. {[WH_FLOTNC]} Трактаты Денхэма рассказали о Дерхаме и Уэстморленде. {[D_T]} Паркинсон {[TP_YLAT]} и Аткинсон {[JCA_FYIAMP]} увековечили традиции Йоркшира, а Роби - Ланкашира {[JR_TOL]}, хотя текст его почти нечитаем. Эдди, другой северянин, был одним из первых собирателей, которые стали воспроизводить истории точно тем языком, каким они были рассказаны {[SOA_HTATR]}.

Когда Фольклорное Общество начало набирать силу, сказки и эльфийские поверья начали собирать во всех уголках страны. "Легенды Каров" миссис Бальфур {[MCB_LOTC], vol. II}, следует отметить особо - они познакомили читателя с целым языческим миром эльфийских поверьй и обычаяв. Сказки для Фольклорного Общества собирали Лэнг, Клодд, Берн, Хартланд, Ньюэлл, Грегор и многие другие знаменитые фольклористы. Было издано

множество замечательных книг, и одной из самых полных был сборник "Популярные сказки Западных Гор Шотландии" Кэмпбелла {[JFC_PTOTWH]}, до сих пор являющий собой образец достоверности изложения. Вирт Сайкс собирал истории и поверья в Уэльсе {[WS_BG]}, а позднее тем же занимался Джон Рис, с большей точностью и большей ученостью {[JR_CF]}. "Шропширский фольклор" Берна и Джексона был тем же для этой части Западного Среднеземья; Джейбз Эллиз включил некоторые эльфийские поверья в свой "Фольклор Ворстершира" {[JA_OTABRASAAFLW]}, а в начале нашего века Мэри Лезер выпустила последнюю из своих книг в этой серии в "Херфордском фольклоре", опубликованную в 1913.

С XVIII века и до сих пор "Журнал Джентльмена" опубликовал немалое количество курьезного материала, и в 1885 г. Дж. Л. Гомм издал статьи фольклористического содержания отдельным сборником под названием "Английские традиции". В 1847 г. Томс передал "Атенеуму" серию фольклорных заметок, а позже начал публиковать свои "Заметки и поиски", в которых сперва немало интересовался фольклором, хотя потом углубился в историю. В XIX веке в большинстве графств существовали археологические или краеведческие общества, и периодика некоторых из них содержит статьи, представляющие интерес для фольклориста, хотя чаще они повествуют об обычаях, чем об эльфистике.

Верхняя и Нижняя Шотландия и Абердин были неплохо описаны, а Патрик Кеннеди, Дуглас Хайд, леди Уайлд и многие другие превосходные собиратели с большим почтением занялись материалом, какой только можно было собрать по всей Ирландии. Оркнейский архипелаг, Шетланды и остров Мэн были хорошо обработаны собирателями. Применяемые ими методы, однако, зависели от проживания в данной местности. Несомненно, что тот, кто всегда жил там и знаком с местными жителями с детства, может собрать более подробную и точную информацию, чем приезжий, хотя бы и дотошный. Произведения Александра Кармайкла или Кэмпбелла с Айслея не имели бы того громадного успеха, если бы их авторы сами не были горцами и не говорили свободно по-гэльски. Но это не всегда необходимо. Некоторые собиратели умеют очень быстро устанавливать связи и внушать доверие людям, которые обычно застенчивы и не склонны рассказывать о своих тайных верованиях чужакам. Достаточно отметить замечательные результаты, которых достиг в своих путешествиях по кельтским странам Эванс Вентц. Вирт Сайкс был американцем, но ему удалось собрать некоторое количество замечательного оригинального материала в Уэльсе. Остров Мэн обязан сохранением своих лучших историй Уолдрону. Так что, когда не находится фольклористов из числа местных жителей, стоит попробовать себя странствующим собирателям.

В Англии многие графства до сих пор представлены в наших сборниках сказок и другого фольклорного материала непропорционально. Сравнительно немногим могут похвастаться Уорвикиш, Вилтшире, Глостершире, Оксфордшире, Бедфордшире и Хертфордшире. Песни и танцы, собранные в некоторых из этих графств, показывают, что там можно найти и другой материал, который ждет своего собирателя - если только он придет не слишком поздно.

Несмотря на провалы и неполноту, к концу XIX века любому, кто хотел прочитать, была доступна немалая толика информации об эльфийских поверьях. Авторы сказок для детей, могут винить лишь себя самих за то, что передавали друг другу маленький клубок прелестных фантазий, все более и более заношенных.

XXIII. Юмористы

Юмористы числились среди самых ранних наших писателей про эльфов. Каждому вспомняются тут чосеровские косые взгляды на нищенствующих святых монахов, занявших место эльфов. Дрейтоновское отношение к королю эльфов и придворным дамам Волшебной страны явно отдает фарсом:

*From thence he ran into a Hive,
Amongst the Bees hee letteth drive
And downe their Coombes begins to rive,
And likely to have spoyled:
Which with their Waxe his face besmeard,
And with their Honey daub'd his Beard,
It would have made a man afeard
To see how he was moyled.*

*Оттолос побежал к Улью он,
Среди пчел он оказался
В их Сотах обильно повалялся,
И множество их перепортил:
В их Воске вымазал свое лицо,
Их Медом залепил всю Бороду,
Кто угодно испугался бы его,
Так он испачкался.*

{[MD_TWO], vol. III, p. 132}

А о фрейлинах за туалетом:

*When like an uprore in a Towne,
Before them every thing went downe,
Some tore a Ruffle, and some a Gowne,
Gainst one another justling;
They flewe about like Chaffe i' th' wind,
For hast some left their Maskes behinde;
Some could not stay their Gloves to finde,
There never was such bustling.*

*Когда, как пред бурею в Городе,
Все расступилось перед ними,
Одна попортила Прическу, другая – Платье,
Столкнувшись друг с другом;
Они неслись мимо, точно солома на ветру,
Ибо одна забыла свою Маску;
Другая никак не могла найти Перчатки,
Век не бывало такого переполоха.*

{[MD_TWO], vol. III, p. 135}

Как мы уже видели, XVIII век следовал той же моде, хотя и не с таким размахом, пока власть не захватили моралисты, и эльфы из мишени для сатир не превратились в менторов. Когда юмористическое отношение воскресло снова, оно попало в русло, проложенное французскими волшебными сказками. Фея Черной Палочки *[Blackstick]* в "Розе и Кольце" - одна из французских фей-покровительниц, демонстрирующая проблемы, связанные с применением на практике эльфийских даров:

*Fairy roses, fairy rings,
Turn out sometimes troublesome things.*

*Волшебные розы, волшебные кольца
Часто приносят немало хлопот.*

{[T_TOT], vol. X}

Элемент фарса в этой истории заключен в перемене судьбы, вызванной перемещением волшебного талисмана. Рыжеволосую простушку Анжелику считают красавицей, пока она не расстается с кольцом; отвратительная графиня Ворчал-сопелская *[Gruffanuff]* попадает в центр всеобщего обожания, едва надевает его. Фея Черной Палочки появляется в конце, как *dea ex machina*. В сущности, это сказка скорее о волшебстве, чем об эльфах, как и многие народные сказки. Тема эта многократно использовалась в юмористических волшебных сказках, и не все из них были детскими. Волшебное кольцо, дающее власть тому, кто его носит - тема "Того, что прежде" Барри Пэйна {[BP_TOB]}. Юмор "Принца Зазнайо" Эндрю Лэнга опирается на во многом схожий сюжет. Проклятие принца - в том, что он чересчур умен и растет слишком просвещенным, чтобы верить в чудеса и волшебство, окружающее его. В этой истории есть и оттенок сатиры, но сатира направлена против интеллектуального самомнения; юмор же - ибо сказка написана остро - опирается на угадываемые отсылки к народным сказкам, в основном французского происхождения.

И король пошел к Зазнайо и сказал, что страна в опасности и он отдаст корону тому из сыновей, кто принесет ему рога и хвост чудовища (оно к тому же было еще и рогатое).

- Справиться с ним, конечно, нелегко, - закончил король, - но ты - старший, сын мой! Иди туда, где тебя ждет слава! Надевай доспехи и - мари!

Так сказал король, надеясь, что либо Огнемет изжарит принца Зазнайо живьем (а сделать это он может запросто, так как пышиет жаром, как раска-

ленная кочерга), либо, если принцу повезет, страна, по крайней мере, будет избавлена от чудовища.

Однако принц, который лежал на диване и от ничего делать выводил признак делимости на семя, ответил самым вежливым образом:

- Благодаря образованию, которое ваше величество изволило мне дать, я знаю, что Огнемет, равно как и сирена, фея и так далее, есть животное мифическое, на самом деле не существующее. Но даже если допустить - чисто метафизически - что Огнемет на самом деле существует, посыпать меня нет ни малейшего смысла, и вашему величеству прекрасно это известно. Испокон веку старший сын отправляется первым и неизменно попадает в беду, а одерживает победу всегда младший сын. Пошлите Альфонсо, и он в два счета справится с этим делом. А если вдруг не справится - что будет против всяких правил - следующим попытать счастья может Энрико. {[AL_MOFB], pp. 16-18; пер. Н.Рахмановой цит. по [САП], стр. 165}.

Продолжение "Принца Зазнайо" - о сыне короля Зазнайо Рикардо, прелестном, но неграмотном мальчике, который очень любил приключения, и все надежды возлагал на волшебные талисманы, которые подарил ему отец. Здесь спектр отсылок еще шире - Корнелиус Агриппа, "Порошок симпатии" Кенельма Дигби, "Неистовый Орландо" и экскурс в историю при встрече с принцем Чарльзом Эдвардом Стюартом - но ареной служит мир волшебных сказок; принц Рикардо сражается с Желтым Гномом и Великаном, Не Знающим, Когда Хватит, а спасенная принцесса Жаклина брала уроки волшебства у феи Парибану. Вся история в целом рассказана мягче и менее насмешлива по тону, чем предыдущая; ей несколько не хватает целостности, но она полна приятных поворотов. Третья сказка в этой книге вовсе не комична - она полностью основана на шотландской эльфистике.

Книги об Алисе Льюиса Кэрролла не имеют ничего общего с Волшебной страной, а его попытки вывести эльфов в "Сильви и Бруно" - неудачны. Там, где Бруно забавен, он забавен как маленький мальчик, а не как эльф. Есть несколько занимательных моментов: Младший Стражник и Младшая Стражница *[Sub-Warden and Sub-Wardeness]*, неудачная попытка революции, прилежное изучение городской адресной книги в качестве алиби {[LC_SAB], pp. 125-6. [LC_SABC]}, - но это не эльфы. Это королевство находится лишь на самых дальних подступах к Волшебной стране. Книга страдает от того, что Кэрролл сделал ее амбаром, в который втиснул все свои разнообразные шутки, истории и мысли, вынашивавшиеся в течение долгих лет. С ее эльфийских частей нельзя снять обвинение в авторском капризе.

В волшебных историях миссис Несбит нет настоящих эльфов, хотя Псаммид и называет себя «песчаной феей». Однако в своих "Девяти необычных сказках для детей", среди которых есть три сказки об феях, автор применяет в юмористических целях тот же прием - фантазирование волшебной сказки. В двух из девяти сказок феи присутствуют при крещении. В "Мелисанде" Король и Королева, чтобы обезопасить себя, решили не приглашать никаких фей. Результат вышел неудачный:

Королева едва не лишилась чувств, когда Малевола с другой феей в небольшом чепце, на котором шевелились змеи, вошли и шагнули вперед, шелестя кожистыми крыльями. Но и король шагнул вперед.

- А вот этого не надо! - сказал он. - Воистину, я удивляюсь вам, леди. Как можно быть так непохожими на фей? Вы вообще учились в школе? Учили историю вашего собственного рода? Почему такой бедный и невежественный король, как я, должен говорить вам о том, что так не бывает?

- Да как вы смеете? - воскликнула фея в чепце, и змеи на ее чепце заколыхались. - Теперь моя очередь, и я говорю, что принцесса будет...

Король буквально закрыл ей рот ладонью.

- Вот что, - сказал он. - Так не пойдет. Прислушайтесь к голосу рассудка - иначе потом вы пожалеете. Фея, которая нарушает традицию волшебной истории, исчезает - вы это прекрасно знаете - как огонек свечи. А все традиции говорят о том, что на крестины забывают пригласить только одну

злую фею, а добрых приглашают всегда; так что - либо это не крестины, либо вы приглашены все, кроме одной, и это, с ее собственных слов, Малевола! Так бывает почти всегда. Я достаточно ясно выражаясь?

Несколько фей более высокого класса, которые сторонились Малеволы, прорубомотали, что в словах его величества определенно что-то есть.
{[EN_NUTFC], 'Melisande', pp. 163-4}.

Не нужно говорить, что правило о том, что фея может исчезнуть, словно огонек задутой свечи, изобретено специально для этой сказки. Прием, задействованный здесь, заключается в предположении, что все волшебные истории принадлежат к одному миру. Прием этот часто используется в пародиях - к примеру, в "Эльновии", пародии на мир романов.

А. А. Милн использует тот же род приема, но более легковесно, в "Однажды давным-давно" {[AAM_OOAT]} и в пьесе "Заставь поверить". В "Заставь поверить" фей нет, и единственны три феи мимоходом вводятся в "Однажды давным-давно" - фея, потерпевшая поражение в стычке с королем Мерривигом; маленькая фея, которую Виггз спас от волшебника; и старушка, приютившая на ночь Удо и Коронеля. Юмор сосредотачивается главным образом вокруг магических орудий - кольцо, выполняющее желания, плащ-невидимка, сапоги-скороходы и т.д. Во всей истории присутствует весьма забавная легкость мысли, хотя нельзя отрицать, что в нее вкрадываются порою довольно навязчивые капризы.

В иных историях мы видим пародию не на народные сказки, а на морализаторские сказки XVIII века. Этот аспект заметен в "Правильно сделанных подсчетах" Э. Несбит. В этой истории фея - Фея Арифметики. *"Неужели никто не говорил тебе, - продолжала фея, отряхивая свой плащ, сплетенный из интегральных вычислений и подшипый сверкающей канвой логарифмов";* а также *"фея потянулась, и тихонько зазвенела ее цепь, скованная из линейных уравнений. Эдвин засопел."* {[EN_NUTFC], ed.cit., p. 227}.

Более простой случай - сказка Энсти о девочке-зазнайке, которая встретилась с феей и получила традиционный дар - с ее уст стали сыпаться рубины и жемчуг. Они появлялись только тогда, когда она говорила вежливо и красиво, но поскольку все ее добродетели были притворные, драгоценности также неизменно оказывались фальшивыми {[FA_TGLG.MFT], pp. 152-77}.

Несколько иной тип юмора - юмор фей в "Иоланте". Предмет пародии здесь - театральная фея, пухлая девица в чулках и вуали, заявляющая, что питается росой и танцует на паутинке. Необычно здесь обращение к эльфистике, а не к волшебным сказкам. Высмеивается вечная юность и красота эльфов и фей и их склонность влюбляться в смертных. В сущности, здесь мы встречаем воскрешение настоящей эльфийской традиции, хотя и переработанной.

XXIV. Авторский каприз

Литературное обращение с эльфами находится во власти каприза автора с тех пор, как поэты перестали верить в то, о чем пишут.

До сих пор многие еще верят в привидения; да и те, кто сам не назовет себя верящим, имеют солидный запас анекдотов и любопытных происшествий, случившихся с их знакомыми. Вере в ведовство сопутствовали такие трагические обстоятельства, что и тогда, когда сама вера отошла, относиться к ней легковесно поначалу было невозможно. Сейчас волна веры поднимается снова: немало людей практикуют ведьминские ритуалы, основанные на писаниях Маргарет Моррей, призванных заново популяризовать эту тему в глазах общества. Но еще в начале XX в. - на спаде веры в ведьм - были написаны несколько юмористических и фантастических книг о ведовстве, из которых лучшими и наиболее известными стали "Плакучие ивы" Сильвии Таунсенд Уорнер {[STW_LW]} и "Однокая жизнь" Стеллы Бенсон {[SB_LA]}. С ведьминского шабаша приходят негодяи в "Полночном народе" Мэйс菲尔да {[JM_TMF]}.

Еще есть, как мы видели, те, кто по-настоящему верят в эльфов - в сущности, их число, может быть, даже растет - но общее неверие среди поэтов и писателей началось в очень ранние времена, а аккомпанемент эльфийских поверий настолько выразителен, что искушение использовать их как приправу становится почти непреодолимым. Особенно это относится к маленьким эльфам. Страсть к миниатюризации, столь сильная в Англии, делала их все менее и менее внушительными. Когда им приделали крылья бабочек и стрекоз, они пали почти до положения насекомых, и в смутные времена начала XX века были приняты все меры к тому, чтобы обезвредить их окончательно.

"Катавампус" судьи Парри - автор наверняка рассказывал его своим детям прежде, чем записать - один из самых первых примеров этого рода литературы. Во всей истории содержится немалая толика лукавства, а эльфы, случайно появляющиеся в ней, вероятно, более прямодушны, чем большая часть книги.

Но самым восхитительным и очаровательным из всего было то, что то и дело там и сям среди чаек попадались тоненькие светлые странствующие эльфы, танцующие на гребнях волн. Золотые и разноцветные звездами, которыми пестрели их легкие прозрачные крыльшки, посверкивали на солнце. Патер подумал, что это прекраснейшие создания из всех, которых он видел. Иные из них брались за руки и танцевали хороводом на гребне прилива, распевая прелестную песню, а иные тем временем играли прекрасную музыку на раковинах или постукивали двумя маленькими камешками в такт мелодии. {[EAP_KATFBOK], p. 10}.

Не следует винить Парри и его время за прозрачные крыльшки, продержавшиеся в изобразительной и литературной традиции больше двух столетий. Золотые блестки - это ми-нус, но в других частях книги попадаются вещи и более причудливые, чем это описание.

Детские ежегодники и журналы демонстрируют эти причуды в их худшем виде, а среди изданных книг, пользовавшихся когда-либо популярностью, самые слабые и бесплотные из всех эльфов, с которыми нам только выпадало несчастье встретиться, вероятно, эльфы Розы Фильман. Но абсолютное дно, вероятно, достигнуто в стихотворении "Серенький кролик", которое оскорбляет умы детей и юношества примерно с 1910 г.:

*'Oh dear, oh dear,' - said a tiny mole,
'A fairy's fallen into a hole.
It's full of water and slimy things,
And she can't get out 'cos she's hurt her wings.'*

*"Ой-ой-ой, ой-ой-ой!" - заплакал кротенок, -
"Фея упала в норку!
Там полно воды и склизкой тины,
И ей не выбраться оттуда, она повредила
крыльшки!"*

Сказка "Нодди" Энид Блайтон почти столь же плоха. Этот стиль забавно пародирует Анжела Тиркелл в "Дикой землянике":

- Смотри, Эмми, на этой картинке Хобо-Гобо хочет украсить золотую куколку у бедной маленькой феи Звонкий Колокольчик. Какой гадкий Хобо-Гобо! {[AT_WS], p. 49}

Забавно, но, право же, не стоило раскапывать завалы подобной литературы, чтобы охотиться на столь мелкую дичь.

Немало способных и одаренных авторов время от времени опускались до капризов, недостойных их таланта. Джеймс Барри вспомнится большинству читателей в первую очередь. Детство его прошло в Энгусе, который не славится таким богатым традиционным наследием, как Абердин или Пограничье, но Барри знал достаточно об эльфийских поверьях, чтобы уберечься от прищупов, которыми он часто грешит.

- Я думал, все эльфы это мертвецы, - сказала миссис Дарлинг.
- Молодые тоже есть всегда, - объяснила Венди, сделавшаяся авторитетом в этом вопросе, - потому что когда младенец первый раз засмеется, рождается маленький эльф, и пока на свете есть младенцы, на свете будут появляться эльфы. Они живут в гнездах на верхушках деревьев; сиреневые – это мальчики, белые – это девочки, а голубые – просто маленькие дурачки, которые сами не знают толком, кто они. {[JMB_PAW], p. 252}.

Все это выглядит весьма жалко; но в "Мэри Роуз" Барри работал над настоящей народной легендой и с большой аккуратностью отнесся к теме, которую он уже использовал в "Питере Пене" - теме девочки, которая связала себя с Волшебной страной и остановилась в своем росте, девочки, которая никогда не станет женщиной. По его обращению в прозе со схожей темой в "Сентиментальном Томми" видно, что Волшебная страна для него - символ творческого воображения и опасностей ухода от реальности. Эльфийские главы в "Белой Птичке" - лучшая часть этой книги. В них тоже есть немало извращений и изобретений, но все же в целом там выписана убедительная картина эльфийского характера. Лоб из "Дорогого Брутуса" - вероятно лучше всех задуманный и выношенный представитель волшебного народа у Барри. Он обладает огромным возрастом эльфийских подменышей, которые видели желудь прежде дуба. В своей старости, не знающей зрелости, он убедительнее, чем Питер Пэн. Ему присущи эльфийская проказливость и эльфийское прозрение. Появляющийся и исчезающий лес тоже вполне верен народной традиции, как и исполнение желания, и то, как судьба подчиняется характеру. Как и в других произведениях Барри, в этой пьесе есть скрытый изъян. Барри - прекрасный мастер, но в чем-то он похож на своего собственного Питера Пэна: он не смог ни справиться, ни смириться со взрослой жизнью.

Практически ту же струю - с горьковатым привкусом сентиментальности, который мы встречали у Ганса Андерсена и Оскара Уайльда - можно найти в произведениях Лоренса Хаусмана, как бы хороши они ни были. Здесь мы имеем в виду его волшебные истории. Многие из них являются вариациями тем волшебных сказок, часто с семейной феей во французском стиле. Иногда, однако, встречаются и настоящие феи, хотя зачастую они принадлежат к литературной традиции. В "Луне и клевере" {[LH_MAC] (в т. ч. истории, написанные между 1894 и 1904 гг.), pp. 153-63} есть маленькая фея, ростом со стрекозу, с волшебной палочкой. В этой, как и во многих других историях и современных сказках про эльфов, лейтмотивом является бегство из невыносимо жестокого мира. Девизом ко многим из них могли бы стать строки Йейтса:

*Come away, O, human child!
To the woods and waters wild,
With a fairy hand in hand,
For the world's more full of weeping than you can
understand.*

*Иди за мной, дитя людей,
К лесам и диким водам,
Рука об руку с эльфом,
Ибо в мире большие горя, чем ты можешь
понять.*

{[_IFAFT], p. 59}

В "Чашке лунного света" эльфы не сентиментализованы: здесь они не менее опасны и обманчивы, чем в любых народных традициях. В этой истории, как и во многих народных сказках, человекувечный - часто попросту дурак, хотя в данной истории это герой немой и безгрешный - единственный, кто может разрушить заклятие эльфов. Чтобы увидеть эльфов без вреда для себя, нужно сохранять молчание, как велит подлинная народная традиция. «Чашка лунного света и две пригоршни храбрости» звучит несколько фальшиво, но все же не валяется на дороге. Изящный поворот истории получает в конце, где немой мальчик спасает своего отца от эльфов.

Отец и сын спустились вместе с горы, и старик насвистывал и напевал, как птица.

- Ну, вот! - сказал он, - Ты парень сильный, рослый; ты станешь работать и присматривать за мной, а меня ждет спокойная, веселая старость! Да, долго же мне пришлось ждать этого; но рано или поздно приходит праздник и на нашу улицу. {[LH_MAC], ed.cit., p. 46}.

Многие истории Элеанор Фарджен - волшебные сказки, но, по счастью, эльфов в них немного. Они лишены оттенка сентиментальной горечи, свойственного некоторым сказкам Лоуренса Хаусмэна, но нельзя сказать, что все они всегда свободны от авторской причуды. Наиболее непосредственно описывает фею сказка о "Старушке, жившей в уксусной бутылке". В ней, однако, грех, приводящий к утрате дара – не гордыня, а капризность. Фея этой сказки - маленькая феечка.

- Бог мой! - вздохнула леди.

- А у вас что неладно, сударыня? - спросил тоненький голосок от окна, и там, на подоконнике, сидела фея, ростом не больше вашего пальца, а на ногах у нее были маленькие туфельки, зеленые, как апрельская трава.

Туфельки феи меняют цвет по временам года, и так же меняются желания леди, пока, наконец, она не загадывает себе черную комнату:

- Все дело в вас самой, леди, - сказала фея, - это вы не знаете, чего хотите!

И она запрыгала на кровати, стала кататься на спине и брыкаться маленькими ножками. И стена обвалилась, обвалился потолок, пол, и леди осталась стоять в черной звездной ночи, и никакой комнаты вокруг нее не было. {[EF_TLB], 'The Lady's Room', pp. 138-41}.

Невозможно даже перечислить названия всех интеллектуальных волшебных историй, которые были написаны за столетие между 1865 и 1965 гг. Среди них - и сказки Мэри де Морган. Главная тема большинства их - чары и ухаживания принцев, но попадаются там и эльфы. В "Игрушечной принцессе" {Mary de Morgan (1850-1907), перепеч. в [_TEL]} эльф-ремесленник изготавливает механическую принцессу вместо настоящей, которую похитила добрая фея - чрезвычайно цивилизованная вариация подменыша. Почти то же - заводной ребенок, которого приносит эльф в одной из "Сказок Краба" судьи Парри, написанной примерно в то же время {[EAP_KATFBOK], pp. 155-74}. Между двумя Мировыми войнами миссис Болдуин выпускает сборник сказок "Сума коробейника" {[AB TPP]}, некоторые из которых - повести, а некоторые - вариации на темы народных сказок. "Дитя Великаны", возможно, навеял "Том Хикатрифт"; "Пастух Губерт" соединяет в себе тип "Румпельштильцкин" с мотивом дара понимания речи животных. "Конрад из Красного Города" использует большое количество подлинных эльфийских мотивов - опасность подглядывания за эльфами, эльфийские узелки, гибельность эльфийской пищи и похищение смертного в волшебную страну. Единственный неубедительный момент - в разработке эльфийского поезда, который увлекает Конрада за собой. Это нечто вроде карнавального шествия волшебных сказок, напоминающее подобие свадебных торжеств в балете "Спящая Красавица". Но, за исключением этого, история скорее принадлежит к следующей главе, куда можно было бы также поместить и "Пастуха Губерта", если не был баxрома Бала Бабочек, которой он украшен.

XXV. Нечто, достойное внимания

Те, кто знал, что такая традиция, и не переносил на дух воздушных эльфиков, которыми потчевали юные умы, наконец, тоже вышли в свет. Киплинг, писавший еще в 1905 г. - один из самых ярких примеров:

- Кроме того, то, что вы называете *ими*, это искусственные выдумки, о которых в Народе Холмов никогда и не слыхали - все эти маленькие мухи с крылышками бабочек, в полупрозрачных плащиках, со сверкающими звездами в волосах и с палочками, похожими на трость учителя, которой наказывают плохих мальчиков и награждают хороших! Знаю я их!

- Мы не это имели в виду, - сказал Дэн. - Мы их сами терпеть не можем.

- Именно! - сказал Пак. - Удивительно ли, что Народ Холмов и не старается нарочно отличаться от этой шелестящей расписными крылышками, размахивающей палочками, "здравствуйте, как поживаете", напасти? Бабочки? Я видел, как Сир Хуон с войском вышел на Ги-Бразиль из замка Тинтагель под свирепым зайд-вестом, и над замком висел туман из мельчайших брызг морской воды, а Кони Холмов храпели от страха. Они тронулись в путь в миг затишья, вскричав, как чайки, и их отнесло на добрых пять миль вглубь большой земли, прежде чем они смогли снова лечь на ветер. Бабочки! Это была Магия - самая черная Магия, какую только смог сотворить Мерлин, и все море горело зелеными огнями и белой пеной, а в ней пели русалки. И Кони Холмов пробирались от одной волны до другой сверкающими вспышками! Вот как это было в старину! {[RK_POPH], p. 14}

Пак, которого отстаивает Киплинг на протяжении двух книг, одновременно и земной, и духовный, как фольклорные хобгоблины; он может есть человеческую пищу, но он не становится и умеет появляться и исчезать по своему желанию. Персонаж этот вполне убедителен, хотя его манера выражаться, пожалуй, несколько неестественна; может быть, сохранять сассексский диалект на протяжении всей книги было нелегко, но даже намек на него добавил бы правдоподобия. Слово "именно" в процитированном мной только что отрывке звучит несколько фальшиво и дидактично. Но манера эльфов выражаться всегда была необычной. Три истории, касающиеся эльфистики, а не человеческой истории, в этой книге - это "Меч Вёланда", о превращении богов в эльфов, "Холодное Железо" - первая со временем "Сна в летнюю ночь" история, рассматривавшая подмену с эльфийской точки зрения, и "Бегство из Димчерча" - пересказ традиционной легенды об уходе эльфов.

Если эльфы Киплинга земные, то эльфы Уолтера де ла Мэра находятся на другом полюсе народной традиции - как и все его творения, очищенные и прошедшие возгонку до такой степени, что кажется, будто глядишь на жизнь в зеркало или в хрустальный шар; но материал, на котором он основывается, несмотря на это, подлинный. Трудно найти лучшее изображение пиксийского типа эльфов, чем в его "Голландском сыре":

А это было племя эльфов, хитрых, маленьких, веселых и проказливых - не из рода эльфов благородных, молчаливых, прекрасных и далеких от человека. Это были эльфы-цыгане, шустрые, легкие на подъем и скорые на всякую проказу, и отчасти из шалости, а отчасти из любви к милой сестре Джона Гризельде, они неустанно старались очаровать ее своей музыкой, плодами и танцами. {[WDLB], p. 33}.

Однако еще более удачная, насыщенная силой, придающей значение каждому написанному слову, картина злых и прекрасных эльфов предстает перед нами в "Мисс Джемине":

Посреди отдаленного пения птиц, в луче света, падающего из-за каменной церкви, я увидел ее. Сердце мое почти перестало биться, и я не мог повернуть голову ни на дюйм, и скоро едва не вывихнул глаза, скашивая их все сильнее и сильнее. Если вы можете представить себе фигуру - сейчас я даже не могу сказать, насколько высокой она была - которая, казалось, со-

тканы из радуг, но каждая черточка на ее лице, обрамленном льняными локонами, четкая и резкая, как у высеченного в камне херувима; и если вы можете вообразить голос, который слышится у самого вашего уха, а вы не можете определить, откуда же он исходит - то вот что я видел и слышал под серым навесом в то далекое утро семьдесят пять лет назад.
{[WDLM_B], p. 66}.

Здесь нет ни капли авторской причуды, но лишь тщательно выстроенное мазок за мазком переживание, становящееся почти личным.

Во многом схожий эффект чуждости производит странная книга Мориса Хьюлетта {[MH_TLOP]}. Это – книга-розыгрыш; все тщательно выписанные ссылки в ней выдуманы, но прекрасные, беспощадные, нечеловеческие существа, описанные в ней, странным образом выглядят убедительными. Березовая жена и ее дикие сестры; прекрасный маленький эльф, который сидит и от нечего делать душит кролика, точно ребенок, обрывающий лепестки ромашки; маленький раненый эльф, который похищает ребенка своего спасителя - во всех них есть некое странное правдоподобие. Все они детища своего автора, но они заставляют поверить в себя, как истории, рассказанные Вильямом Ньюбургским и Ральфом Коггсхольльским в средние века.

Потомки этих средневековых эльфов описываются в другой странной книге, "Луна - женского рода" Клеменса Дэйна {[CD_TMIF]}. Действие ее разворачивается в Брайтоне во время Регентства; герой книги – некто мистер Коуп, потомок Зеленої Девочки Ральфа Коггсхольльского. Девушка, влюбленная в главного героя, наделена глазом и сердцем художника, неким вторым зрением. Ее губит другая возлюбленная главного героя, получеловеческое существо, происходящее от морского человека Николаса Пайпа, описанного у Вильяма Ньюбургского. Несмотря на прошедшие века, эльфийская кровь все еще сильна в них, и они не могут сжиться с обычными людьми. Любопытно, что Зеленый Человек - историческое лицо, эксцентричный член семьи Коупов, который всегда носил зеленое из-за какой-то любовной истории в молодости. Его привидение навещало Брэмсхилл, и в детстве его видела маленькая Джоан Коуп {[JRPC_B:BTMO]}, pp. 17-18}.

Я уже упоминала две более старые книги, качеством достойные Волшебной страны. Одна из них - "Фантазеры" Джорджа Макдональда, а другая - "Фея Мопса" Джин Ингелоу. "Фантазеры" - одна из первых книг, написанных Джорджем Макдональдом. Это книга для молодежи, полная сочной поэзии, но полная солидной морали, как и все произведения Джорджа Макдональда. За причудливыми табу и кажущимися нелепыми приключениями стоит этическая реальность, и все они созданы из материала Волшебной страны. Трудно забыть сцену, в которой Анадос заглядывает в шкаф, о котором предупреждала его людоедша - прекрасно зная, что само предупреждение уже является искущением, - слышит шаги и видит темную фигуру, приближающуюся к нему издалека; как он смотрит на нее, не в силах закрыть шкаф, пока она не проходит через него и не ложится на пол за его спиной, как злая тень, которая отныне будет преследовать его по Волшебной стране {[GM_P]}, pp. 68-71}. Эльфы в этой книге могут становиться большими или маленькими, и это верно для некоторых народных эльфов, хотя, конечно, ни в коем случае не для всех.

В "Принцессе и гоблине" гоблины - злые, приземленные существа, не менее материальные, чем люди, гротескные и комические; Бабушка Ирен могучая и добра, как Мудрая Старушка в "Потерявшейся принцессе", но несколько более человечна благодаря своей любви к Ирен. Она - предок, фея-хранительница, существующая при своей семье, как это часто бывает в фольклоре. {[GM_TPATG]}.

"Фея Мопса" не столь аллегорична, как "Фантазеры"; она ближе к настоящей волшебной сказке. Гнездо фей, которое находит Джек - любопытная идея автора; представление же о том, что фея обретает некое подобие души, если ее целует смертный, верно народной традиции, также, как и условная ценность человеческих денег и влияние смертных на жизнь фей. Царство нога-в-ногу-эльфов¹ дает представление об этом:

Тогда Джек вошел в тот прекрасный сад и бродил по нему, пока не оказался перед большим шатром. В шатре шел пир. Все нога-в-ногу-эльфы сидели во-

1 Чтобы адекватно перевести «one-foot-one elves», нужно прочитать книгу, чего я пока не сделал. (прим. перев.)

круг стола, а во главе его восседала на высоком троне королева. Два незанятых трона стояли по обеим сторонам от нее.

Джек покраснел; но пес снова прошептал ему:

- Хозяин, все, что ты можешь сделать, ты можешь! - и тогда Джек медленно обошел стол и подошел к королеве, которая при его приближении спросила:

- А где наша верная и любезная нам женщина-яблоня?

Королева словно бы не замечала Джека; поэтому он, не переставая краснеть и смущаться, подошел и сел на трон рядом с королевой, а Монса все это время так и сидела у него на плече. Оглядев пир, Монса рассмеялась от радости. Королева сказала:

- О, Джек! Как я рада тебя видеть! - и тогда многие нога-в-ногу-эльфы восхлинули:

- Какая чудная малютка! Она может смеяться! Может быть, она может и плакать тоже!..

...Тем временем снаружи послышался шум, и под шатер впередвалку вошла пожилая женщина. На ней были огромные туфли, короткая красная ситцевая накидка, оранжевый платок на плечах и черная шелковая шляпка. Она была точно такого же роста, как и королева - ибо, конечно же, в Волшебной стране никому не позволено быть выше королевы, и все, кто попадает туда, кроме лишь детей, обязаны уменьшиться.

- Как поживаете, дорогая? - спросила королева.

- Превосходно, насколько это возможно, - ответила женщина-яблоня, присаживаясь на пустой трон. - Ну, и где же мой чай? Вечно его приходится ждать!

Двоих слуг немедленно принесли чашку чая и поставили ее перед женщины-яблоней, вместе с блюдцем, на котором лежал хлеб с маслом, и та налила его в блюдце и принялась дуть на него, потому что чай был горячий. Тут ее глаза утили на Джека и маленькую Монсу. Она поставила блюдце и оглядела их внимательно...

- ...Прелестный ягненочек! - восхлинула женщина-яблоня, - совсем как ребеночек. - И тут она зарыдала, восхищаясь, - Много, много дней прошло с тех пор, как я видела человеческих ребят. Надо же! Ох, бедная я, бедная!

Тут, к удивлению Джека, все гости, как один, тоже начали всхлипывать и плакать.

- Ох! Надо же! - говорили они друг другу, - мы плачем; мы можем плакать, совсем как люди. Как это чудесно! Какая это роскошь - плакать, не правда ли? {[Л_МТФ], pp. 68-70}

Этот отрывок немного напоминает "Эльфийские поселения на Селеновом Болоте" ([см. ч. I гл. II](#)), где говорится, что у эльфов нет настоящих чувств, а лишь слабые отголоски того, что они чувствовали при жизни. Точно так же ирландские эльфы нуждаются в силе человека для своих игр и войн, и Кирк пишет, что эльфийский народ не знает подлинного удовольствия, но лишь поддельное веселье, "[натянутую ухмылку на лице Морта](#)" {[RK_TSC], р. 75}

Женщина-яблоня - смертная, унесенная в Волшебную страну, и вольна уйти оттуда, если пожелает этого от всего сердца; но она не способна на это. Здесь заключена тонкая психологическая истинка: немногие люди способны желать чего-то всем сердцем. В этой книге Судьба - Великая Мать всех эльфов; должно быть, Джин Ингелоу знала, что слово *fairy* восходит к Fatae.

"Борробиль" Вильяма Крофта Диккенсона {[WCD_B]} - современная книга, предназначенная для самого юного возраста, но демонстрирующая хорошее знание кельтской народной традиции. Она кое-чем обязана "Паку с холма Пука", но освещает более фольклор,

чем историю. В Бельтанский вечер двое современных детей проходят между бельтансими кострами и танцуют вокруг девяти стоячих камней на вершине холма; так они попадают в далекое прошлое - в начало Каменного века, эпоху пиктских землянок и брохов фениев. Добрый волшебник Борробиль, их проводник, охраняет детей на протяжении множества волшебных приключений, в ходе которых они попадают в эльфийский холм. Традиционная опасность эльфийских даров и эльфийской пищи сохранена полностью, сами же эльфы представлены как добрые существа, повинные только в том, что очень любят человеческих детей. Немного теряется опасность и странность, но в целом обращение с эльфами честное и добросовестное.

В "Серых Человечках" В.В. эльфы лишены волшебной силы; это маленькие существа, отличные от животных только долголетием, которое любопытным образом усиливается тем, что краткое время для них предстает долгим, так что они существуют как бы в двух измерениях. В.В. решительно отвергает всяческую эльфообразность. *"Это рассказ о последних гномах Британии, самых, что ни на есть, настоящих, а не тех мишурные, что в детских сказочных книжках; они живут охотой и рыбной ловлей, как звери и птицы, что одно только и есть достойно и правильно"* {[BB_TLGM], Introduction, p. vi}.

Невидимость гномов состоит в их хоббитском искусном умении прятаться, а мир, в котором они живут - это мир естественных, повседневных событий.

Вы можете удивляться тому, что для большинства своих путешествий они выбирают вечерние сумерки; но гномы, как зайцы и ежи, предпочитают это время сумок всем остальным, тем более в незнакомом kraю. Одна из причин - в том, что им совсем не хочется, чтобы их видели, а другая - в том, что их глаза, как глаза кошек или сов, видят в это время лучше всего. Может быть, этим объясняется то, что наши праотцы так редко встречались с Малым Народцем, и даже в этих редких случаях принимали их за игру воображения; в сумерки в кустах очень легко вообразить себе, что угодно. {[BB_TLGM], p. 57}.

Приятно видеть эльфов, настолько освободившихся от всяких следов авторского своеобразия, но фантазия тут искоренена столь решительно, что гномы В.В. больше похожи на Заёмщиков Мэри Нортон, миннипинов Кэрролла Кендала или лилипутов из "Сна миссис Мэшэм" Т. Х. Уайта, чем на каких бы то ни было эльфов. В действительности они даже еще более безыскусны.

К. С. Льюис, с уважением относящийся к любой мифологии, населяет свою Нарнию сверхъестественными существами наравне с говорящими животными. Большей частью это классические Вакх, фавны, кентавры и дриады, но встречаются там и великаны, гномы, русалки и ведьмы, а также некоторые существа его собственного изобретения, такие, как походные тигры и землянщики. Книги о Нарнии не менее состоятельны, чем книги Джорджа Макдональда. Их портят лишь несколько неаккуратных мест и случайные отступления, часто очень краткие, где автор позволил себе писать ниже своего уровня; но эти книги полны разнообразных достоинств и возвышаются до отрывков огромной поэтической силы. Это богатая пища для юных умов.

Лучшими из всех современных произведений об эльфийском народе являются книги Дж. Р. Р. Толкиена о хоббите. Хоббиты - авторское изобретение, нечто среднее между хобами и людьми; кроме них, там есть волшебники, гномы, эльфы, гоблины, тролли, люди и герои, такие, как Элронд, Друг Эльфов, чей возраст значительно превышает срок жизни обычных людей. Первая книга - "Хоббит" - предназначена для детей, и в основе ее лежит, несомненно, игра воображения. Это восхитительная книга для детей со здоровыми нервами, хотя временами она напоминает ночной кошмар.

Здесь, в глубине и в темноте, у самой воды жил старый Голлум - большая скользкая тварь. Не знаю, откуда он взялся и кто или что он был такое. Голлум - и все. Черный, как сама темнота, с двумя громадными круглыми бесцветными глазами на узкой физиономии. У него была лодочонка, и он тихо скользил в ней по озеру. Это и в самом деле было озеро, широкое, глубокое и ледяное. Он греб своими длинными задними лапами, свесив их за борт, греб

беззвучно, без единого всплеска. Не таковский он был, чтобы шуметь. Он высматривал своими круглыми, как плошки, глазами слепых рыб и выхватывал их из воды длинными пальцами с быстрой молнией. Мясо он тоже любил.

...Он влез в лодочку и оттолкнулся от островка, а Бильбо тем временем сидел на берегу, потерявший дорогу и растерявший последние мозги, - словом, совершенно растерянный. И вдруг бесшумно подплывший Голлум прошипел и просвистел совсем близко:

- Блес-с-ск и плес-с-ск, моя прелес-с-сть! Угощ-щщение на с-с-славу! С-с-сладкий кус-с-сочек для нас-с-с!

И он издал страшный глотающий звук: "Голлум!". Недаром имя его было Голлум, хотя сам он звал себя "моя прелес-с-сть". {[JRT_TH], pp. 83-4; пер. неизв.; предп. Т.Рахмановой}.

Состязание в загадках, последовавшее за этим – само по себе маленький эпос.

В трилогии "Властелин Колец" повесть из детской становится взрослой. Тот, кто поддается чарам этих книг, попадает в их неотразимую атмосферу, и после первого же прочтения любой, с кем нельзя поговорить о них, перестает быть его другом. Это – пропуск в мир, обладающий свойством объективности. Выпуклые характеры эльфов, гномов и других существ сохраняются в подлинности, не теряя индивидуальности. Эльфическая литература здесь достигла своего наивысшего уровня.

И даже в этих книгах, где эльфы достигают полной силы и действенности, перед ними постоянно маячит умаление и исчезновение. После того, как судьбоносное кольцо уничтожено, часть эльфийской силы ушла вместе с ним, и эльфы начали уплывать за море в Западные Земли, оставляя мир во власти людей.

Почти во всех эльфийских историях нашего века звучит эта нота: эльфы уходят и скрываются. Но, как мы видели, это свойственно не только нашему веку. В самых ранних упоминаниях об эльфах в литературе они уже называются ушедшими или уходящими. Их традиция горит и мигает, как догорающая свечка, и хотя сейчас она, кажется, снова разгорелась ярко, эльфов, как и всегда, можно увидеть только в промежутке между двумя мгновениями ока; их дары, если вы хотите воспользоваться ими, должны сохраняться в тайне; они остаются тем, кем были всегда - Сокрытым Народом.

Приложение I. Эльфийские типы и персонажи

(список не претендует на полноту)

Эльфийские типы

Иногда провести различие между этими двумя категориями трудно. Например, **ЯБЛОНЕВЫЙ ЧЕЛОВЕК** может считаться индивидуумом, хотя один из них живет в каждом саду.

АСРИ [*Asrai*] (Северо-Запад) -- Водяные эльфы. Р. Л. Тонг приводит сказку о них, по происхождению, вероятно, шропширскую. Это название упоминается в стихах Роберта Буханана.

АТАХ [*Athach*] (Верхняя Шотландия) -- общее название чудовищ и великанов. [DAM_SFLAFL], p. 251

БАВАН ШИТ [*Baobhan Sith*] (Верхняя Шотландия) -- То же, что и "банши" - буквально "волшебная женщина"; но это название чаще дается разновидности суккуба, очень опасного и злого. [DAM_SFLAFL], p. 236

БАГ-Э-БУ, БОГГЛ-БУ, БАГБЕР и т.д. -- детские гоблины.

БАН-НИЙЕ [*Bean-nighe*] (Верхняя Шотландия и Ирландия) -- Прачка. Разновидность банши. [LS_TFTIB], pp. 54-5.

БАНШИ [*Banshee*] (Ирландия) -- Дух смерти, оплакивающий членов старинных семей. Когда на поминки собираются несколько банши, это предвещает смерть великого или святого человека. У банши длинные ниспадающие на плечи волосы и серый плащ поверх зеленого платья. Глаза у нее огненно-красные от постоянных слез. В Шотландских горах банши называется Маленькой Прачкой у Брома, где она стирает саваны тех, кому предстоит умереть. [FSW_ALOI]; [JFC_PTOTWH].

БАРГЕСТ [*Barguest*] (Север и Восток) -- Разновидность чудовища. У него есть рога, зубы, клыки и огненные глаза. [CF:NR], p. 126; [CF:L], p. 53; [WH_FLOTNC], pp. 274-5.

БЕЙТИР [*Beithir*] (Верхняя Шотландия) -- Демон-разрушитель, обитающий в горных пещерах и норах на склонах холмов. [DAM_SFLAFL], p. 247.

БЕНДИТ-И-МАМАЙ [*Bendith y Mamau*], "Материнское благословение" -- название эльфов в Гламорганшире. Они крадут детей, загоняют лошадей и навешают дома. Для них выставляли блюдца с молоком. [JR_CF]; [WS_BG].

БЕСЕНЯТА [*Imps, Impets*] -- Маленькие черти, не совсем эльфы.

БОГГАРТ (Северные графства) -- злой брауни, почти схожий с полтергейстом по привычкам. [TK_FM], [WH_FLOTNC], etc.

БОГЛЫ (Шотландия, Северные графства и Линкольншир) -- злые гоблины. [WH_FLOTNC], p. 247; [MCB_LOTC].

БОДАХ [*Bodach*] -- шотландское чудовище. Он залезает в дымоход и крадет непослушных детей. Бодах-Глас - знак смерти. [WH_FLOTNC], p. 344.

БОДАХАН САВИЛЛ [*Bodachan Sabhaill*] (Верхняя Шотландия) -- Старичок-с-Гумна - гуменик, который жалеет стариков и молотит за них. [DAM_SFLAFL], p. 230.

БОУХАН, ИЛИ БОКАН [*Bauchan, Bosan*] -- хобгоблинообразный дух, часто проявляющийся, иногда опасный, иногда полезный. Согласно рассказу Дж. Ф. Кэмпбелла, один из них последовал за своим хозяином в Америку. [JFC_PTOTWH], vol. II, p. 103

БРАУНИ -- наиболее широко известный из трудолюбивых хобгоблинов. Область его распространения - от Северных графств Англии до подножий Шотландских гор. Привычки его достаточно подробно описаны в этой книге.

БРАУНИ [*Brownie*] (Корнуолл) -- пчелиный сторож.

БРОЛЛАХАН (Верхняя Шотландия) -- '*Brollachan*' по-шотландски - нечто бесформенное. Об одном из них рассказывается сказка типа "Никто" - [JFC_PTOTWH], vol. II, p. 203. [LS_TFTIB].

Брэг (Северные графства) -- злой хобгоблин, оборотень, часто в облике лошади. [WH_FLOTNC], p. 270.

Бубаход [*Bwbachod*] -- валлийские брауны. Дружелюбные и работящие существа, недолюбливавшие сектантов и трезвенников. [WS_BG], p. 31; [JR_CF], p. 81.

Бубри -- Гигантская водяная птица, что водится в лохах Аргайллашира. У нее громкий резкий голос и перепончатые лапы; она хватает овец и коров. [JFC_PTOTWH], vol. IV, p. 308.

Буганод [*Bwganod*] -- Валлийские буги. [JR_CF], [WS_BG].

Бугган [*Buggane*] (Мэн) -- Особо вредный богл. [WWG_AMS], [SM_MFT], [DB_FTFTIOM].

Бука [*Bogey-Beast*] (везде) -- злой хобгоблин.

Бука [*Bwca*] -- Валлийский боггарт или брауни. См. Бука 'р Труин - брауни, ставший боггартом. [JR_CF], pp. 596-7.

Букка [*Bucca*] (Корнуолл) -- Существует Букка-ду, черный букка, и Букка-гвидден, белый букка. [MAC_CFAFL]; [EW_?], p. 165.

Букки [*Buckie*] (Шотландия) -- злой шотландский эльф, вероятно, призывающий в народном стишке "*Buckie, Buckie, biddy bene!*" Известен также в Ирландии. [DT], vol. II, p. 78.

Буман (Шетланды и Оркнейские о-ва) -- брауниподобный хобгоблин. Имя его сохраняется повсюду в игровых песенках: "Стреляй, Буман, стреляй" и "Буман помер и пропал". {[AG_DOBFL], Part I, 'Traditional Games', vol. I, p. 43}

Быкодав [*Bullbeggar*] -- Упоминается у Реджинальда Скота; Быкодав с Крич-Хилла – см. [RLT_SF], pp. 121-2. У миссис Айткен я позаимствовала заметку "Буллбеггар-Лэн в Серпее".

Веселые Плясуны (или **На Фир Хлиш** [*Na Fir Chlis*]) -- [LS_TFTIB], p. 58; [AAMG_TPFF], p. 121.

Водяной Призрак [*Water Wraith*] (Шотландия) -- Женский водяной дух. Злобная старуха, одетая в зеленое, meagre and scowling. [M_PBITNEOS], p. 63.

Box [*Vough*] (Верхняя Шотландия) -- Разновидность фуа. [JFC_PTOTWH]; [LS_TFTIB], p. 60.

Гавриилова Свора или **Гаврииловы Трещотки** (Северная Англия) -- То же, что Тихая Свора [*Wisht Hounds*], только эти охотились высоко в небе. Услышать их считалось знаком скорой смерти. Считалось, что это - души некрещенных детей. [CFL:N], p. 17.

Галли-Трот (Сев. графства и Саффолк) -- Белая собака размером с быка, которая горится за любым, кто убегает от нее. [EMW_RSAFL], p. 194.

Ганканах (или **Ганконер**) (Ирландия) -- Люборечник. Эльф с трубкой в руке, который совращает девушки в безлюдных долинах, после чего те сохнут и чахнут от любви к нему. В сказке, приведенной у Йейтса в [WBY_IFAFT], они выглядят больше похожими на обычных эльфов. [EMW_RSAFL], p. 207.

Гвиллионы [*The Gwyllion*] -- Горные феи Уэльса. Обычно строгие и недружелюбные. Они очень дружат с козами. Иногда они посещают дома, и их нужно принимать со всем гостеприимством. [WS_BG], pp. 49-54

Глаштиг [*The Glaistig*] (Верхняя Шотландия) -- Женский дух, часто наполовину женщины, наполовину козы. Обычно враждебна и опасна, но иногда играет роль брауни. Часто считается водяным духом. Кэмбелл относит ее к Фуа.

Глаштин [*The Glashtyn*] (Мэн) -- Что-то среднее между Лобом-у-Огня и Фуа. Некоторые из историй про Фуа рассказывают про него. [WWG_ASMS], p. 253.

Гномы -- Земляные духи у неоплатоников; встречаются также и в народной традиции. См. [EW_?], p. 242 о гномах, встреченных очевидцем в Ирландии.

Гоблины (везде) – Злые или проказливые духи, обыкновенно маленькие и уродливые.

Голли-Беггар (Сомерсет) -- Безголовый призрак. [RLT_SF], pp. 122-3.

ГРИГ (Западные графства) -- Маленький эльф. "Веселый, как григ".

Гринни [*Greenies*] (Ланкашир) -- {Bowker, p. 29}.

ГРОГАН -- Ольстерский брауни. Близко соотносится с груагахом. {[WGWM_TOTEFOI] Vol. II, p. 3}

ГРУАГАХ (Верхняя Шотландия) -- Дух с длинными красивыми волосами. Она часто приходит под двери, мокрая до нитки, и просит приюта. Она приносит дому счастье. Иногда встречаются и груагахи мужского пола. {[JFC_PTOTWH]; [DAM_SFLAFL] p. 241}

ГУРАГЕЗ АННОН [*Gwragedd Annwn*] (Уэльс) -- Водяные девы, живущие в озерах. Прекрасны и не опасны, в отличие от русалок или никс. Часто выходили замуж за смертных. [WS_BG] 34 ff; [JR_CF].

ДАНДО И ЕГО СВОРА (Корнуолл) -- Дикая Охота. [RH_PROTWOE], pp. 220-3.

ДАННИ [*Dunnie*] (Нортумберленд) -- проказливый бука, который часто принимает облик лошади и сбрасывает ездока в грязь. [WH_FLOTNC] p. 263.

ДАНТЕРЫ (или **ПАУРИ**) (Шотландское Пограничье) -- Духи, которые водятся в старых брошенных пиль-башнях. Они производят громкий шум, похожий на сучение кудели. Если шум усиливается, это предвещает несчастье. [WH_FLOTNC] p. 255.

ДАНЫ [*Danes*] -- Сомерсетское название эльфов. Данские Холмы в Лейстершире, вероятно, имеют то же происхождение. Tongue, "Somerset Folklore", pp. 110-11.

ДЕРРИК (Девон и Хэнты) -- Злонравный в Девоне, но более дружелюбный в Гемпшире. О гемпширском см. [ч. I гл. 6](#).

ДИНЕ ШИ [*Daoine Sidhe*] (Ирландия) -- Волшебный народ. Некоторые считают их падшими ангелами, другие - умалившимися остатками Туата Де Дананн, древних богов Ирландии. [WBY_IFAFT], pp. 1-2.

ДИННИ МАРА (Мэн) -- Морской человек. [JFC_PTOTWH], vol. I, p. xlvi.

ДИРЕХ [*Direach*] (или **ФАХАН** [*Fachan*]) (Верхняя Шотландия) -- Карликовое чудовище с одной рукой, одной ногой и одним глазом. [JFC_PTOTWH], vol. IV, p. 298.

ДОБИ (Йоркшир) -- Смешной и глупый брауни. Его часто призывали сторожить клад, но те, кто мог выбирать, предпочитали более сообразительных брауни. [_CF:NR] p. 95 ([WH_FLOTNC] p. 247).

ДУЭРГАР (Нортумберленд) -- Худший и злой из гоблинов Пограничья. [_CFL:N] p. 15.

ДЬЯВОЛЬСКИЕ СОБАКИ ДАНДИ (Корнуолл) -- Свора огнедышащих собаков под предводительством дьявола, которые охотятся по ночам на болотах. Они могут разорвать любого на куски, но их можно отогнать молитвой. [RH_PROTWOE] pp. 223-4.

ИНКУБ -- Дух, смутно отождествляемый с брауни у Реджинальда Скота. Для него, как для брауни, оставляли молоко. В первоначальном значении - черт, который спит с женщинами.

КАВАЛ УШТЕГ [*Caval Ushteg*] (Мэн) -- Водяной конь.

КАЙТ ШИТ [*Cait Shith*] (Верхняя Шотландия) -- «Волшебный кот» - Большой черный кот с одним белым пятнышком на груди – этот кот относится к эльфам. [DAM_SFLAFL], p. 204.

КОРОВЫ УШИ [*Cowlug-sprites*] (Пограничье) -- Духи с коровьими ушами, которые являются в поселках Бауден и Гейтсайд на Ночь Коровых ушей. [WH_FLOTNC] p. 262.

КЕЛПИ (Шотландия) -- Злобный водяной дух, обычно в обличье коня; герой множества сказок.

КЕРБ [*Cearb*] (Убийца) (Верхняя Шотландия) -- Демон. [DAM_SFLAFL], p. 244.

КЕСГ [*Ceasg*] -- Горская русалка, полуженщина, полулюсося. [DAM_SFLAFL], p. 251.

КИДЕГ [*Caoidheag*] (Верхняя Шотландия) – буквально – Плакальщица. Горская банши. [DAM_SFLAFL], p. 239

Килмулис (Пограничье) -- Мельничный дух, весьма привязанный к семье мельника, но часто очень проклизливый и докучливый. [WH_FLOTNC] pp. 252-3.

Кипнаперы [Cipenapers] (Уэльс) -- Валлийский вариант слова "kidnappers" (похитители детей), приложенное к эльфам. («Kidnappers» перечисляется в [_DT] vol. II p. 78 среди наименований эльфов.) {G. M. Hopkins Journal, p. 263}.

Кихирэт [Cyhyraeth] (Уэльс) -- Дух-плакальщик, который оплакивает грядущие несчастья. [WS_BG], p. 219.

Клиппы (Форфэр) -- Общественные эльфы. [S_FILS] p. 93.

Клурикан [Clurican] (Ирландия) -- почти то же, что и лепрехан, хотя Кейтли приводит сказку о клурикане, очень похожем на Аббатского Увальня.

Коблинау [Coblynau] -- Валлийские рудничные эльфы. Безобразны, но дружелюбны. Ростом в пол-ярда, одеваются, как шахтеры. Они приносят шахте удачу. [WS_BG], p. 24.

Колт-пикси [Colt-Pixy] (Гемпшир) -- страж сада. [LS_TFTIB], p. 18.

Красные пятки [Redshanks] (Сомерсет) -- Эльфы-хранители сокровищ Долбери-Кэмпа. Некоторые считали их призраками древних датчан. Говорят, что они курят маленькие трубочки. [RLT_SF], p. 111.

Красные Шапки или Красные Грэбни (Пограничье) -- Кровожадные духи, которые водятся в старых пиль-башнях. [WH_FLOTNC] pp. 253-5.

Крод Мара [Crodh Mara] (Верхняя Шотландия) -- Безрогий скот, принадлежащий водяным эльфам, который те иногда дарят людям, которым покровительствуют. [DAM_SFLAFL], p. 204.

Ку Шит [Cu Sith] (Верхняя Шотландия) -- Большая, ростом с быка, собака с темно-зеленой шкурой. [DAM_SFLAFL], p. 204.

Кун Аннон [Cwn Annwn] -- Валлийские Псы Ада. [WS_BG], p. 233.

Кухтах [Cughtach] (Мэн) -- Дух, водящийся в пещерах. [WWG_ASMS] p. 252.

Лабберкин -- Уменьшительное прозвище Лоба. В елизаветинскую эпоху так называли пакоподобного духа.

Ламхигин-и-Дур [Llamhigyn y Dwr] (Водяной Прыйгун) (Уэльс) -- Демон, беспокоящий рыбаков. Он рвет сети и утягивает рыбаков в воду. Также топит и пожирает овец. Похож на гигантскую лягушку, с крыльями и хвостом вместо ног. [JR_CF], p. 79.

Ленан-Ши [Leanan-Sidhe] (Ирландия) -- Фея-жизнедарительница, вдохновляющая поэтов и певцов, в противоположность Бан-Ши, предсказывающей смерть. [FSW_ALOI] vol. I, p. 257.

Лепрехан (Ирландия) -- Эльф-сапожник. Один из самых знаменитых ирландских эльфов.

Лоб-у-Огня [Lob-Lie-by-the-Fire] -- Мильтон называл его «Чорт Амбарный» [Lubbar Fend]. Волосатый дух с длинным хвостом, который трудится на ферме поздним вечером, а затем отдыхает у огня. Ему, как и брауни, оставляли миску молока, которую тот опустошал..

Лойрег [The Loireag] (Верхняя Шотландия) -- Водяной эльф, связанный с кройкой и ткачеством. Любит музыку и сердится, если кто-то из ткачей поет фальшиво. [JFC_PTOTWH]; [DAM_SFLAFL], p. 206.

Лунантиши [Lunantishee] (Ирландия) – Племена эльфов, охраняющие терновые кусты. [EW_?], p. 53.

Лхианнан-Ши (Мэн) -- Эльфийский любовник. [WWG_ASMS] pp. 238-44.

Мирный Народ, или Дине Ши [Daoine Sidhe] -- Одно из верхнешотландских названий эльфов.

Малый Народец [Wee Folk] -- Шотландский и ольстерский эвфемизм для эльфов.

Малыши, Толпа, Они [Lil Fellas, the Crowd, the Mob, Themselves] -- Мэнские эвфемизмы для эльфов. [WWG_ASMS] p. 217.

МЕРРОУ [Merrows] (Ирландия) -- Ирландские морские люди. Как Роаны [Roanes], они живут на морском дне, но пользуются для этого не тюлеными шкурами, а красными шапками. Женщины их прекрасны, а мужчины безобразны. Они не так злонравны, как другие морские люди. [TCC_FLOTSOI] vol. II, pp. 30-52.

Модди Ду (Мэн) -- Черный Пес. [WWG_ASMS] pp. 254.

Морган (Уэльс) -- Озерный дух. [JR_CF], pp. 372-4.

Мурингер Вегги (Мэн) -- Малый Народец. [WWG_ASMS].

Нигль, Ногтль, Нагтль или Нъягтль -- Шетландский водяной келпи. [GFB_CFL_OAS], pp. 189.

Общество [The Gentry] -- Ирландское вежливое название эльфов, эквивалентное шотландскому "Мирный народ" - потому что открыто называть их эльфами не стоит.

Огишки [Aighisky] -- Ирландская разновидность водяного келпи, похищающего скот.

Отродье [Fetch] (Англия) -- обычное наименование двойника или призрака. Увидеть его ночью - к смерти.

Оуф [Ouph] -- Один из вариантов слова «эльф» в елизаветинскую эпоху; ныне устарело.

Паури -- См. Дантеры.

Пеллинги (Уэльс) -- Полуэльфийское племя, живущее под Сноудоном. Считаются детьми Пенелопы, эльфийской невесты. [JR_CF], pp. 46-8.

Танцоры из Перри -- Саффолкское название северного сияния.

Пехи, Пехты или Пикты [Pechs, Pechts, Picts] -- Шотландские курганные эльфы, рыжие карлки, похожие на сомерсетских пикси. MacRitchie; [LS_TFTIB] и др.

Пикси -- Сомерсетские, девонские и корнуольские общественные эльфы. См. [RH_PROTWOE], [AEB_TBOTTAT], [RLT_TFOE] и др.

Пинкет -- Ворстерширское название блуждающего огонька. [JA_OTABRASAAFLW]. "Ignis Fatuus".

Писги -- корнуольская трансформация слова "пикси".

Плант Аннон [Plant Annwn] (Уэльс) -- Племя подводных эльфов, которые выходят охотиться и владеют огромным количеством скота. Их королем был Араун [Arawn]. [JR_CF] pp. 143-5.

Плант Рис Дуфн [Plant Rhys Dwfñ] (Уэльс) -- раса эльфов (возможно, наполовину людей), на чьих землях растет растение, делающее их невидимыми. Они вышли на рынок в Кардигане и подняли цену на зерно и товары. [JR_CF], pp. 158-62.

Плентин-Невид [Plentyn-Newid] -- Валлийский подменыш. [WS_BG], p. 56.

Портуны (Англия) -- Средневековые эльфы. [GT_MS_CV].

Привидение [Wight] -- Общий неопределенный термин для сверхъестественного духа или эльфа. "Seelie wicht" или "the evil wicht". [LS_TFTIB], p. 122.

Путаник [Tangie] (Оркнейские о-ва) -- Водяной келпи, получивший свое имя от водорослей, которыми он опутан.

Пеллайд [Peallaidh] (Верхняя Шотландия) -- Лохматый. Пертширский уриск, по имени которого, говорят, назван Эберфельди. [DAM_SFALAFL], p. 234.

Рваной Жеребчик [Tatterfoal] (Линкольншир) -- Конь-гоблин. [CF:L] p. 53.

Роаны [Roane] (Верхняя Шотландия) -- Тюлени или Морские Люди. На сушке они снимают свои шкуры, но они нужны им, чтобы вернуться в воду. Они - самые добрые из морских жителей. [GD_SHAFT].

Русал [Merman] -- Муж русалки. Он гораздо опаснее и злее, чем русалка, и обычно обитает в море, а не в реках. Множество сказок о русалах рассказывают на Оркнеях и Шетландах. [GFB_CFL_OAS] pp. 179 ff.

Русалка [Mermaid] -- Самый известный персонаж среди водяных эльфов. Имеют самый разный характер, но в основном враждебны людям. Водятся как в морях, так и в реках и озерах. А. Во и Дж. Бенуэлл опубликовали детальное исследование о русалках в [AW_GB_SE].

Сварт [Swarth] (Камберленд) -- Призрак или двойник. [WH_FLOTNC] p. 46.

Селки (Оркады) -- Тюлений Народ Оркнейских островов. [GFB_CFL_OAS] pp. 170 ff.

Сиды, Ши [Sidhe] -- общее кельтское название эльфов.

Синие люди из Минча [The Blue Men of Minch] (Верхняя Шотландия) -- Водились в проливе между Лонг-Айлендом и островами Шайент. Они выплывали и топили проходящие корабли, но не могли справиться с теми капитанами, которые умели говорить в рифму - за такими оставалось последнее слово. Их считали падшими ангелами. [DAM_SFLAFL] pp. 88-90.

Скрикер (Йоркшир и Ланкашир) -- Иногда зовется **Топтун [Trash]** за шлепанье лап. Предвещает смерть. Иногда он невидимый бродит по лесам, издавая пугающие крики. Иногда он принимает обличье, похожее на Топошлена - огромной собаки с большими лапами и глазами, как блюдца. [EMW_RSAFL], pp. 194-5.

Слей Бегги [Sleih Beggy] (Мэн) -- "Малый Народец". [WWG_ASMS] p. 217.

Слуах [The Sluagh] (Верхняя Шотландия) -- Воинство (Мертвых). [EW_?], p. 108.

Спанки [Spunkies] -- Шотландские блуждающие огоньки. Известны также в Сомерсете. [K_FL]; [_CFL:F] p. 34.

Спрайты [Sprites] -- общее название для эльфов и других сверхъестественных существ.

Спринганы (Корнуолл) -- Некоторые говорят, что спринганы - духи великанов. Они охраняют старые каирны и кромлехи, а также клады. Они безобразны до смешного, и могут по своей воле менять свой рост. Им приписываются бури; их винят, когда обрушаются здания и теряются дети. [RH_PROTWOE]; [WB_TAHSOWC_II].

Спурн -- Дух, упомянутый у Реджинальда Скота.

Стукачи [Knockers] (Корнуолл) -- Духи рудников, которые считаются призраками евреев, работавших в корнуольских шахтах. Часто помогают людям. [RH_PROTWOE], [WB_TAHSOWC_II].

Танкерабогус (Девон и Сомерсет) -- Бука, который приходит за плохими детьми. [EMW_RSAFL], p. 198.

ТАРАНЫ (Шотландия) -- духи некрещеных детей. [M_PBITNEOS], p. 114.

Тидди [The Tiddy Ones] (Линкольншир) -- Название эльфов в Фенах. Тидди Мун контролирует уровень воды на болотах. [MCB_LOTC].

Тильвит Тег [Tyllwyt Teg] (Уэльс) -- «Волшебная семейка» - общее название "Честного Двора" Уэльса. Обладают всеми обычными эльфийскими характеристиками. [JR_CF], [WS_BG] и др.

Тихая Свора или Йетская Свора [the Wisht Hounds, or Yeth Hounds] (Сомерсет, Девон и Корнуолл) -- Призрачная Свора, охотящаяся за душами. [RH_PROTWOE].

Топошлен [Padfoot] (Северные графства) -- Бука, часто в виде огромной черной собаки, но иногда - белой. Он тащит за собой гремящую цепь и у него горящие глаза. Имя его происходит от шлепанья его лап. [WH_FLOTNC] p. 273.

Нитяная шапка [Thrummy-cap] (Северные графства) -- Дух, водившийся в подвалах старых домов; он носил шапочку, связанную из ниток, обрезанных портными. [_DT], vol. II, p. 79.

Трампин [Thrumpin] (Пограничье) -- Что-то вроде демона-прислужника, который, как считалось, есть у каждого человека и имеет власть забрать его жизнь. [WH_FLOTNC] p. 262.

Троу [Trows] -- Курганные эльфы на Шетландах и Оркнейских о-вах. Обладают большинством обычных эльфийских характеристик, а также некоторыми другими, как например, боязнь дневного света, которую они по-видимому переняли у скандинавских троллей. [GFB_CFL_OAS].

ТУАТА ДЕ ДАНАНН [*Tuatha De Danann*] (Ирландия) -- Племя Богини Дану. [LS_TFTIB], [FSW_ALOI], [WBY_IFAFT] и др.

УАФФ [*Waff*] (Йоркшир) -- Призрак, тень или двойник. [WH_FLOTNC] pp. 46-8.

Уриски или уруишиги [*Urisk or uruisg*] (Верхняя Шотландия) -- Разновидность дикого брауни, наполовину человек, наполовину козел, иметь которого при доме - большая удача. Он пасет скот и трудится по хозяйству. Водится в заброшенных прудах, но часто жаждет общества и гоняется всю ночь за перепуганными путниками. Уриски жили поодиночке, но встречались друг с другом в определенное время. Излюбленным местом их встреч была пещера близ Лох-Кэтрин. [G_PSOP]; [DAM_SFLAFL], pp. 185-7.

Урчины [*Urchins*] -- Распространенное название ежа. В XVI в. так называли одну из разновидностей пикси; до сих пор так называют маленьких мальчиков, но в качестве названия эльфов слово это сохранилось лишь в литературе.

ФАХАН [*Fachan*] (Верхняя Шотландия) -- Злой гоблин. См. также Дирех. [DAM_SFLAFL], p. 251.

ФЕЙНЫ -- Эйрширское название эльфов. [LS_TFTIB]; [J_SD].

ФЕНОДЕРИ [*Fenoderee*] (или **Финодери** [*Phynoderee*]) -- Мэнские брауни. Waldron, [WWG_ASMS], [SM_MFT] и др.

ФЕРРИ -- Оркадское название эльфов. Более добрые, разумные и красивые, чем троу. [GFB_CFL_OAS], p. 28.

ФЕРРИШИН [*Ferrishyn*] (Мэн) -- Возможно, галлизированное английское слово *fairy*. [WWG_ASMS].

ФЕРЬЕРЫ (или **ФЕРИШЕРЫ**) -- Саффолкское название эльфов. [_CFL:Suff] p. 36.

ФИДЖЕЛ [*The Fideal*] (Верхняя Шотландия) -- Злой водяной дух, с виду похожий на девушку, который утягивает под воду пловцов и топит их. [DAM_SFLAFL], p. 235.

Финодери -- См. Фенодери.

Фиорин [*Feeorin*] (Ланкашир) -- {Bowker, p. 29}.

Фир Дэрриг (или **Фер Дерг** [*Fear Dearg*]) (Ирландия) -- Красный Человек, который обычно помогает смертным, попавшим в Волшебную страну. [TCC_FLOTSOI] pp. 153-217; [FSW_ALOI].

Фир Хлис [*Fir Chlis*] (Верхняя Шотландия) -- Веселые Плясуны, кельтское название полярного сияния. [DAM_SFLAFL], p. 222.

Фирболги [*Fir Bolgs*] (Ирландия) -- Примитивные эльфы, покоренные народом Туата Де Дананн. [EW_?], p. 32.

ФОРМОРИАНЕ (или **Форморы**) (Шотландия) -- Любили бросаться камнями и ссорились между собой, но кровожадными считались не так часто, как английские великаны.

ФРИДЖЕН [*The Fridean*] (Верхняя Шотландия) -- Сверхъестественные существа, живущие под скалами. Им носили молоко и хлеб. [DAM_SFLAFL], p. 244.

ФУА [*Fuath*] (Верхняя Шотландия) -- Название целого класса зловредных эльфов или демонов - шелликотов, урисков, эх-уишге и других. [JFC_PTOTWH], vol. II, pp. 109-111.

ФУКА, ПУКА [*Phooka, Pouka*] -- Ирландский Пак. Часто принимает животный облик, особенно лошадиной. [TCC_FLOTSOI], [FSW_ALOI].

ФЭЙРИ [*Fairy*] – Позднее обобщающее название всей расы. Изначально - *Fay*, от *Fatæ* Судьбы. Слово *Faërie* изначально означало чары. Произносить это название вслух не рекомендуется.

ФЭЙРИСЫ -- Саффолкское название эльфов. [LS_TFTIB]; [TK_FM], p. 306.

ФЭР ШИН [*Fear Sidhean*] (Верхняя Шотландия) - «Волшебные Люди».

ФЭРИСЫ [*Pharisees*] или **ФРЭЙРИ** [*Frairies*] -- название эльфов в Сассексе, Саффолке, Херфорде, Уорвике и Ворстершире.

ХАЙТЕР-СПРАЙТЫ [*Hyter-Sprites*] (Линкольншир, Восточная Англия) -- Добрые, но строгие. Выводили заблудившихся детей из Фенов. [RLT_TFOE].

Хинки-Панк (Сомерсет, Девонская граница) -- Блуждающий огонек. "Одноногий, со светильником, заводит людей в болото". {Р. Л. Тонг, по рассказам четырех членов Далвертонского Женского Института}.

Хоб (или **Хобтраш** [*Hobthrush*]) (Северные графства) -- Дружелюбные духи, привязанные к определенной местности. [WH_FLOTNC] p. 264; [_CF:NR], также [_CFL:ER].

Хобмены (Северные графства) -- Общее название брауниподобных духов. [WH_FLOTNC].

Хобъя [*Hobya*] -- Злые и опасные гоблины. [JJ_MEFT] p. 118.

Хогмены (Мэн) -- Горцы, или эльфы. [LS_TFTIB] p. 83; [WH_MM] pp. 148 ff.

Хуки [*Hookeys*] (Линкольншир) -- Говорят, что это еще одно название эльфов. [_CF:L], p. 57.

Хуперы (Корнуолл) -- Добрые духи, которые предупреждали рыбаков о штормах. Одеты густым туманом. [WB_TAHSOWC_II] vol. II, p. 28.

Хэнки (Оркней и Шетланды) -- Общественные эльфы, прихрамывавшие в танце. Их холмы зовутся «хэнковскими курганами» [*henkie knowes*]. [EMW_RSAFL], p. 207.

Церковный Грим [*Church Grim*] (Йоркшир) -- Обитатель церкви, из которой выходит разве только в очень темную, непогодистую ночь. Иногда в полночь он звонит в колокол; священник, читающий панихиду, иногда видит его в окне колокольни и по выражению его лица может сказать, спасен ли покойник или погиб. [_CF:NR] p. 127-8.

Черные Псы (везде) -- Истории о Черных Псах встречаются по всей стране. Обычно они опасны, но иногда приносят пользу. Рассказывается о них в [SH_EFAFT] pp. 234-44, но самый полный очерк – [TB_F69] p. 175

Честной Двор [*The Seelie Court*] (Шотландия) -- Воинство добрых эльфов. *Seelie* означает "благословенный". Злые эльфы иногда называются **Нечестной Двор**. [M_PBITNEOS], p. 98.

Шелковницы [*Silkies*] – Женщины в белых или серых шелках, что-то среднее между привидением и брауни, которые водятся в некоторых домах в Пограничье. [WH_FLOTNC] pp. 268-70.

Шефро (Ирландия) – общественные эльфы, носящие цветок наперстянки вместо головного убора. [WH_FLOTNC] p. 128.

Эллилон [*Ellylon*] -- Валлийские эльфы. Маленькие существа, питающиеся эльфийским маслом и эльфийской едой. Их королева - Маб. [WS_BG], pp. 13-17.

Эллильдан [*Ellyldan*] -- Валлийский блуждающий огонек. [WS_BG], p. 18.

Эльф – [*Elf, elves*] Изначально - англо-саксонское название эльфов. Позже в Англии применялось к маленьким эльфикам, в Шотландии сохранялось некоторое время за всеми эльфами. Эльфеймом по-шотландски называется Волшебная страна.

Эх-Уишгэ [*Each Uisge*] (Верхняя Шотландия) -- С виду похож на обыкновенную лошадь, но обманчив и опасен. Иногда превращается в юношу, которого можно опознать по тине в волосах. [JFC_PTOTWH], iv, pp. 304-7. Водяные кони часто встречаются также в Ирландии.

Яблоневый человек (Сомерсет) -- Дух самого старого дерева в саду. [RLT_SF] p. 28.

Ярткины [*Yarthkins*] (Линкольншир) -- Земляные духи. [MCB_LOTC].

Эльфийские персонажи

Разграничить персонажи и типы зачастую весьма нелегко. Некоторые эльфы могут быть записаны в персонажи лишь потому, что упоминания о них достаточно редки.

Айкен-Драм (Шотландия) -- Имя, данное брауни или бледноху в [WN_PWO] pp. 78-81.

Айллан Мак Мидна [*Aillan Mac Midhna*] -- эльфийский музыкант из Туата Де Дананн. [EW_?], p. 298.

Айне [Aine] (Ирландия) -- Эльфийская богиня или озерный дух, супруга эрла Десмона-да и мать эрла Фитцджеральда.

Афанк [the Afanc] (Уэльс) -- Водяной демон, водившийся в реке Конвей и утаскивавший в ее воды все живое, что только мог поймать. Был выловлен при помощи девушки, в которую он влюбился. [JR_CF], p. 130.

Бездельник-со-Стены (Вилл-из-Соломы *[Will o' the Wisp]*) -- самое распространенное название Ignis Fatuu.

Бездельник-со-Стены *[Wag-at-the-Wa']* (Шотландское Пограничье) -- Гротескный, но дружелюбный хобгоблин., [WH_FLOTNC] p. 257.

Бёрлоу Бини [Burlow Beanie] -- Имя духа-хобгоблина в балладе "Король Артур и Король Корнуолльский". [FJC_TEASPB] vol. I, pp. 274-88.

Биггерсдэйлская Джини (Йоркшир) -- Дух-убийца. [_CF:NR] p. 130.

Бисд Белах Одал [Biasd Bealach Odail] -- чудовище с острова Скай. [DAM_SFLAFL], p. 250.

Бодка-ан-Дун [Bodca-an-Dun] (Верхняя Шотландия) -- Привидение семьи Ротмурхусов, предвестник смерти. [WH_FLOTNC] p. 344.

Братец Майк (Саффолк) -- Имя эльфа, попавшего в плен к людям. [_CFL:Suff], p. 34.

Братец Раш [Friar Rush] -- проказливый чертенок-хобгоблин. {Лубки}.

Бурая Корова из Киркхэма (Ланкашир) -- Волшебная корова, удой которой погубила жадность ведьмы. Существует ирландская параллель. [JH_TTW_LL] p. 16.

Бурая Корова из чащи Мак-Брэнди (Верхняя Шотландия) -- Производившая волшебную корову. [M_FTAFL] p. 281.

Бурый Человек из Мыюиров (Пограничье) -- Опасный дух, защитник дичи. [WH_FLOTNC] p. 251.

Вертишейка [Wryneck] (Ланкашир и Йоркшир) -- Злой дух. «*Он носит вертишейку, а вертишейка носит Дьявула*». [WH_FLOTNC] p. 254.

Волосатый Джек (Линкольншир) -- Имя пса-гоблина, водившегося в амбаре близ Уиллоутон-Клиффа. [_CF:NR] vol. V, p. 53.

Вуппити-Стури [Whuppit Stoorie] Шотландский Румпельстильзхен. [RC_TPROS] pp. 72-5.

Вязовая Старушка [Old Lady of the Elder Tree] (Линкольншир) -- Древесный дух, чьего разрешения следует спрашивать перед тем, как отпилить ветку. [_CF:L] p. 20-1.

Гвидион [Gwydion] -- Волшебник-король эльфов Северного Уэльса. [WS_BG], p. 5.

Гвинн ап Нудд [Gwynn ap Nudd] -- Валлийский король эльфов. [WS_BG], p. 6; [EW_?], pp. 319-20.

Гилли Ду [Ghillie Dhu] (Верхняя Шотландия) -- Безвредный дух, добрый к детям, но дикий и пугливый. Одет в листья и зеленый мох. [JFC_PTOTWH]; [OM_AHYITH] p. 186.

Гир-Карлинг [The Gyre-Carling] -- Имя королевы эльфов в Файфе. [_CFL:F] p. 33.

Грайндилу [Grindylow] (Йоркшир) -- Злобный водяной демон. [EMW_RSAFL], p. 198.

Грант (средневековая Англия) -- Демон. Похож на годовалого жеребенка, но ходит на задних ногах и имеет горящие глаза. Предвещает смерть. [GT_MS_CV] vol. I, p. 980.

Гrim (Англия) – 1. Эльф Гrim в [_RGHMPAMJ]. 2. !!Dyke Гrima, Церковный Гrim и т.д.

Гунна [Gunnla] (Верхняя Шотландия) -- Эльф, изгнанный из Волшебной страны. Одет в лисьи шкуры. [LS_TFTIB]; [DAM_SFLAFL], p. 230.

Дагда (Ирландия) -- Верховный король Туата Де Дананн, величайший из сидов Ирландии.

Датера Дэд -- Имя эльфийского ребенка в пудинге. [SOA_NTATR] p. 9.

ДЖЕК-в-ЖЕЛЕЗАХ [Jack-in-Irons] (Йоркшир) -- Гигантский призрак, звенящий цепями. [EMW_RSAFL], p. 194.

ДЖЕК-с-ЛАМПАДКОЙ [Jack o' Lantern] (Англия) -- Еще одно имя блуждающего огонька. [JA_OTABRASAAFLW]; [K_FL].

Дженни Зеленые Зубы (Ланкашир) -- Злой водяной дух. Ее присутствие отмечала зеленая муть в воде. [WH_FLOTNC] p. 265.

Джил Жженный Хвост [Gyl Burnt Tayle] -- Имя блуждающего огонька. [G_FN].

Джимми Кривоног [Jimmy Squarefoot] (Мэн) -- Иногда - свинья, иногда - человек, похожий на свинью. На нем ездит великан, бросающийся камнями. [WWG_AMS] p. 356.

Джоан !!the Wad (Корнуолл) -- Вариант блуждающего огонька. [QC_HOP] p. 144. [K_FL].

Джон Тыкер [John Tucker] (Девон) -- Домовой. [RLT_SF].

Добби (Йоркшир) -- брауниподобный хоб, который присоединяется к работающим людям и помогает им. [EMW_RSAFL], p. 202.

Дүйнни-Ойе (Мэн) -- Ночной Человек, предупреждающий о штормах. [WWG_ASMS] p. 246.

Дурачъ [Gull] (Англия) -- имя одного из эльфов в [_RGHMPAMJ]. См. [JA_OTABRASAAFLW]. Эти имена вполне могут отражать деятельность эльфов.

Дурная Погода (Корнуолл) -- вариант Том-Тит-Тота. [_OC] vol. II, pp. 21,27.

Желто-бурый [Yallery Brown] (Линкольншир) -- Имя маленького злого эльфа, такого злого, что опасно было даже заслужить его благодарность. [MCB_LOTC].

Зеленые Рукава [Greensleeves] (Абердин) -- Имя эльфийского волшебника. [PB_AST] pp. 170-7.

Каллах Вур [Cailleach Bheur] -- Синяя Ведьма Верхней Шотландии. Олицетворение духа зимы. [JFC_PTOTWH]; [DAM_SFLAFL].

Каллах ни Громух [Caillagh ny Groagmagh] (Старуха из Глуши) (Мэн) -- Ведьма, делающая бури. Про нее часто рассказывали, как она падала в ущелья со скал; в остальном она очень похожа на шотландскую Каллах Вур. [WWG_AMS] p. 347.

Катти Сомс [Cutty Soams] (Пограничье) -- бук с угольных копей, часто обрезавший [cut] постремки у подвод. [_DT] vol. II, p. 362.

Кауи [The Cowie] -- похожий на брауни дух, обитавший в Горанберрийской Башне. [WC_MOTSB] vol. IV, p. 248.

Кит-с-Тросточкой [Kit-with-the-Canstick] -- Блуждающий огонек у [WC_MOTSB] и Harsnet.

Колмен Грэй [Colman Gray] (Корнуолл) -- Имя маленького мальчика-писки, которое узнал один человек в [RH_PROTWOE], p. 95, по [TQC_NAQ].

Колуинн-Ган-Хенн [Coluinn Gun Cheann] (Шея без головы) -- Бохан, связанный с морарскими Макдоналами. Дружественный к ним, он атаковал и убивал любого члена другого клана, который в одиночку переправлялся через реку Морар после наступления темноты. Наконец его одолел один из реэсайских Маклеодов. [JFC_PTOTWH], vol. II. p. 101.

Косма, Косматый Жеребчик или Рваной Жеребчик [Shag, Shagfoal, or Tatterfoal] -- [_CF:L] pp. 53,55.

Костохруст [Crackerbones] (Сомерсет) -- [RLT_SF], J.O.Halliwell-Phillipps.

Крыжовенная Хозяйка [Gooseberry Wife] (о. Уайт) -- Присматривает за зеленым крыжовником в облике большой волосатой гусеницы.

Куахаг (Верхняя Шотландия) -- Речной дух, что водится в Глен-Куайх. [DAM_SFLAFL], p. 233.

Ленивый Лоуренс (Сомерсет) -- Сторож сада; наказывает воров коликами. [RLT_SF] pp. 119-20.

Лижи [Lickey] -- Одна из фей в [_TLORG].

Линтонский Змей (Шотландское Пограничье) -- [WH_FLOTNC] pp. 295-7.

Луйдег [*Luideag*] (Скай) -- Демоница в лохмотьях, водившаяся в Лохан-нан-Дув-Брек. [DAM_SFLAFL], p. 251.

Луридан (Оркнейские о-ва) – Похожий на брауни дух, который семь лет водился на острове Помона. [GFB_CFL_OAS] p. 46.

Лысый Череп Кровавые Кости [*Raw-head-and-Bloody-Bones*], или иногда **Томми Лысый Череп** -- Широко распространенный детский гоблин, который затаскивал детей в известковые ямы или водился в темных кладовках. [EMW_RSAFL], p. 199; [RLT_SF] p. 123.

Лэмбтонский Змей (Пограничье) -- Чудовище, убитое молодым лордом Лэмбтоном. [WH_FLOTNC] pp. 287-92.

Маэ -- Двойственный персонаж. Королева эльфов, в каком обличье она может иметь некоторую связь с ирландской королевой Маэв, а также проклизливая фея у Шекспира и Бена Джонсона. В [_MSS] она называется королевской фрейлиной.

Крошка Вилли Винки [*Wee Willie Winkie*] -- Шотландский эльф сна, подобно датскому Старому Луку Оие. Герой широко известного детского стишка.

Мампокер [*Mumpoker*] (о. Уайт) -- Детский гоблин. [EMW_RSAFL], p. 198.

Мара -- Древнеанглийское имя демона, сохранившееся в словах "кошмар" [*nightmare*] и *Mare's Nest*.

Мастер Доббс (Сассекс) – см. Добби.

Маути Дуг [*Mautho Doog*] (Мэн) -- Местное название Черного Пса, которая водилась в караульной замка Пил.

Мег Мулах [*Meg Moulach*], или Волосатая Мэг (Верхняя Шотландия) -- Брауни женского рода, водившаяся у стратспейских Грантов ([JA_M]), но позже ставшая опасной. До сих пор существует в устной традиции.

Мелш Дик (Ланкашир) -- Лесной дух, охраняющий незрелые орехи. [EMW_RSAFL], p. 198.

Мерзлячок из Хилтона [*Cauld Lad of Hilton*] (Пограничье) -- дух или брауни, отваженный подаренной ему одеждой. [WH_FLOTNC] pp. 266-7. Известен также Мерзлячок из Гилслэнда, который был скорее призраком.

Мидир (Ирландия) -- Эльфийский муж Этайн. [AG_GAFM], [EW_?] pp. 374-5.

Миколь [*Micol*] -- Королева эльфов, призывающая в [_MSS].

Милашка Энни [*Gentle Annie*] (Кромарти-Фирт) -- Ведьма, поднимающая и управляющая бурями. Тиха и миловидна, но коварна и обманчива. [DAM_SFLAFL], p. 160.

Моргана ле Фей [*Morgan le Fay*] -- Волшебница-чародейка артурианских легенд. [EW_?], p. 311.

Морриган, Морригу (Ирландия) -- Богиня войны. Часто является в виде вороны или ворона. Ее другое имя - **Бадь**. [EW_?], pp. 302-5.

Муйлертах [*The Muileartach*] (Верхняя Шотландия) -- Ведьма-великанша с одним глазом, настолько похожая на Каллах Вур, что, вероятно, является лишь другим ее именем. Однако, она тесно связана с морем. [DAM_SFLAFL], p. 233.

Наккилэйви [*Nuckelavée*] (Шотландия) -- Чудовище, которое выходило из моря, но не могло пересекать бегущую воду. [GD_SHAFT] p. 160.

Нелли Длинноручка [*Nelly Longarms*] (Северо-Запад) -- Водяной дух, который утягивает детей в омыты. [EMW_RSAFL], p. 198.

Никневен [*Nicneven*] -- Другое имя Гир-Карлин. Так ее называет А. Монтгомери в стихотворении 'Flying with Polwart': "Никнивин и нимфы ея без числа". [WS_LODAW] pp. 128-9.

Нуала (Ирландия) -- Королева эльфов при короле Финварре. [EW_?], p. 28.

Нэнни Бутончик [*Nanny Buttoncap*] (Йоркшир) -- [EMW_RSAFL] p. 207 приводит стишок о ней.

ОБЕРОН -- Имя короля эльфов согласно Шекспиру, "Хуону Бордосскому" и некоторым другим популярным традициям. Оберон *[Auberon]* или Обериком *[Oberrycom]* - имена духов, известных во времена раннего Ренессанса.

ПАК *[Puck]* -- Полудомашний эльф типа хобгоблина. Шекспир придал ему индивидуальность, но само слово обычно используется во множественном числе.

Пахтальщица Пег *[Churn-Milk Peg]* (Зап.Йоркшир) -- Древесный дух, защищающий от детей незрелые орехи. Она курит трубку.

Пач *[Pach]* -- Имя одного из эльфов в *[TLORG]*.

Пег О' Нелл (Ланкашир, Рибл) -- Призрак служанки, требовавший человеческую жизнь каждые семь лет. [WH_FLOTNC] pp. 265-6.

Пег Паулер *[Peg Powler]* -- Дух реки Тиз. У нее длинные зеленые волосы, и она неутолимо жаждет человеческих жизней. Пена в верховьях Тиза зовется "стиркой Пег Паулер". [WH_FLOTNC] p. 265.

Пиктри Брэг *[Picktree Brag]* (Дерхэм) -- Бука-оборотень. [WH_FLOTNC] p. 270.

Пирифул *[Peerifool]* -- Оркадский Том Тит Тот. Его сказка - комбинация Сказочных Типов 500 и 311, IV. [GFB_CFL_OAS] pp. 222-6.

Поки-Хоки (Вост. Англия) -- Детский Гоблин. [EMW_RSAFL], p. 198.

Полуханникин *[Half-Hannikin]* (Сомерсет) -- Информация, записанная R. L. Tongue в 1958 г.; считалка:

*Kinnekin-kannikin and a Half-Hannekin,
Kinnekin-kannikin kout
Kinnekin-kannikin and a Half-Hannekin,
Kinnekin-kannikin - out.*

*Киннекин-канникин и Полуханникин,.
Киннекин-каннекин кон.
Киннекин-канникин и Полуханникин,
Киннекин-каннекин - вон!*

Пояснялось, что Полуханникин - "маленький человечек, который убирается в доме по ночам." Записано упоминание о нем, датирующееся 1912 г.

ПОСЕЛЬНИК *[Spotloggin]* -- Дух убитого, что водится в канаве под Ивсхэмом. [EMW_RSAFL], p. 198.

ПУКА *[Pwca]* -- Валлийский пак. По характеру очень похож на английского. [JR_CF], [WS_BG], p. 20.

Робин Круглая Шапочка *[Robin Round-cap]* -- Йоркширский брауни. *[CFL:ER]* p. 54.

Робин Славный Малый *[Robin Goodfellow]* -- Наиболее популярный из всех хобгоблинов. Часто упоминается в литературе елизаветинской эпохи.

Светящийся Мальчик -- Возможно, скорее привидение, чем эльф. [WH_FLOTNC] pp. 267-8.

Сиб *[Sib]* -- Имя одной из фей в *[TLORG]*.

Сили-го-Дут *[Sili-go-Dwt]*, или **Сили Ффрит** *[Sili Ffrift]* -- Имена маленьких валлийских эльфов, нечто вроде Вуппти-Стури. [JR_CF].

Синий !!BURCHES (Сомерсет) -- домашний дух, водившийся в доме сапожника на Блэкдаун-Хиллз. [RLT_SF] p. 121.

Синяя Шапка (Пограничье) -- хобгoblin с угольных копей, работавший за плату кноводом. *[DT]* vol. II, p. 363.

Скилливидден *[Skillywidden]* -- Имя маленького эльфа, пойманного фермером в Трериdge. [RH_PROTWOE].

Скрикер (Ланкашир) -- Предвестник смерти. [EMW_RSAFL], p. 194; {Bowker}.

Скэнтли Маб *[Scantlie Mab]* (Шотландское Пограничье) -- Фея-прядильщица, служившая Хабетроту. [WH_FLOTNC] pp. 259,261.

Слепой Билли (Пограничье) -- Дружественный домашний дух, дающий добрые советы. [FJC_TEASPB] 'Young Beichan'.

Старуха Гогги *[Awd Goggie]* (Вост.Йоркшир) -- Демон, охраняющий незрелые фрукты в садах. *[CFL:ER]* p. 40.

СТАРЫЕ КРОВАВЫЕ КОСТИ (Корнуолл) -- [_OC] vol. II, pp. 2, 17.

СТУКАЧ БОХ [*Knocky Boh*] (Йоркшир) -- Гоблин, постукивающий за стенкой. [EMW_RSAFL], p. 198.

ТАНКЕРАБОГУС или **ТАНТАРАБОБУС** (Сомерсет и Девон) -- злой бука. [EMW_RSAFL], p. 198.

ТЕРРИТОП -- Том Тит Тот корнуольских дроллов. [RH_PROTWOE], [WB_TAHSOWC_II].

ТИБ -- Имя одного из эльфов в [_TLORG].

ТИТАНИЯ -- Супруга Оберона у Шекспира. Ее имя - один из эпитетов Дианы. Сомнительно, чтобы за ней стояла какая-либо народная традиция, хотя [_MSS] упоминает Титан [*Tytan*] вместе с Флореллой и Мабб как "сокровища земли".

ТОМ ДОКИН [*Tom Dockin*] (Йоркшир) -- Бука с железными зубами, пожирающий плохих детей. [EMW_RSAFL], p. 198.

ТОМ ПОКЕР (Восточная Англия) -- Бука, водящийся в темных шкафах. [EMW_RSAFL], p. 198.

ТОМ ТИТ ТОТ (Саффолк) -- Английский Румпельштильцхен. См. {E.Clodd}, Том-Тит, Тут [*Tut*] или Тут-Гат [*Tut-Gut*] - линкольнширские имена хобгоблинов.

ТРУТИН-А-ТРАТИН [*Trwtyn a Tratyn*] -- Валлийский Том Тит Тот. [JR_CF], p. 229.

УИЛКИ [*Wilkie*] -- Шетландское имя эльфа. [GFB_CFL_OAS] p. 47.

УИТТИНГХЕЙМСКИЙ ШОРТХОГГЕРС [*Shorthoggers of Whittingham*] (Шотландия) -- Безымянный призрачный ребенок, очень близкий к спанки. [RC_TPROS] p. 334.

УКАЧАЙ [*Lull*] -- Одна из фей в [_TLORG].

УНА [*Oonagh*] (Ирландия) -- Королева эльфов при короле Финварре, согласно [FSW_ALOI].

ФАРВАНН (Эйршир) -- Зеленый волшебный пес ростом с бычка-двуухлетка. На охоте лает трижды, останавливаясь после каждого лая. Гнался за реэсэйским Маклеодом. [S_FILS] p. 108.

ФЕР ДЕРГ [*Fear Dearg*] (см. Фир Дариг) (Ирландия, Мюнстер) -- Человечек около двух с половиной футов ростом, в алой круглой остроконечной шляпе и длинном алом плаще, с длинными седыми волосами и морщинистым лицом. Приходит и просит позволения обогреться у огня. Очень нехорошо отказывать ему. [TCC_FLOTSOI].

ФИНВАРРА [*Finvarra, Fin Bheara*] -- Король коннахтских эльфов. [FSW_ALOI], I, p. 147; [EW_?], p. 42.

ХАБЕТРОТ (Шотландское Пограничье) -- Эльф-прядильщик. Рубашка, сделанная Хабетротом, считалась действенным средством от многих болезней. W.[WH_FLOTNC] pp. 258-62.

ХАУЛА [*Howlaa*] (Мэн) -- Дух, воюющий перед штормом. {"A Vocabulary of the Manx Dialect"}. {A.W.Moore} и [SM_MFT].

ХЕДЛИ КАУ [*Hedley Kow*] (Нортумберленд) -- Бука-оборотень, который водился в Хедли. [MCB_LOTC], [_CFL:N], p. 17.

ХОББЛДИ [*Hobbledy*] (Срединные графства) -- "Светильник Хобблди" -- имя блуждающего огонька. [EMW_RSAFL], p. 200.

ХОЗЯЙКА ОЗЕРА [*The Lady of the Lake*] -- Фея из артуровской легенды. [EW_?], p. 316.

ЧЕРНАЯ ЭННИС (Лейстершир) -- Злая ведьма с синим лицом и одним глазом, очень похожая характером на горскую Каллах Вур. Ее пещера была в Данных горах; она пожирала ягнят и маленьких детей. [CJB_CFL3]; [DAM_SFLAFL].

ШЕЛЛИКОТ [*Shellicoat*] (Шотландия) -- злой водяной дух. [WC_MOTSB] vol. I, p. 151.

ШОК [*The Shock*] (Саффолк) -- {Gurdon}, [_CFL:Suff], p. 91.

ШОНИ -- Морской дух на Западном побережье Шотландии, которому делали возлияния. [DAM_SFLAFL], pp. 252-3; [EW_?].

ЩИПАЙ [*Pinch*] -- Имя одного из эльфов в [_TLORG].

Эйнсель [*Ainsel*] (Нортумберленд) -- Маленькая эльфийская девочка в пограничной версии Мотива K622 "Никто". [TK_FM], p. 313.

Энгус [*Aengus*] -- Один из Туата Де Дананн, эльфов-богов Ирландии. [EW_?], p. 299.

Этайн (Ирландия) -- Вторая жена эльфийского короля Мидира, которая, в человеческом обличье, вышла замуж за Эохайда, Верховного короля Ирландии. [AG_GAFM]; [EW_?], pp. 369, 374-6, 395.

Приложение II. Выдержки из эльфической поэзии

Средневековый король эльфов

Из "Романса о короле Орфео", воспр. в "Волшебные сказки, легенды и романы в творчестве Шекспира", У.К.Хэзлитт, 1875 [WCH_TROKO] pp. 87-8). Мерудис (Эвридика) говорит:

*Whe(n) I gan my-selve awake,
Ruly chere I gaη to make,
Fore I saw a sembly syzt;
To-werd me come a gentyll knyȝt,
Wele i-armyd at all ryȝht,
And bad I schuld upon hyȝeng,
Come speke with hys lord the kyng.
I ansuerd hym with wordes bold;
I seyd, I durst not ne not I wold.
The knyȝht aȝen he rode full fast,
Than come ther kyng at the last,
And an hundredth lade's and mo,
All theu ryden on whyte stedes,
Of mylke whyte was all ther wedes,
I saw never, seth I was borne,
So feyre creatours here be-forne.
The kyng had a crouȝe on hys hede,
It was no sylver ne gold rede,
It was all off presyous stone,
Als bryȝt as any soȝ it shone!
Also sone as he to me come,
Whether I wold ore not, up he me name,
And made me with hym forto ryde
Upon a stede by hys syde;
He broȝt me to a feyre palas,
Wele tyred and rychly in all case;
And hys hey haules and boures,
Forestes, ryvers, frutes and floures;
Hys grete stedes shewyd me ichone,
And sethyn he made me aȝene to gone
Into the sted where he me fette,
In that same sted ther he me sete,
And seyd, 'Madame, loke that thou be
To-morrow here under this tre,
And than schall thou with us go,
And lyve with us ever-more so;
Iff that thou make us any lete,
Where-ever thou be, thou schall be fete,
And to-torne thi lymys all,
No thyng helpe the ne schall!
And thoȝ thou be all to-torne,
ȝit shall thou a-wey with us to be borne!"*

В этом отрывке буква ȝ произносится по-разному: в начале слова она звучит как "у", в середине - как "ch" или "gh", в конце - как "z".

Королева эльфов в XV в.

Из Романа о "Томасе и Королеве Эльфов", [WCH_TROKO] pp. 104-5,107)

*Hir palfray was of dappulle gray,
Sike on se I never non,
As dose the sune on somers day,
The cumly lady hirselfe schone;
Hir sadille was of reuylle bone,
Semely was that sight to se,
Stifly sette with precious stone,
Compaste aboute with crapoté;
Stony of oryons gret plenté,
Hir here aboute hir hede hit hong;
She rode out over that lovely le,
A-while she blew, a-while she song.
Hir garthes of nobulle silke thei were,
Hir boculs thei were of barys stone;
His stirropis thei were of cristalle clere,
And alle with perry aboute be-gon;
Hir paytrelle was of a rialle fyne,
Hir cropur was of arafé,
Hir bridulle was of golde fyne,
On every side hong bellis thre.
She led iij grehoundis in a leesshe,
vijj rachis be hir fete ran,
To speke with hir wold I not seese,
Hir lire was white as any swan;
She bare a horn about hir halce,
And undur hir gyrdille mony flonne;
For sothe, lordynges, as I yow telle,
Thus was the lady fayre be-gon.¹*

После того, как герой сошелся с ней, она превратилась в ужасную ведьму:

*Thomas stondand in that sted,
And beheld that lady gay,
Hir here that hong upon hir hed,
Hir een semyd out that were so gray;
And alle hir clothis were away,
That here before saw in that stede,
The to shanke was blak, the tother gray,
The body bloo as beton leed!
Thomas seid, 'alas! alas!
In feith, this is a dolfull sight!
That thou art so fadut in the face,
That before shone as sunne bright!'
Take thi leve, Thomas, at sune and mone,
And also at levys of eldryne tre:
This twelmond shall thou with me gon,
That mydul-erth thou shalt not se.'*

Эти эльфы начала XIX века происходят из шекспировской и херриковской традиции:
[GD_SOMQ], Акт IV, сц. v, pp. 137-8.

*Hurrah! the bluff-cheek'd bugle band,
Each with a loud reed in his hand!
Hurrah! the patterning company,
Each with a drum-bell at his knee!
Hurrah! the sash-capt cymbal-swingers!
Hurrah! the kingle-klangle ringers!
Hurrah! Hurrah! the elf-knights enter,
Each with his grasshopper at a canter!
His tough spear of a wild oat made,*

1 Oryons - orient; barys – beryl; lire – complexion; halce – neck; flonne – arrows;

*His good sword of a grassy blade,
His buckram suit of shining laurel,
His shield of bark, emboss'd with coral;
See how the plump champion keeps
His proud steed clambering on his hips,
With foaming jaw pinn'd to his breast,
Blood-rolling eyes, and arched crest;
Over his and his rider's head
A broad-sheet butterfly banner spread,
Swoops round the staff in varying form,
Flouts the soft breeze, but courts the storm.*

"Из Прошения Эльфов Летнего Солнцестояния" ([TH_TWO] vol. V., pp. 213-51.)

Шекспир говорит

*'Oh these be Fancy's revellers by night!
Stealthy companions of the downy moth -
Diana's motes, that flit in her pale light,
Shunners of sunbeams in diurnal sloth; -
These be the feasters on night's silver cloth; -
The gnat with shrilly trump is their convener,
Forth from their flowery chambers, nothing loth,
With lulling tunes to charm the air serener,
Or dance upon the grass to make it greener...'*

*... 'These be the pretty genii of the flow'rs,
Daintily fed with honey and pure dew -
Midsummer's phantoms in her dreaming hours,
King Oberon, and all his merry crew;
The darling puppets of Romance's view;
Fairies, and sprites, and goblin elves we call them,
Famous for patronage of lovers true; -
No harm they act, neither shall harm befall them,
So do not thus with crabbed frowns appal them.'*

Пак описывает себя

*'Alas!' quoth Puck, 'a little random elf,
Born in the sport of nature, like a weed,
For simple sweet enjoyment of myself,
But for no other purpose, worth, or need;
And yet withal of a most happy breed;
And there is Robin Goodfellow besides,
My partner dear on many a prankish deed
To make dame Laughter hold her jolly sides,
Like merry mummers twain on holy tides.'*

Теннисон: рассказ о бозгарте, бежавшем вместе с семьей

{[AT_TWO] p. 81 'Walking to the Mail']:

*But his house, for so they say,
Was haunted with a jolly ghost, that shook
The curtains, whined in lobbies, tapt at doors,
And rummaged like a rat; no servant stay'd:
The farmer vext packs up his beds and chairs,
And all his household stuff; and with his boy
Betwixt his knees, his wife upon the tilt,
Sets out and meets a friends who hails him, 'What!
You're flitting!' 'Yes, we're flitting,' says the ghost
(For they had packed the thing among the beds.)*

'Oh well,' says, he, 'you flitting with us too -
Jack, turn the horses' heads and home again.'

Недолговечные эльфы

С. М. Дафти в своей любопытной драматической поэме "Утесы", опубликованной в 1909, использовал эльфов странным образом. Поэма эта полна инверсий и архаизмов, но в целом ее никоим образом нельзя назвать плахиатом. В Части IV, стр. 188-9, старый эльф Хаут со своеобразным пафосом описывает краткую продолжительность жизни, отпущеной эльфам. Хаут разграничивает три возраста эльфов, три пятерки лет: почка, зеленый лист и увядший лист,

'And when twice hundred, of the Moon's round years, Are hardly, full of changes, o'er us passed; Us rest few frozen days and weary nights.'	"И едва две сотни полных лунных лет, Пронесутся над нами, полные перемен; Нам остается лишь несколько холодных дней и мягостных ночей."
---	--

Он описывает эльфийские похороны - как сыновья выносят своего отца в вывернутом наизнанку камзоле и заклинают кротов и дождевых червей, чтобы те не тревожили могилу. Затем они трижды выкликают имя покойного эльфа и идут домой, чтобы разделить между собой его инструменты и домашнюю утварь. Эти детали не согласуются с основной линией традиции, но имеют привкус обыденности, простоты, который поражает на воображение. И в самом деле, хотя эльфы живут долго, почти вечно, мы то и дело встречаемся с эльфийскими похоронами.

Приложение III. Коттинглийские эльфы

Время от времени история о коттинглийских эльфах всплывает вновь; и это, без сомнения, весьма впечатляющая история. Общие сведения можно найти в газете "The Dalesman" за сентябрь 1965 г., а детали опубликовал Эдвард Л. Гарднер в небольшой книге "Коттинглийские фотографии с продолжением", вышедшей в свет в 1945 г. и переизданной в 1951. Дело было так.

В 1917 г. десятилетняя Фрэнсис Гриффитс, приехала из Южной Африки в Коттингли в гости к своей тринадцатилетней кузине Элси Райт и ее родителям. Немало времени девочки проводили за играми в лесистой долине у ручья возле дома, и нередко, возвращаясь, рассказывали мистеру и миссис Райт, что видели эльфов. Райты считали это детскими фантазиями.

Затем мистер Райт раздобыл маленькую фотокамеру, и Элси попросила его дать им ее, чтобы сфотографировать эльфов в доказательство того, что они говорят правду. После долгих уговоров и просьб мистер Райт выдал детям камеру с одной-единственной пластиной в ней. Стоял ясный солнечный летний день; дети ушли и вернулись через час, сказав, что сфотографировали эльфов. Вечером мистер Райт проявил пластину и на негативе увидел Фрэнсис, опирающуюся на скамью, а перед ней танцевала компания легких эльфов. Уверенный в том, что девочки фотографировали фигурки, вырезанные из бумаги, мистер Райт отправился в долину, чтобы найти обрезки, но не нашел ничего. Спустя несколько дней он дал детям еще одну пластину, и на ней оказалась сфотографирована Элси с крылатым человечком, стоящим у нее на колене. Родители, однако, продолжали думать, что тут кроется какая-то обман, и на этом все кончилось на время; разве что Фрэнсис послала отпечаток одной из фотографий своему другу в Южную Африку.

Спустя три года, в 1920 г., миссис Райт случилось посетить лекцию д-ра Гарднера, где тот говорил о возможности фотографировать духов. Миссис Райт рассказала ему, что ее дочь уверяет, что фотографировала эльфов, и выкрала для него два негатива. Д-р Гарднер отнес их к профессиональному фотографу мистеру Снеллингу из Харроу, сказавшему, что это натурные фотографии одинарной экспозиции, и что он готов поручиться, что это не подделки. Д-р Гарднер также отоспал негативы в «Кодак», где сказали, что не готовы заверить подлинность изображений, но и признаков подделки найти не могут.

Вскоре после этого историей заинтересовался сэр Артур Конан Дойль, написавший о нем статью в рождественский номер «Strand Magazine». Перед тем, как сделать это, он уговорил доктора Гарднера съездить в Коттингли и встретиться с Райтами. Согласно отчету доктора Гарднера, до поездки он был настроен скептически, но Райты произвели на него впечатление честных, прямодушных людей, и он нашел, что натура, изображенная на фотографиях, подлинная.

Гарднер устроил Фрэнсис летние каникулы в Коттингли и раздобыл в Иллингворте несколько маркированных пленок, чтобы удостовериться, что снимки будут подлинными. Погода выдалась очень сырья, и удалось сделать всего лишь три фотографии. Одну из них сочли особенно трудной для подделки.

На следующий год Коттингли посетил мистер Джейфри Ходсон, заявивший, что видел там великое множество эльфов, но не преуспел в фотографировании их. Его объяснение было таково: обе девочки - ясновидящие, а Фрэнсис – еще и медиум с большим количеством свободной эктоплазмы, из которой эльфы и создали себе тела несколько более плотные, чем обыкновенно свойственно им. Ходсон считал эльфов природными духами, обладающими в основном инстинктивным разумом, функцией которых является управление и стимуляция растительной жизни.

Таковы факты. Любой фольклорист в связи с ними ощущает сильное эстетическое неожидание: эльфы из Коттингли выглядят прообразом одетых в прозрачные шелка эльфиков с крыльшками бабочек, сошедших с иллюстраций в детских журналах. Одеты они были также в полном соответствии с модой тех времен - особенно один коротко стриженный эльфик в коротких штанишках, протягивающий Элси букет на одном из снимков 1920 г. Несмотря на то, что Кирк и другие авторитеты считают, что эльфы обычно одеваются соответственно

эпохе и местности, глядя на эти фотографии, испытываешь невольное нежелание поверить в их подлинность.

Другой фактор - люди, принявшие участие в этой истории. Е. Л. Гарднера, Джейффри Ходсона и Артура Конан Дойла можно назвать людьми, мягко говоря, увлекающимися. Сама миссис Райт интересовалась теософией. Безусловно, если автоматически зачислять любого сторонника чего-либо в «увлекающиеся» люди, то тому будет гораздо труднее защищать свои взгляды. Возможность предвзятости со стороны защитников следует уравновесить свидетельством трех независимых экспертов в фотографии.

Похоже, что этому случаю придется ждать каких-либо дополнительных свидетельств воздействия духа на механические устройства.

Библиография

- LANC: J. L. Weston, Sir Lancelot of the Lake. French Prose Romance of the 13th Century, 1929, London
- WM_DNC: Walter Map, De Nugis Curialium, 1924, London
- GC_TITW: Giraldus Cambrensis, The Itinerary Through Wales, ,
- TK_FM: T. Keightley, Fairy Mythology, 1900, London
- GT_MS_CV: Gervase of Tilbury, MS Cotton Vespasian E IV, 1826, Hannover
- RC: Ralph of Coggeshalls, , ,
- GN_H: William of Newbridge, Guilielmi Neubrigensis Historia, 1719,
- WCH_TROKO: W. Carew Hazlitt, The Romance of King Orfeo. Fairy Tales, Legends and Romances Illustrating Shakespeare, 1875, London
- MDF_L: Marie de France, Lanval. Poësies de Marie de France, 1920, Paris
- HB_: , The Boke of Duke Huon of Bordeaux, Done Into English by Sir John Bourchier, Lord Berners, 1883-7,
- PK_LFOTIC: Patrick Kennedy, Legendary Fictions of the Irish Celts, 1891, London
- SR_KOS: Samuel Rowland, The Knave of Spades, 1874
- WW_AE: W. Warner, Albion's England, 1602,
- SBG_LOTS: S. Baring Gould, Lives of the Saints, 1914, London
- WWG_ASMS: Walter W. Gill, A Second Manx Scrapbook, 1932, London
- FSW_ALOI: F. S. Wilde, Ancient Legends of Ireland, 1887,
- WB_TAHSOWC_II: W. Botrell, Traditions and Hearthside Stories of West Cornwall, 1870-80, Penzance
- DAM_TMK: D. A. McManus, The Middle Kingdom, 1959, London
- RH_PROTWOE: R. Hunt, Popular Romances of the West of England, 1930, London
- JFC_PTOTWH: J. F. Campbell, Popular Tales of the Western Highlands, 1890, London
- JR_CF: John Rhys, Celtic Folklore, 1901, Oxford
- CK: , Сказки кодца, 1960, Эдинбург
- JA_M: John Aubrey, Miscellanies, 1890,
- FJC_TEASPB: F. J. Child, The English And Scottish Popular Ballads, 1957, New York
- RLT_SF: Ruth L. Tongue, Somerset Folklore, 1965,
- KMB_TPOF: Katharine M. Briggs, The Personnel of Fairyland, 1953, Oxford
- WS_BG: Wirt Sikes, British Goblins, 1880, London
- RC_TPROS: R. Chambers, The Popular Rhymes of Scotland, ,
- WC_MOTSB: Walter Scott, Minstrelsy of the Scottish Border, 1932, Edinburgh
- WH_FLOTNC: William Henderson, Folk-lore of the Northern Counties and the Borders, 1879,
- GH_PROB: George Henderson, Popular Rhymes of Berwickshire, 1856, Newcastle
- EML_TFLOH: E. M. Leather, The Folk-lore of Herefordshire, 1912, Hereford
- DAM_SFLAFL: D. A. Mackenzie, Scottish Folk-Lore and Folk-Life, 1935, London
- CJB_CFL3: C. J. Billson, 3. Leicestershire and Rutland, 1895
- OM_AHYITH: Osgood Mackenzie, A Hundred Years in the Highlands, 1949, London
- WGWM_TOTEFOI: W. G. Wood-Martin, Traces of the Elder Faith of Ireland, 1902, New York
- TP_YLAT: Thomas Parkinson, Yorkshire Legends and Traditions, 1889, London
- GFB_CFL_OAS: G. F. Black, Orkney and Shetland,
- GD_SHAFT: George Douglas, Scottish Fairy and Folk Tales, n.d., London
- DB_FTFTIOM: Dora Broome, Fairy Tales from the Isle of Man, 1951,

- MAC_CFAFL: M. A. Courtney, Cornish Feasts and Folk-Lore, 1890, Penzance
- MCB_LOTC: M. C. Balfour, Legens of the Cars, 1891,
- BB_TLGOE: Brian Branston, The Lost Gods of England, 1957, London
- KMB_RLT_TFOE: Katharine M. Briggs, Ruth L. Tongue, The Folklore of England, 1965, London, Chicago
- AEB_TBOTTAT: A. E. Bray, The Borders of the Tamar and Tavy, 1859, London
- CB_GJ_SFL: C. Burne, G. Jackson, Shropshire Folk-Lore, 1883, London
- OV_HNS: Ordericus Vitalis, Historiae Normanorum Scriptores, 1619, Paris
- TH_HOTBA: T. Heywood, Hierarchie of the Blessed Angels, 1641,
- AM_P: Alexander Montgomery, Poems, 1910, Edinburngh
- GLK_FL: G. L. Kittredge, Friar's Lantern, ,
- JJ_EFT: J. Jacobs, English Fairy Tales, 1890, Nutt
- RLT_TFOE: Ruth L. Tongue, The Folktales of England, ,
- WWG_AMS: W. W. Gill, A Manx Scrapbook, 1929, London
- RB_WCFACOTNROY: R. Blakeborough, Wit, Character, Folklore and Customs of the North Riding of Yorkshire, 1898, Saltburn
- JS_SFL: J. Spence, Shetland Folk-Lore, 1899, Lerwick
- _Mab: , Mabinogion, ,
- CH_EFH: C. Hole, English Folk Heroes, 1948, London
- PC_LFOTIC: P. Kennedy, Legendary Fictions of the Irish Celts, 1894, London
- SM_MFT: S. Morrison, Manx Fairy Tales, ,
- ED_WTS: H. R. Ellis Davidson, Weland the Smith, ,
- JSU_DFL: J. S. Udal, Dorsetshire Folk-Lore, 1922, Hertford
- HJM_FFFF: H. J. Massingham, Fee, Fi, Fo, Fum, 1926,
- _FLJ: , Folk-Lore Journal,
- JH_TTW_LL: J. Harland, T. T. Wilkinson, Lancashire Legends, 1873, Londond
- JC_IFT: Jeremiah Curtin, Irish Folk-Tales, 1960, Dublin
- RB_APBASOTPOE: R. Bell, Ancient Poems, Ballads and Songs of the Peasantry of England, 1857, London
- GH_SIBATC: George Henderson, Survivals in Belief Among the Celts, 1911, Glasgow
- SH_TSOFT: S. Hartland, The Science of Fairy Tales, 1891, London
- SM_MFT: S. Morrison, Manx Fairy Tales, 1939, Peel
- RD_OP: Robert Dodsley, Old Plays, 1874, London
- LS_TFTIB: L. Spence, The Fairy Tradition in Britain, 1948, London
- TCC_FLOTSOI: Thomas Crofton Croker, Fairy Legends of the South of Ireland, 1826, London
- BH_TFC: Beatrix Heelis, The Fairy Caravan, 1929, Philadelphia
- RB_P: R. Bovet, Pandæmonium, 1684,
- EW_?: Evans Wentz, , ,
- RHC_ROGANS: R. H. Crome, Remains of Galloway and Nithsdale Song, 1810, London
- _DT: , Denham Tracts, 1891,
- RK_TSC: R. Kirk, The Secret Commonwealth, 1933, Stirling
- RP_ACTIS: R. Pitcairn, Ancient Criminal Trials in Scotland, 1883, Edinburg
- TC_W: Thomas Campion, The Works, 1889, London
- B_M: , MS Bodley Malone 14,
- _RAOOF: , Round About Our Coal Fire, 1740,
- RMR_MHFT: R. Macdonald Robertson, More Highland Folk Tales, 1964, Edinburgh

_SFAFT: , , ,

RGS_TPSOFTH: R. Grant Stewart, The Popular Superstitions of the Highlands, 1823,

_RGHMPAMJ: , Robin Goodfellow: His Mad Prankes and Merry Jests, 1628, London

WBY_IFAFT: W. B. Yeats, Irish Fairy and Folk Tales, n. d.,

AG_GAFM: Augusta Gregory, Gods and Fighting Men, 1910, London

JGC_CTAPT: John Gregorson Campbell, Clan Traditions and Popular Tales, ,

SBG_TVOM: S. Baring Gould, The Vicar of Morvenstow, 1876,

_FR: , Folk-Lore Record, 1878

GH_FAWAP: G. Hodson, Fairies at Work and Play, 1925,

SHB_EOL: Sam Hanna Bell, Erin's Orange Lily, 1925, London

HM_ORS: Hugh Miller, Old Red Sandstone, 1887, Edinburgh

TT_KG: Thomas Tickell, Kensington Gardens, 1779,

AP_TP: Alexandre Pope, The Poems, 1963,

АП_П: Александр Поуп, Поэмы, 1988, М.

AP_TROTL: Alexander Pope, The Rape of the Lock, ,

ETD_TIOTUP: E. T. Dewald, The Illustrations of the Utrecht Psalter, 1933,

JCB_TWOW: Julius Caro Baroja, The World of Witches, ,

RB_AJCOTMB: , The Jovial Crew, A Comic Opera, 1760,

MGL_TM: M. G. Lewis, The Monk, 1796,

WC_TP: William Collins, The Poems, 1929,

HW_FV: Horace Walpole, Fugitive Verses, 1930,

JA_MBF: John Adlard, Mr. Blake's Fairies, 1964

WB_TPAP: William Blake, The Poetry and Prose of, 1946,

AC_LOEBP: Alan Cunningham, Lives of Eminent British Painters, 1876,

GS_JHF.ES: Girt Schiff, Johan Heinrich Füssli. Ein Sommernachtsraum, 1961, Stuttgart

WC_TPWO: Sir Walter Scott, The Poetical Works of, n. d. , Edinburgh

JH_SPO: James Hogg, Selected Poems of, Edinburgh, 1940

_EEL: , Early English Lyrics, 1907,

PBS_TCWO: Percy Bysshe Shelley, The Complete Works of, 1927,

TH_TWO: Thomas Hood, The Works of, 1871,

GD_SOTMQ: George Darley, Sylvia, or The May Queen, 1827, London

_LC: , Lyra Celtica, 1932, Edinburgh

CM_CPO: Charlotte Mew, Collected Poems of, 1953,

CR_TPWO: Christina Rosetti, The Poetical Works of, 1904,

WA_RFTYF: William Allingham, Rhymes for the Young Folk, n. d., London

RD_WA_IF.ASOPFTEWBRDWAPBWA: , In Fairyland. A Series of Pictures from the Elf-World
by Richard Doyle with a Poem by William Allingham, 1870, London

_MFS: , Modern Fairy Stories, ,

GKC_A: G. K. Chesterton, Autobiography, 1937,

_IFRAFT: , Irish Fairy and Folk Tales, ,

WBY_TCPO: William Butler Yeats, The Collected Poems of, 1950, London

WDLM_PP: Walter de la Mare, Peacock Pie, n. d., ca. 1916,

RH_TPWO: Robert Herrick, The Poetical Works of, 1925,

RS_TLOIBE: Robert Steele, The Lucubrations of Isaac Bickerstaff Esq., 1709, Nov. 15-17th

PM_ECB: Percy Muir, English Children's Books, 1954,

HP_LTDC: Henri Pourrat, Le Trésor des Contes, 1951,

- _TBBOFFT: , The Borzoi Book of French Folk Tales, 1956, New York
- _LCDF: , Le Cabinet des Fées, 1785, 1789, Amsterdam, Geneva
- AL_GFB: Andrew Lang, Green Fairy Book, ,
- AL_RFB: Andrew Lang, Red Fairy Book, ,
- RK_POPH: Rudyard Kipling, Puck of Pook's Hill, 1906, New York
- HI_TIOFIOJCLTGHT: Hiroko Ikeda, The Introduction of Foreign Influences on Japanese Children's Literature Through Grimm's Household Tales., 1963, Marburg
- GD_PTFTN: George Dasent, Popular Tales from the Norse, 1859,
- BT_YS: Benjamin Thorpe, Yuletide Stories, 1884,
- OW_THPAOT: Oscar Wilde, The Happy Price And Other Tales, 1888,
- CH_TFS: Claudio Hollyband, The French Schoolemaister, 1573,
- LP_TWOTWOTCNT: L. P., The Witch of the Woodlands, or The Cobler's New Translation, 1655,
- TD THOSAM: Thomas Day, The History of Sandford and Merton, 1787,
- CS_HH: Catherine Sinclair, Holiday House, 1831, Edinburgh
- _TGHOSTROI: , The Giant Hands, or The Reward of Industry, ca. 1889,
- _EFAFT: , English Fairy and Folk Tales, ,
- GC_FL: George Cruikshank, Fairy Library, n. d., ca. 1853,
- CD_FOTF,HW: Charles Dickens, Frauds on the Fairies, Oct. 1st, 1853,
- CMY_THOTT: Charlotte M. Yonge, The History of Thomas Thumb, 1855,
- GM_TLP: George Macdonald, The Lost Princess, 1895,
- GM_DWTF: George Macdonald, Dealings with the Fairies, 1867,
- _MGFT: , Mother Goose's Fairy Tales, ,
- CA_ST: Constance Armfield, Sylvia's Travels, 1911,
- JHE_AATDTBAOT: J. H. Ewing, Amelia and the Dwarfs, The Brownies and Other Tales, 1871,
- FB_GWC: Frances Browne, Granny's Wonderful Chair, ,
- JI_MTF: Jean Ingelow, Mopsa the Fairy, ,
- D_T: M. A. Denham, Tracts published by M. A. Denham between 1846 and 1849, 1892,
- JCA_FYIAMP: J. C. Atkinson, Forty Years in a Moorland Parish, 1891,
- JR_TOL: John Roby, Traditions of Lancashire, 1829,
- SOA_HTATR: S. O. Addy, Household Tales and Traditional Remains, 1895,
- JA_OTABRASAAFLW: Jabez Allies, On the Ancient British, Roman and Saxon Antiquities and Folk-Lore. Worcestershire, 1840,
- MD_TWO: Michael Drayton, The Works of, 1932, Oxford
- T_TOT: Thackeray, The Oxford T., 1909,
- BP_TOB: Barry Pain, The One Before, 1902, London
- AL_MOFB: Andrew Lang, My Own Fairy Book, ,
- _САП: , Сказки английских писателей, 1986, Л.
- LC_SAB: Lewis Carroll, Sylvie and Bruno, 1889,
- LC_SABC: Lewis Carroll, Sylvie and Bruno Concluded, 1894,
- EN_NUTFC: E. Nesbit, Nine Unlikely Tales for Children, 1901,
- AAM_OOAT: A. A. Milne, Once On a Time, ca. 1916,
- FA_TGLG.MFT: F. Anstey, The Good Little Girl. Modern Fairy Tales, 1955,
- STW_LW: Sylvia Townsend Warner, Lolly Willowes, 1926,
- SB_LA: Stella Benson, Living alone, 1919,
- JM_TMF: John Masefield, The Midnight Folk, 1927,

- EAP_KATFBOK: E. A. Parry, Katawampus and The First Book of Krab, 1927,
AT_WS: Angela Thirkell, Wild Strawberries, ,
JMB_PAW: J. M. Barrie, Peter and Wendy, 1911,
LH_MAC: Laurence Housman, Moonshine and Clover, 1922,
EF_TLB: Eleanor Farjeon, The Little Bookrom, 1955, Oxford
_TEL: , The Enchanted Land, 1906,
AB TPP: Alfred Baldwin, The Pedlar's Pack, n. d. , Edinburgh
WDLM_B: Walter de la Mare, Broomsticks, 1925,
MH_TLOP: Maurice Hewlett, The Lore of Proserpine, 1913,
CD_TMIF: Clemence Dane, The Moon is Feminine, 1937,
JPC_B:BTMO: Joan Penelope Cope, Bramshill: Being the Memoirs of, 1938,
GM_P: George Macdonald, Phantastes, ,
GM_TPATG: George Macdonald, The Princess and the Goblin, 1872,
WCD_B: William Croft Dickinson, Borrobin, 1944,
BB_TLGM: B.B., The Little Grey Men, 1942,
JRT_TH: John Reuel Tolkien, The Hobbit, 1937,
_CF:NR: Gutch, North Riding,
_CF:L: Mrs. Gutch, Linkolnshire,
MCB_LOTC: M. C. Balfour, Legens of the Cars, 1891,
AG_DOBFL: Alice Gomme, Dictionary of British Folk-Lore, ,
AAMG_TPFF: A. A. MacGregor, The Peat-Fire Flame, ,
M_PBITNEOS: Macpherson, Primitive Beliefs in the North-East of Scotland, ,
_CFL:N: , Northumberlend,
EMW_RSAFL: E. M. Wright, Rustic Speech and Folk-Lore, ,
S_FILS: Simpson, Folklore in Lowland Scotland, ,
AW_GB_SE: A. Waugh, G. Benwell, Sea Enchantress, ,
K_FL: Kittredge, Firar's Lantern, ,
_CFL:F: Simpkins, Fife,
G_PSOP: Grahame, Picturesque Sketches of Pertshire, ,
J_SD: Jamieson, Scottish Dictionary, ,
_CFL:Suff: , Suffolk,
_CFL:ER: Gutch, East Riding,
JJ_MEFT: J. Jacobs, More English Fairy Tales, ,
WH_MM: W. Harrison, Mona Miscellany, ,
SH_EFAFT: S. Hartland, English Fairy and Folk Tales, ,
TB_F69: T. Brown, ,
WN_PWO: William Nicholson, Poetic Works of, ,
M_FTAFL: Macdougall, Folk Tales and Fairy Lore, ,
G_FN: Gauton, Festivous Notes, 1654,
QC_HOP: Quiller Couch, History of Polperro, ,
_OC: , Old Cornwall, ,
PB_AST: Peter Buchan, Ancient Scottish Tales, ,
TQC_NAQ: T. Quiller Couch, Notes and Queries, ,
_TLORG: , The Life of Robin Goodfellow, 1628,
_MSS: , MS Sloane, 1727
WS_LODAW: Walter Scott, Letters on Demonology and Witchkraft, ,

Кэтрин М. Бриггс Эльфы в традиции и литературе. Пер. С. Печкин

Библиография

GD_SOMQ: George Darley, *Sylvia, or the May Queen*, 1827, London

AT_TWO: Alfred Lord Tennyson, *The Works of*, 1892, London

Оглавление

От переводчика.....	3
Благодарности.....	4
Предисловие.....	5
Часть I. ЭЛЬФИЙСКИЕ НАРОДЫ.....	6
I. Экскурс в историю.....	6
II. Волшебные страны.....	11
III. Духи-хранители.....	19
IV. Забытые боги и духи природы.....	27
V. Воинство Мертвых.....	31
VI. Хобгоблины и бесенята.....	35
VII. Великаны, ведьмы и чудовища.....	39
VIII. Волшебные животные.....	44
IX. Волшебные растения.....	51
X. Местная специфика.....	54
Часть II. Общение с эльфами.....	57
XI. Эльфийская несамостоятельность.....	57
XII. Пора и час.....	62
XIII. Эльфийская мораль: мотив двойственности.....	64
XIV. Подменыши и повитухи.....	68
XV. Эльфийские жены и любовники.....	72
XVI. Встречи с эльфами и странные происшествия.....	76
XVII. Мнения и суждения.....	82
Часть II. ЭЛЬФЫ В ЛИТЕРАТУРЕ: ИЗБРАННОЕ.....	88
XVIII. Поэты: XVIII век.....	88
XIX. Поэты: XIX век и далее.....	96
XX. Иностранные вторжения.....	101
XXI. Моралисты.....	104
XXII. Фольклористы и собиратели.....	108
XXIII. Юмористы.....	110
XXIV. Авторский каприз.....	113
XXV. Нечто, достойное внимания.....	116
Приложение I. Эльфийские типы и персонажи	121
Приложение II. Выдержки из эльфической поэзии.....	135
Приложение III. Коттинглийские эльфы	139
Библиография.....	141